Каргополь.
Исторические сведения.

(Лаврентіевская лѣтопись подъ 6455 годомъ[1]). Очевидно, что мѣстность, занимаемая теперь Олонецкою губерніей, и при Ольгѣ еще не входила въ составъ русскаго государства, потому что, въ противномъ случаѣ, Ольга не замедлила бы для тѣхъ же цѣлей если не лично, то заочно распредѣлить дань и между жителями этой мѣстности. Думать же, что лѣтописецъ почему-либо (напр. по незнанію о дѣятельности тамъ Ольги) умолчалъ объ этой мѣстности, нѣтъ основанія, потому что цѣль его, какъ видно, была— превознесть мудрость Ольги; вслѣдствіе этого, онъ и не ограничился однимъ только приведеннымъ выше замѣчаніемъ, но видимо намѣренъ былъ и далѣе продолжать описывать тѣ порядки, какіе вводила она, и, конечно, ему было бы извѣстно хотя что-либо объ этой мѣстности; между тѣмъ, онъ совершенно не упоминаетъ о ней и только продолжаетъ далѣе уже *вообще* указывать на существованіе по всей русской землѣ знаменій, мѣстъ и погостовъ, свидѣтельствующихъ объ Ольгѣ: „...и ловища ея суть по всей земли, знаменія и мѣсты и погосты“... Что касается Святослава, то хотя это и былъ князь воинственный, но

1) Тамъ-же, т. V, стр. 104.

изъ лѣтописей не видно, чтобы онъ ходилъ на сѣверъ и покорялъ финскія племена, кромѣ племени Вятичей, живших на сѣверо-востокъ отъ тогдашней Руси; большею же частію онъ воевалъ съ иноплеменными—восточными, южными и юго-западными народами.

Остаются, такимъ образомъ, два князя—Владиміръ и Ярославъ. Что мѣстность, занимая теперь Олонецкою губерніей, должна была быть завоевана и присоединена къ русскому государству раньше Ярослава, это видно изъ слѣдующаго предположенія Карамзина, основаннаго на лѣтописномъ сказаніи: „...вѣроятно, говоритъ онъ, что въ княженіе Ярослава Новгородская область распространилась на востокъ и сѣверъ. Жители Перми, окрестностей Печорскихъ, Югра, были уже въ XI вѣкѣ данниками Новогородскими (Несторъ зналъ и дикихъ самоѣдовъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Югры): завоеваніе столь отдаленное не могло вдругъ совершиться, и Россіянамъ надлежало прежде овладѣть всѣми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской (и, конечно, Олонецкой) губерній“ [1]). И хотя дальше [2])

1) Карамзинъ. Ист. Г. Р. т. II, стр. 43.

2) Тамъ-же, стр. 44.

Карамзинъ нерѣшительно говоритъ объ этомъ покореніи народовъ Біарміи, съ которыми, по его словамъ, „Новгородцы сблизились чрезъ область Бѣлозерскую и покорили ихъ *въ княженіе Владиміра или Ярослава*“, но тутъ же, въ примѣчаніи 64-мъ, соглашается съ двинскимъ лѣтописцемъ, который свидѣтельствуетъ, что покореніе этихъ народовъ состоялось *при Владимірѣ*: „Двинскій лѣтописецъ, ссылается Карамзинъ, говоритъ, что они (т. е. жители Біарміи) зависѣли отъ Новагорода еще при Владимірѣ“; это, продолжаетъ онъ, „вѣроятно, ибо народъ въ Архангельской губерніи донынѣ сохранилъ нѣкоторые обычаи *языческихъ славянъ*: изъ чего можно заключить, что Россіяне еще въ идолопоклонствѣ овладѣли Двинскою областію“ [1]). Если же, такимъ образомъ, еще Біармія (а она была страною болѣе отдаленною [2]), по словамъ двинскаго лѣтописца, была покорена при Владимірѣ, то, ко-

1) Тамъ-же, т. II, прим., стр. 37.

2) „Біармією, по словамъ Карамзина, называли Скандинавы всю обширную страну Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до р. Печоры... Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губерніи“.

Тамъ-же, т. I, стр. 37.

нечно, никакъ не позже должна была быть покорена мѣстность ближайшая (та, гдѣ теперь Олонецкая губернія) и притомъ такая, чрезъ которую былъ прямой путь въ Біармію (по крайней мѣрѣ, въ сѣверную часть ея—нынѣшнюю Архангельскую губернію, такъ какъ въ восточную часть Біарміи—въ нынѣшнія губерніи Вологодскую, Вятскую, Пермскую—новгородцы проникли, по приведенному свидѣтельству Карамзина, „чрезъ область Бѣлозерскую“). Итакъ, слѣдовательно, по всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ выходитъ, что мѣстность, гдѣ теперь находится Олонецкая губернія, присоединена къ русскому государству *при Владимірѣ* и, какъ даетъ основаніе думать приведенное сейчасъ замѣчаніе Карамзина по поводу свидѣтельства двинскаго лѣтописца,—*еще до принятія имъ христіанства.*

Покоренные Владиміромъ жители этого края были язычники. Объ ихъ языческихъ вѣрованіяхъ извѣстно немного. Очень можетъ быть, что въ общемъ онѣ были сходны съ вѣрованіями славянъ; но, конечно, суровая сѣверная природа и, потому, тяжелыя условія жизни вліяли на выработку и своего собственнаго, особаго міросозерцанія. Такъ, изъ свидѣтельства новго-

родскаго лѣтописца [1]), извѣстно, что между корелами развито было волшебство. Въ 1227 году въ Новгородѣ, на дворѣ Ярослава, сожгли четырехъ волшебниковъ изъ корелъ. А новгородскій архіепископъ Макарій въ своемъ донесеніи царю Ивану Васильевичу, въ 1534 году, такъ описываетъ удержавшіяся еще почти во всей силѣ языческія вѣрованія среди христіанъ „въ Чуди, и въ Ижерѣ,...и во всей корѣльской земли,...и до Лексы рѣки до Лопи до Дикіе“: „суть же скверные молбища ихъ, лѣсъ и каменіе и рѣки и блата, источники и горы и холми, солнце и мѣсяцъ и звѣзды, и озера, и проста рещи всей твари поклоняхуся яко Богу, и чтяху и жертву приношаху кровную бѣсомъ, волы и овцы и всякъ скотъ и птицы... нѣцыи втай дѣти своя заколаху... и кудесы многи творяху, яко съ бѣсы бесѣдовати имъ, и проста человѣка у себя держаху и почитаху яко священника, егоже нарицаху арбуемъ; сей вся приношая совершенія, по своей прелести и дѣтемъ имена нарицая“ [2]). Есть приэтомъ въ лѣтописи указаніе и на нѣкоторые языческіе обычаи жителей этихъ мѣстностей: посылая

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, стр. 42.
2) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. V, стр. 73.

инока Илію, архіеп. Макарій повелѣлъ „разоряти Чудскія обычая, еже женамъ ихъ власовъ своихъ не постригати, и ризъ яко мертвечьихъ на главахъ и на рамѣхъ не носити, и кудесы своя прокляти; таковъ бо бѣ обычай злый въ Чюди, и въ Ижерѣ, и во всѣй Корѣльской земли“ [1]). Существующіе же и до сихъ поръ у жителей этого края различные заговоры, причитанья, таинственные обряды при разныхъ случахъ жизни, вѣра въ домовыхъ, лѣсовыхъ и въ другіе предметы народной фантазіи представляютъ изъ себя ничто иное, какъ остатки вѣрованій языческаго періода жизни этого народа.

Когда-же появилось христіанство среди жителей этого края? Если самый край былъ присоединенъ къ русскому государству при св. Владимірѣ и еще до принятія имъ христіанства, то естественно думать, что и начало христіанства въ краѣ восходитъ ко временамъ св. Владиміра. Естественно такъ думать потому, что, крестившись самъ и крестивъ народъ въ ближайшихъ къ Кіеву областяхъ, Владиміръ не могъ не желать просвѣтить крещеніемъ и подвластныхъ ему

1) Тамъ-же, т. VI, стр. 296.

народовъ отдаленныхъ областей. Достаточно припомнить ревность, съ какою Владиміръ принялся за крещеніе своего народа, чтобы допустить и это предположеніе. Положимъ, лѣтописецъ не говоритъ объ этомъ, но нѣкоторыя общія замѣчанія его даютъ основаніе для такого предположенія. Такъ, сказавъ о крещеніи Владиміра и народа въ Кіевѣ и другихъ ближайшихъ къ Кіеву о ластяхъ, лѣтописецъ продолжаетъ: „и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити *по всѣмъ градомъ и селомъ*“ (Лаврент. лѣтоп.) [1]); или, заканчивая описаніе просвѣтительной дѣятельности Владиміра, онъ заключаетъ, что былъ „Володимеръ просвѣщенъ самъ и сынове его, *и земля его*“ (Лавр. лѣт. [2]).

Положимъ, Карамзинъ подвергаетъ большому сомнѣнію приведенное выше свидѣтельство двинскаго лѣтописца относительно просвѣщенія жителей Біарміи Владиміромъ: „Двинскій лѣтописецъ говоритъ, что они (т. е. жители Біарміи) зависѣли отъ Новагорода еще при Владимірѣ, который просвѣтилъ ихъ крещеніемъ вмѣстѣ съ Россія-

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 51.

2) Тамъ-же, стр. 52.

нами. Первое вѣроятно..., но второе сомнительно: ибо Норвежцы, посланные королемъ Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, въ Біармію, нашли ея жителей идолопоклонниками“ [1]). Но во-первыхъ, Біармія — страна болѣе отдаленная, чѣмъ Кириаландія и потому сомнительное для первой можетъ быть очень вѣроятнымъ для второй; а во-вторыхъ, то обстоятельство, что норвежцы, посланные королемъ Олофомъ, нашли жителей Біарміи идолопоклонниками, можетъ и не противорѣчить свидѣтельству двинскаго лѣтописца: не всѣ жители Біарміи были крещены при Владимірѣ (потому что и не вся Біармія была подчинена при Владимірѣ [2]) и изъ просвѣщенныхъ св. вѣрою многіе могли не оставить прежняго идолопоклонства, тѣмъ болѣе, что 30—40 лѣтъ (отъ времени просвѣщенія до прибытія норвежцевъ) было очень мало для того, чтобы закоренѣлые язычники совершенно отрѣшились отъ своихъ прежнихъ вѣрованій, такъ какъ хорошо извѣстно, что и цѣлыя столѣтія для этого часто оказываются безсильными. Въ упомянутомъ, напр., донесеніи Новгородскаго архіепископа Макарія

1) Карамзинъ. Ист. Г. Р., т. II, примѣч. 64.

2) Тамъ-же, т. II, стр. 43—44.

есть ясное свидѣтельство, что *даже въ XVI вѣкѣ*, не только въ этихъ, но и въ болѣе близкихъ мѣстностяхъ—на мѣстѣ прежней Кириаландіи—языческія вѣрованія среди христіанъ были чуть-ли не въ прежней силѣ: „во всей Русской земли скверные молбища идолскіе разорены тогда, а въ Чуди, и въ Ижерѣ, и въ Корѣлѣ, и во многихъ русскихъмѣстехъ въ преждереченныхъ опѣхъ скверные молбища идолскіе удержашася и до царства великого князя Василія Ивановича (1505—1533 г.) и сына его великого князя Ивана Васильевича (1533—1584 г.), всеа Русіи самодержцевъ“... (Прибавл. къ Псковск. лѣт.) [1]. Все это, слѣдовательно, не можетъ мѣшать сдѣланному предположенію.

Если же ко всему этому прибавимъ, что Владиміръ и дѣйствительно *хотѣлъ просвѣтить корелъ св. вѣрою* [2], то нѣтъ основаній не допускать, что начало просвѣщенія христіанскою вѣрою, пусть даже и очень слабое, появилось въ Олонецкомъ краѣ (мо-

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. V, стр. 73—74.

2) Объ этомъ желаніи св. Владиміра см. Макар. Ист. р. церкви, т. I, стр. 203; Карамз. Ист. Г. Р. т. II, прим. 64; Бутков. Об. Лѣт. Русск., стр. 163, 339.

жетъ быть только въ южной части его, ближайшей къ Новгороду, или въ западной, близкой къ Ладожскому озеру, а почему именно здѣсь—сейчасъ увидимъ) *въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка.*

Какимъ-же образомъ началось просвѣщеніе этого края св. вѣрою? Св. Владиміръ, обыкновенно, для просвѣщенія мѣстностей, близкихъ къ Кіеву, употреблялъ миссіи изъ епископа и священниковъ. Съ другой стороны, изъ дальнѣйшей исторіи русской церкви извѣстно, что на окраинахъ Россіи обыкновенно занимались проповѣдью христіанства подвижники, удалявшіеся туда отъ мірской суеты. Въ данномъ случаѣ есть основаніе думать, что, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, оба эти способа были соединены. По мнѣнію митр. Макарія, очень могло быть, „что преп. Сергій и Германъ (свв. подвижники Валаамскіе) могли быть изъ числа тѣхъ проповѣдниковъ, чрезъ которыхъ св. Владиміръ хотѣлъ распространить Евангеліе въ глубинѣ Карелiи [1]), принадлежавшей

1) И здѣсь и въ другихъ случаяхъ, гдѣ говорится о Карелiи, нужно имѣть въ виду, что она захватывала только западную часть Олонецкой губерніи, и потому, что говорится о Карелiи, можетъ быть относимо только къ этой части губерніи.

тогда Россіи, и что для успѣшнѣйшаго хода своей проповѣди вокругъ Ладожскаго озера они могли основать на островѣ Валаамѣ обитель иноковъ" [1]). Это мнѣніе митр. Макарія можетъ подтверждаться преданіемъ, что преп. Сергій и Германъ пришли въ Новгородъ вмѣстѣ съ епископомъ Іоакимомъ [2]) и, такимъ образомъ, дѣйствительно составляли спеціальную миссію. Эта миссія, впрочемъ, могла быть пріурочена къ нимъ Владиміромъ потому, что они, намѣреваясь удалиться въ дикіе лѣса сѣвера, были уже на пути сюда; и Владиміръ только воспользовался благопріятными обстоятельствами, чтобы осуществить свое желаніе—просвѣтить корелъ св. вѣрою. Впрочемъ, такъ какъ о времени жизни свв. Сергія и Германа достовѣрныхъ свѣдѣній не сохранилось, а между историками по этому вопросу существуютъ серьезныя разногласія, то и это мнѣніе митр. Макарія является спорнымъ и, чтобы показать его состоятельность, необходимо разсмотрѣть существующія различныя мнѣнія о времени жизни свв. Валаамскихъ подвижниковъ.

По однимъ, свв. Сергій и Германъ были

1) Макар. Ист. р. церкви, т. I, стр. 203.
2) Христ. Чт. 1853 г. ч. III, стр. 407—413.

БИБЛІОТЕКА

учениками ап. Андрея Первозваннаго; по другимъ—современниками или св. Ольги, или св. Владиміра; наконецъ, третьи относятъ время ихъ жизни къ XIV вѣку.

1) Первое мнѣніе защищаетъ составитель „Описанія Валаамскаго монастыря". Онъ ссылается, между прочимъ, на „Вселѣтникъ" кіевскаго митрополита Иларіона, 1501 года, гдѣ дѣйствительно Иларіонъ говоритъ: „ноября 30-го св. Ап. всехвальнаго Андрея Первозваннаго... и Церкви поборника восхвалимъ: *„зане якжо древле тому пріити* въ Кіевъ, Смоленскъ, Новградъ, Друзино и *Волаамо*" [1]). По свидѣтельству этого же „Вселѣтника" и мощи свв. Сергія и Германа открыты были очень давно; по крайней мѣрѣ, еще подъ 1050 годомъ читаемъ: „се лѣто принесоша съ Валаама въ Новъградъ великій преподобныхъ Сергія и Германа *утретіи расъ* (въ третій разъ)" [2]). Но эти свидѣтельства „Вселѣтника" не доказываютъ той мысли, что св. Сергій и Германъ были ученики ап. Андрея. Въ первомъ изъ нихъ говорится только о томъ, что этотъ апостолъ посѣтилъ островъ Валаамъ и ничего не говорится о свв. Сергіѣ и Германѣ;

1) „Описаніе Валаам. мон.", стр. 3—5.

2) Тамъ-же, стр. 9.

посѣщеніе же это не обязываетъ предполагать, что Свв. Сергій и Германъ были учениками Первозваннаго Апостола; оно, если и было, могло быть сходно съ посѣщеніемъ этимъ апостоломъ кіевскихъ горъ: провидя великое значеніе этого мѣста для сѣвернаго края, апостолъ могъ благословить его и— только. Второе же свидѣтельство, если и справедливо, не отсылаетъ обязательно къ апостольскимъ временамъ и едва-ли противорѣчитъ тому мнѣнію, по которому свв. Сергій и Германъ были современниками св. Ольги, или св. Владиміра.

2) Митрополиту Макарію болѣе вѣроятнымъ представляется это послѣднее мнѣніе, т. е., что свв. Сергій и Германъ были современниками св. Владиміра. Это мнѣніе, дѣйствительно, болѣе вѣроятно, потому что, помимо большей возможности, оно имѣетъ за себя еще слѣдующія основанія: а) оно подтверждается сказаніемъ житія преп. Авраамія Ростовскаго, гдѣ говорится, что онъ принялъ постриженіе въ Валаамской обители *еще во дни св. Владиміра* отъ игумена Ѳеогноста (между прочимъ: объ этомъ постриженіи говорится въ *двухъ* редакціяхъ его житія—средней и обширнѣйшей и умалчивается только въ самой краткой, можетъ

бытъ именно вслѣдствіе краткости, что̀ придаетъ этому свидѣтельству еще бо̀льшую достовѣрность); б) въ одномъ изъ позднѣйшихъ списковъ Софійской лѣтописи замѣчено, что въ 1163 году обрѣтены мощи свв. Сергія и Германа и, по случаю нападенія Шведовъ (а это нападеніе дѣйствительно было въ 1164 году [1]), перенесены въ Новгородъ при архіепископѣ Іоаннѣ [2]; а въ одной изъ рукописей XVI - XVII вв. содержится сказаніе о возвратномъ перенесеніи мощей на Валаамъ [3]. По этимъ свидѣтельствамъ вполнѣ вѣроятнымъ представляется мнѣніе, что свв. Валаамскіе подвижники были современниками св. Владиміра. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ возбуждать только то мѣсто перваго свидѣтельства, гдѣ гово-

1) У Карамзина, Ист. Г. Р. т. II, прим. 409, читаемъ: „Новгородцы разбили Шведовъ (которые, покоривъ Финляндію, хотѣли завоевать городъ Ладогу и тутъ же, вѣроятно, нападали и на Валаамъ) въ 1164 году".

2) Собственно св. Илія—Іоаннъ еще не былъ въ это время архіепископомъ: онъ хиротонисанъ въ 1165 году, хотя избранъ въ 1163 году. См. П. С Р. Л. т. III, стр. 125; Новг. вторая лѣт. подъ 6671 и 6673 гг.

3) Все это у Макар. Ист. р. церкви, т. I, стр. 204.

рится, что во дни Владиміра въ Валаамской обители былъ игуменомъ „Ѳеогностъ“ и, слѣдовательно, преп. Сергія и Германа уже не было въ живыхъ. Отсюда, какъ будто, выходитъ, что эти святые жили *раньше* св. Владиміра. Но и это сомнѣніе устранится, когда припомнимъ, что отъ крещенія Владиміра (въ 988 г.) до его смерти (въ 1015 г.) прошло 27 лѣтъ; что еп. Іоакимъ (а съ нимъ, по преданію, и преп. Сергій и Германъ) былъ отправленъ въ Новгородскую область въ первые же годы (въ 989 г.) [1]) по крещеніи Владиміра; и что, слѣдовательно, совершенно естественно, если до 1015 года преп. Сергій и Германъ уже умерли и послѣ нихъ, однако „во дни св. Владиміра“, игуменомъ Валаамской обители былъ Ѳеогностъ, отъ котораго принялъ постриженіе Авраамій ростовскій.

3) Въ защиту третьяго мнѣнія, по которому преп. Сергій и Германъ жили въ XIV вѣкѣ, указываютъ: а) на свидѣтельство двухъ шведскихъ писателей, которые говорятъ, что мѣстность, гдѣ находится Валаамъ, не принадлежала Россіи до договора

1) См. Псковскую первую лѣтопись, подъ 6497 годомъ.

съ королемъ Магнусомъ въ 1348 году и б) на свидѣтельство двухъ записокъ, изъ которыхъ одна, найденная на доскѣ древней Кормчей Новгородской Софійской библіотеки, говоритъ: „въ лѣто 6837 (1329) нача жити на островѣ на Валаамскомъ озерѣ Ладожскомъ старецъ Сергій“, а другая повѣствуетъ, что къ этому старцу въ лѣто 7901 (1393) пришелъ въ сожительство преп. Германъ [1]). Что касается перваго свидѣтельства, то во-первыхъ, если-бы мѣстность, гдѣ находится Валаамъ, и не принадлежала Россіи до 1348 года, то все-таки она была пустынной, почти необитаемой; а свв. подвижники такихъ мѣстъ и искали, не обращая вниманія на то, чья эта земля; и подобные примѣры поселенія св. подвижниковъ въ чужихъ земляхъ—въ исторіи не рѣдкость; а во-вторыхъ, по ясному свидѣтельству лѣтописца, мѣстность эта уже въ XI вѣкѣ принадлежала Россіи: „Многія изъ Финскихъ племенъ, говоритъ Карамзинъ, по словамъ Нестора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что лѣтописецъ говоритъ здѣсь уже о своемъ времени, т. е. объ XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли

1) Все это см. въ Ист. р. церкви Макарія, т. I, стр. 205.

почти всею нынѣшнею Россіею Европейскою“ [1]). А митр. Макарій, разсматривая это свидѣтельство, прямо заявляетъ, что Шведы только *съ половины XII вѣка* покорили себѣ юго-западную часть Финляндіи при королѣ Эрикѣ IX (1156—1157) и только съ половины XIII в. начали строить здѣсь свои города и что еще съ 1042 года Русскіе въ XII, XIII и XIV вѣкахъ не разъ проникали въ самую глубь Финляндіи, *защищая свои корельскіе предѣлы* [2]). Во всякомъ случаѣ, что Валаамскій монастырь существовалъ ранѣе XIV вѣка, это, по словамъ митр. Макарія, можно видѣть еще и изъ слѣдующаго: „...по лѣтописцу Устьшехонскаго монастыря (Ист. Р. Іерарх. VI, 584—587) Валаамскій монастырь существовалъ и въ 1251 году: потому что тогда бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильковичъ посылалъ къ Валаамскому игумену и братіи просить настоятеля для новоустроенной имъ Устьшехонской обители и испросилъ старца Геннадія“ [3]). Что касается втораго свидѣтельства, то въ немъ, какъ замѣчаетъ митр. Макарій, очевидная несообразность: преп.

1) Карамзинъ. Ист. Г. Р., т, I, стр. 39.

2) Макар. Ист. р. церкви, т. I, стр. 206 –207.

3) Тамъ-же, т. IV, прим. 277.

Сергій уже въ 1329 году былъ, по словамъ первой записки, *старцемъ*, а между тѣмъ, по словамъ второй записки, уже *спустя 64 года* послѣ этого *къ нему* приходитъ преп. Германъ: какихъ же лѣтъ долженъ былъ быть тогда преп. Сергій?!

Итакъ, представляется болѣе вѣроятнымъ, что свв. Сергій и Германъ Валаамскіе были современниками св. Владиміра. А что они просвѣщали св. вѣрою язычниковъ, жившихъ въ ближайшихъ къ нимъ мѣстностяхъ, это подтверждается преданіемъ этихъ мѣстностей: и до сихъ поръ „не только Финская Карелія, но и Олонецкій край, по преданію, почитаютъ преп. Сергія и Германа своими просвѣтителями“, говоритъ г. Чистовичъ въ своей „Исторіи Православной Церкви въ Финляндіи и Эстляндіи“ [1]). „Въ этомъ послѣднемъ краѣ, прибавляетъ онъ, христіанствомъ озарены были первоначально тѣ мѣста, которыя находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Ладожскимъ озеромъ, а потомъ мало по малу христіанство проникало и внутрь страны, можетъ быть также не безъ содѣйствія Валаамскихъ иноковъ“.

---

1) Стр. 16.

Если бы допустить даже, что преп. Сергій и Германъ жили и раньше св. Владиміра,—и въ такомъ случаѣ иноки основаннаго ими монастыря также способствовали бы распространенію христіанства въ краѣ и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ сѣмена христіанской вѣры были бы занесены въ Олонецкій край во дни св. Владиміра, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ указано выше, *хотѣлъ* просвѣтить Корелію и, слѣдовательно, такъ или иначе побудилъ бы иноковъ Валаамскаго монастыря къ просвѣтительной дѣятельности въ краѣ.

Само собою понятно, что при такомъ раннемъ появленіи, и притомъ, только въ одной самой западной части края, христіанство могло имѣть очень не много послѣдователей: сѣмена св. вѣры пали на совсѣмъ неподготовленную почву и потому не могли принести „плодъ многъ“. Дальнѣйшее распространеніе христіанства тоже шло очень и очень медленно, такъ что цѣлыхъ *шесть* вѣковъ нужно было употребить на то, чтобы христіанская вѣра разошлась *по всему* Олонецкому краю. О причинахъ этой медленности – рѣчь впереди, а теперь изложимъ самую исторію распространенія христіанства по всему краю.

Чтобы были принимаемы какія либо новыя попытки къ распространенію въ Олонецкомъ краѣ христіанства вел. кн. Ярославомъ (1019—1054 г.), съ увѣренностью сказать нельзя: лѣтописецъ не даетъ объ этомъ свѣдѣній, кромѣ самыхъ общихъ, какъ: „при немъ (Ярославѣ) нача вѣра хрестьянская плодитися и разширяти, и черноризьци почаша множитися“ и монастыреве починаху быти [1]), или: „...и ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити людп, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестьянстіи“ [2]).

Также мало это извѣстно и относительно второй половины XI вѣка. У митр. Макарія, впрочемъ, есть извѣстіе, что „въ Олонецкомъ краѣ, въ 43 вер. отъ Каргополя, основанъ былъ еще въ XI вѣкѣ монастырь Челменскій или Челмогорскій преп. Кирилломъ, скончавшимся къ концу того же вѣка“ [3]). Это извѣстіе у него приведено на основаніи такого же свидѣтельства „Исторіи россій-

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 65.
2) Тамъ-же, стр. 66.
3) Макар. Ист. р. ц., т. II, стр. 35.

ской іерархіи“ (т. III, стр. 654: „Челмогорская или Челменская Покровская мужская упраздненная пустынь... основана преп. Кирилломъ, въ концѣ XI вѣка преставившимся“). Но такъ какъ въ тоже время большинство относятъ жизнь преп. Кирилла къ XIV вѣку, а иные даже къ XV или XVI-му [1]) и съ большею вѣроятностью, то нѣтъ основаній довѣрять этому извѣстію митр. Макарія.

Но если и нѣтъ за это время свѣдѣній о просвѣщеніи христіанствомъ *Олонецкаго* края, то такія свѣдѣнія, хотя и несовсѣмъ опредѣленныя, существуютъ о мѣстности сосѣдней—Біарміи, изъ которой оно и могло проникать сюда. „Сія земля (Біармія), говоритъ Карамзинъ, отъ Бѣлоозера до р. Печоры, была названа Заволочьемъ, и мало по малу населена выходцами Новогородскими, *которые принесли туда съ собою и Вѣру Христіанскую*“ [2]). Какъ бы то ни было, слѣдовательно, а во все продолженіе XI вѣка христіанство поддерживалось, а можетъ быть и распространялось въ Олонецкомъ

---

1) Докучаевъ-Басковъ. См. Хр. Чт. 1889 года, мартъ—апрѣль, стр. 469—476.

2) Карамзинъ. Ист. Г. Р. т. II, стр. 44.

краѣ съ западной стороны иноками Валаамской обители, съ восточной — вліяніемъ „новгородскихъ выходцевъ“, которые по пути въ Біармію заносили сѣмена св. вѣры и сюда.

Все это очень вѣроятно, потому что уже въ первой половинѣ XII вѣка эта мѣстность (по крайней мѣрѣ, западная часть ея) была обложена *церковною* данью. Въ княженіе вел. кн. кіевскаго Ярополка II, новгородскій князь Святославъ въ 1137 году возобновилъ древній уставъ Владиміровъ о церковной дани, по которому опредѣлилъ „епископу брать вмѣсто десятины отъ Виръ и продажъ, 100 гривенъ изъ казны княжескй, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлинъ“ [1]). Перечисляя статьи „уѣздныхъ“ оброковъ и пошлинъ по мѣстамъ ихъ поступленія, уставъ говоритъ: „А се Обонѣзьскый рядъ: въ Олонци 3 гривны, въ Юсколѣ 3 гривны, въ Тервиничахъ 3 гривны, на Свѣри гривна, въ у Выонцѣ гривна, устье Паши гривна“... Обложеніе этого края церковною данью даетъ основаніе думать, что здѣсь уже было проповѣдано христіанство: странно было-бы собирать „церковную“ дань съ людей, не имѣвшихъ никакого отношенія къ церкви.

1) Карамз. Ист. Г. Р. т. II, стр. 211; прим. 236.

Съ другой стороны, Карамзинъ свидѣтельствуетъ: „по достовѣрнымъ источникамъ, говоритъ онъ, намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ (можетъ быть въ началѣ его, если при *первомъ* новгор. епископѣ Іоаннѣ) существовали монастыри на берегахъ Двины“ [1]), слѣдовательно, неподалеку отъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ нынѣшней Олонецкой губерніи. Изъ этихъ „достовѣрныхъ источниковъ“ онъ указываетъ на уцѣлѣвшія „въ Архангельскомъ монастырѣ двѣ древнія грамоты харатейныя Новогородскаго Архіерея Іоанна: первая къ тамошнему игумену Лукѣ, вторая къ Двинскимъ посадникамъ. Въ нихъ годъ не означенъ; но въ лѣтописяхъ, въ Помянникѣ и въ Каталогѣ Новогородскихъ Святителей наименованы два Іоанна: первый хиротонисованъ въ 1110 году, а второй въ 1165 году. Грамота написана тѣмъ или другимъ“ [2]). Близкое сосѣдство этихъ монастырей не могло, конечно, не оказывать вліянія на окрестныхъ жителей и свѣтъ св. вѣры, хотя можетъ быть и слабо, всетаки распространялся.

Къ концу XII-го вѣка мы видимъ монастырь уже почти въ срединѣ нынѣшней

1) Карамз. Ист. Г. Р., т. II, стр. 44.
2) Тамъ-же, т. II, прим. 64.

Олонецкой губерніи—на Палеѣ островѣ Онежскаго озера, основанный преп. Корнеліемъ, выходцемъ изъ Валаамскаго монастыря[1]). Большинство историковъ, впрочемъ, относятъ основаніе этого монастыря къ XV или XVI вѣку, но, кажется, не вѣрно. По крайней мѣрѣ, вотъ что читаемъ по этому поводу у г. Чистовича, въ его „Исторіи Православной Церкви въ Финляндіи и Эстляндіи“: „Что преп. Корнилій жилъ въ XII столѣтіи, а не въ XV, какъ сказано было въ замѣткахъ о жизни его въ Христ. Чт. 1853 г., кн. VII, стр. 25, на основаніи Словаря Русскихъ Святыхъ, стр. 161, на это указываютъ: 1) Грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 1691 г., данная на имя стольника и воеводы Олонецкаго Леонтія Аѳанасьевича Стрѣшнева и сохранившаяся (въ спискѣ) въ Палеостровскомъ

1) Слѣдовательно, Валаамскій монастырь уже существовалъ въ это время; а „что Корнилій посѣтилъ Валаамскій монастырь и жилъ тамъ нѣсколько времени, объ этомъ свидѣтельствуетъ, говоритъ г. Чистовичъ, постоянное преданіе монастыря и нѣкоторыя рукописныя житія преподобнаго“, изъ которыхъ одно имѣется, между прочимъ, въ библіотекѣ С.-Петерб. дух. акад., рукоп. № 285. Чистовичъ. Ист. Пр. Церкви въ Финл. и Эстл., стр. 39—40.

монастырѣ. Въ ней, между прочимъ, сказано: „и нынѣ били челомъ намъ великимъ государемъ, Олонецкаго уѣзда, съ Онѣга озера, Палеостровскаго монастыря строитель старецъ Мисаилъ съ братіею: въ прошлыхъ-де годѣхъ, тому *съ пять сотъ лѣтъ и больши*, Новгородскіе посадники во время бытія своего дали подъ строеніе того ихъ Палеостровскаго монастыря первоначальнику преп. Корнилію на Онегѣ озерѣ Палей, Рѣчной и иные острови, да на пропитаніе братіи и трудникомъ въ Шунгскомъ (въ 15 в. отъ монастыря) погостѣ пашенныя земли и сѣнные покосы и рыбныя ловли и всякія угодья и для вѣчнаго къ тому ихъ монастырю утвержденія на тѣ угодья и данныя (крѣпости) *за своими руками и свинцовыми печатями*“. Очевидно, что Мисаилъ имѣлъ подъ руками и читалъ крѣпости; но представить ихъ царямъ не могъ, потому что раскольники, разоривши въ томъ же году Палеостровскій монастырь, „всяку въ томъ монастырѣ церковную утварь, книги и ризы и денежную казну и жалованные грамоты, и новгородскихъ посадниковъ данные и письменные крѣпости все безъ остатку побрали“, какъ сказано въ той же грамотѣ. Боголюбивые цари возвратили монастырю его угодья и

повелѣли: „всякимъ угодьямъ, что за тѣмъ ихъ Палеостровскимъ монастыремъ по нынѣшнее разореніе было, по многимъ прародителей нашихъ и нашимъ государскимъ указамъ и по жалованнымъ граматамъ и торговымъ книгамъ и по даннымъ новгородскихъ посадниковъ всему во всемъ быть по прежнему несумнѣнно“ [1]). Затѣмъ, приводятся и другія свидѣтельства въ подтвержденіе того же, но и изъ приведеннаго можно убѣдиться, что Палеостровскій монастырь существовалъ *въ XII вѣкѣ* [2]).

Существованіе въ это время въ этихъ мѣстахъ монастырей „заставляетъ предполагать, говоритъ митр. Макарій, что *тамъ были уже христіане*, или что самое основаніе монастырей имѣло цѣлію *дальнѣйшее распространеніе христіанства* между коренными жителями [3]).

Все сказанное до сихъ поръ о просвѣщеніи св. вѣрою вмѣстѣ съ прочими обитате-

---

1) Чистовичъ. Ист. Пр. Ц. въ Финл. и Эстл., стр. 38—39, прим. 67.

2) О томъ же см. Пам. кн. Олон. губ. за 1868—69 г. ч. III, „Преподобные Обонежскіе Пустынножители“ Барсова.

3) Макар. Ист. р. ц. т. II, стр. 35.

лями сѣверной Россіи и жителей Олонецкаго края подтверждается въ особенности тѣмъ, что когда „въ лѣто 6735 (1227)... князь Ярославъ Всеволодовичъ послалъ *крести множество Корѣлъ, мало не вся люди*“ [1]) (что, большею частію, многими и принимается какъ самое первое появленіе въ этомъ краѣ христіанства), то, по замѣчанію Карамзина, жители этого края не только не выказали при этомъ никакого сопротивленія (что естественно было-бы ожидать отъ дикихъ язычниковъ), но оказались даже совершенно расположенными къ христіанству: „Ярославъ, говоритъ онъ, въ сей же (1227) годъ отправилъ священниковъ въ Корельскую землю и, *не употребивъ никакихъ насильственныхъ мѣръ*, крестилъ бо́льшую часть жителей, уже давно подданныхъ Новагорода *и расположенныхъ добровольно къ принятію Христіанства*“ [2]). Очевидно, что жители мѣстностей, куда посылалъ Ярославъ священниковъ, уже давно были знакомы съ христіанствомъ; и если многіе изъ нихъ еще не были крещены, то это можно объяснить суевѣрной привязанностью ихъ къ прежнимъ вѣрованіямъ, боязнью добро-

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 191.

2) Карамзинъ. Ист. Г. Р. т. III, стр. 246.

вольно оставить ихъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва прежнихъ боговъ; требовалось, слѣдовательно, только нѣкоторое внѣшнее побужденіе, чтобы они крестились, что и произошло, когда Ярославъ прислалъ къ нимъ священниковъ.

Послѣ этого извѣстія въ лѣтописяхъ болѣе не упоминается о повтореніи подобныхъ миссій ни у Корелъ, ни въ другихъ сосѣднихъ съ ними мѣстностяхъ. Отсутствіе такихъ извѣстій позволяетъ думать, что уже не мало жителей Олонецкаго края въ это время—около половины XIII в.—были христіане. Что-же касается обращенія въ христіанство прочихъ, еще язычниковъ, то, вѣроятно, что это обращеніе продолжало идти впередъ, хотя и медленнымъ путемъ, съ одной стороны—благодаря той-же просвѣтительной дѣятельности св. подвижниковъ, которые съ этого времени все въ большемъ и большемъ числѣ начинаютъ появляться въ Олонецкомъ краѣ, а съ другой стороны—благодаря большому наплыву на сѣверъ жителей средней и южной Россіи. Страшныя опустошенія, какія производили въ это время въ средней и южной Россіи татары, заставили многихъ изъ нихъ бѣжать на болѣе безопасный сѣверъ и селиться здѣсь. Подобный

наплывъ сюда жителей средней и южной Руси, наплывъ христіанъ, на которыхъ преимущественно сосредоточены были заботы Церкви въ теченіе уже трехъ вѣковъ, не могъ не оказывать вліянія на жизнь и нравы туземцевъ, лучше знакомить ихъ съ христіанскими началами, а вслѣдствіе этого, если и не способствовалъ прямо обращенію язычниковъ въ христіанство, то, во всякомъ случаѣ, подготовлялъ почву для этого обращенія, что также имѣло очень важное значеніе, въ виду полудикаго состоянія туземцевъ. Между тѣмъ, тяжелыя политическія обстоятельства пробуждали въ народѣ религіозное чувство и очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ этого пробужденія нѣкоторые изъ выходцевъ средней и южной Руси, бѣжавъ на сѣверъ, совершенно оставляли міръ, удалялись въ лѣса и тамъ, въ уединеніи, проводили время въ молитвѣ. Святая жизнь этихъ отшельниковъ не могла не привлекать къ нимъ народа и, такимъ образомъ, способствовала и распространенію христіанства и утвержденію христіанскихъ началъ въ краѣ. Можетъ быть даже, что и нѣкоторые изъ народа селились около такихъ отшельниковъ и, такимъ образомъ, полагали начало монастырямъ.

Все это очень вѣроятно, потому что въ XIV вѣкѣ въ разныхъ мѣстахъ Олонецкаго края и близъ него мы видимъ уже не мало обителей, число которыхъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивается. Такъ, близъ Каргополя, на берегу р. Онеги, въ XIV вѣкѣ основалъ Каргопольскій Успенскій монастырь инокъ Іона [1]; на той-же рѣкѣ, въ томъ-же вѣкѣ (по автору „Исторіи Россійской Іерархіи“ — въ 1340 году) [2] инокъ Вассіанъ основалъ Каргопольскій Спасскій монастырь [3]. Около-же этого времени (впрочемъ, это — вопросъ спорный; см. Христ. Чт. 1886 г., сент.-окт., стр. 493; хотя авторъ „Исторіи Россійской Іерархіи“ и относитъ основаніе монастыря къ 1352 году) [4], по особенному внушенію, преп. Лазарь переселился на необитаемый островъ Мурму или Мучь, на Онежскомъ озерѣ; здѣсь онъ 40 лѣтъ проповѣдывалъ евангеліе дикимъ Лопарямъ и Мурманской Чуди, терпѣлъ отъ нихъ много притѣсненій; но, послѣ чудес-

1) Макар. Ист. р. церкви, т. IV, стр. 205—207. Годъ основанія монастыря въ Ист. Росс. Іерархіи не указанъ.

2) Т. IV, стр. 344.

3) Макар. Ист. р. ц. т. IV, стр. 205—207.

4) Т. V, стр. 115—129.

наго исцѣленія имъ слѣпорожденнаго дитяти одного лопскаго старшины, язычники стали уважать отшельника, многіе изъ нихъ крестились, а нѣкоторые даже приняли иночество и поселились вмѣстѣ съ нимъ въ его Успенской обители [1]). Къ концу этого-же XIV в. (по автору „Исторіи Россійской Іерархіи"—въ 1393 году) [2]) на островѣ Ладожскаго озера Коневцѣ основалъ монастырь старецъ Арсеній, жившій нѣкоторое время предъ этимъ въ Валаамскомъ монастырѣ и, по мѣстному преданію, не мало способствовалъ обращенію къ христіанской вѣрѣ окрестныхъ жителей—Корелъ [3]).

Таковы извѣстные нашему времени монастыри, бывшіе въ Олонецкомъ краѣ и близъ него въ XIV вѣкѣ. При всемъ этомъ и Валаамскій монастырь, по прежнему, продолжалъ разливать вокругъ себя благодатный свѣтъ; „отъ него, какъ въ юго-западной Россіи—отъ Кіево-Печерской лавры, и какъ отъ Троице-Сергіевой лавры въ восточной Россіи, распространялась иноческая жизнь на сѣверѣ нашей отчизны. Имъ, какъ жиз-

1) Макар. Ист. р. ц. т. IV, стр. 205—207.
2) Т. IV, стр. 616.
3) Макарій, тамъ-же. Чистов. Ист. Правосл. церкви въ Финл. и Эстл., стр. 41.

нѣнымъ началомъ, поддерживалась и направлялась иноческая жизнь въ другихъ мѣстахъ“ [1]); а эти иноки, расходясь по разнымъ мѣстамъ края и, поселяясь тамъ, заносили такимъ образомъ свѣтъ св. вѣры и къ язычникамъ.

Нѣтъ нужды подробно говорить здѣсь объ этихъ монастыряхъ; наша цѣль—указать только, что монастыри, какъ разсадники христіанства, существовали *по всему* Олонецкому краю; поэтому ограничиваемся приведеніемъ самыхъ краткихъ свѣдѣній, какія о нихъ имѣются въ „Исторіи русской церкви“ митр. Макарія и въ другихъ историческихъ трудахъ.

Большинство монастырей въ Олонецкомъ краѣ относится собственно къ XVI вѣку; относительно же XV, кромѣ прежнихъ, извѣстно не много новыхъ: монастырь Александровскій Ошевенскій, Александро-Свирскій, Пахоміевъ Кенскій и Кирилловъ Челмогорскій. а) Александровскій Ошевенскій монастырь основанъ по благословенію новгородскаго архіепископа Іоны (1459—1471

1) Чистов., тамъ-же.

т.) въ 1465 году [1]), на р. Чурягѣ, въ 43 верстахъ отъ Каргополя, преп. Александромъ Ошевенскимъ, скончавшимся въ 1479 году [2]). б) Троицкій Александро-Свирскій, самый замѣчательный въ Олонецкомъ краѣ монастырь, основанъ преп. Александромъ Свирскимъ, постриженникомъ Валаамскаго монастыря, въ концѣ XV вѣка, въ 6 верстахъ отъ р. Свири [3]). в) Кенскій Спасопреображенскій монастырь находился въ Каргопольскомъ (теперь въ Пудожскомъ) уѣздѣ, Олонецкой губерніи, въ 4 верстахъ отъ озера Кени; основаніе его старцемъ Пахоміемъ относится „если не къ началу XVI, то къ концу XV вѣка. Во всякомъ случаѣ, говоритъ г. Докучаевъ-Басковъ, Пахоміева пустынь къ 1508 году, т. е. ко времени прихода въ нее мірянина Андрея, впослѣдствіи преп. Антонія Сійскаго, была уже обителію вполнѣ благоустроенною, хотя и бѣдною, какъ это видно изъ житія сего угод-

---

1) Ист. Росс. Іерархіи ч. V, стр. 422.

2) Макар. Ист. р. церкви, т. VII, стр. 38.

3) Макарій, тамъ-же, т. VII, стр. 37—38. Авторъ „Ист. Росс. Іер.“ въ VI ч. на 39 стр. относитъ основаніе этого монастыря къ 1487 году, а на 44-й—къ 1506-му (?).

ника, постриженника сей обители [1]). г) Кирилловъ Челмогорскій монастырь въ 80-ти верстахъ отъ Каргополя, основанный преп. Кирилломъ. О времени жизни его существуютъ различныя свѣдѣнія. Какъ уже сказано, авторъ „Исторіи Росс. Іерархіи", а на основаніи его и митр. Макарій относили время жизни преп. Кирилла къ XI вѣку; другіе относятъ время жизни его къ XIV вѣку. Не входимъ въ подробное разсмотрѣніе этихъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній и замѣтимъ только, что г. Докучаевъ-Басковъ (въ Христ. Чт. 1889 г., мартъ—апрѣль, стр. 469—476), кажется, съ большею основательностію относитъ жизнь преп. Кирилла къ концу XV и началу XVI вѣка. Всѣ эти монастыри несомнѣнно имѣли громадное вліяніе на окрестныхъ жителей: подъ вліяніемъ такихъ примѣровъ благочестивой жизни, какова была жизнь этихъ св. подвижниковъ, христіанскія начала крѣпли и развивались среди крестившихся больше и больше; некрестившіеся же обращались въ христіанство. Про Кирилла Челмогорскаго, напримѣръ, говорятъ, что удивленные его

1) Христ. Чт. 1887 г., іюль—августъ, стр. 257, „Пустынножители крайняго сѣвера", Докучаева-Баскова. Макар. Ист. р. ц. т. VII, стр. 39.

святой жизнью „мало по малу невѣрные жители стали сближаться съ нимъ и слушать его бесѣду; наконецъ, въ теченіе долгой подвижнической жизни преп. Кирилла, почти вся окрестная Чудь приняла отъ него святое крещеніе. Онъ поставилъ на горѣ храмъ Богоявленія Господня и устроилъ общежитіе для собравшихся къ нему немногихъ ревнителей пустынной жизни [1]). Таковы монастыри, служившіе христіанизаціи Олонецкаго края въ XV вѣкѣ.

Въ XVI вѣкѣ монастыри раскинулись уже по всему пространству Олонецкаго края. Одни изъ нихъ основаны были учениками преп. Александра Свирскаго, другіе – разными отшельниками, искавшими въ здѣшнихъ мѣстахъ уединенія для строго-монашеской жизни. Около нихъ собирались „ревнители пустынной жизни“ и такимъ образомъ возникали обители. Обители эти часто были очень малы и потому впослѣдствіи большая часть ихъ была обращена въ приходы; однако, *въ свое время*, въ первое время существованія, пока были живы основатели ихъ, а также и ученики этихъ по-

1) Разск. изъ ист. р. церкви, гр. М. Толстого, стр. 188.

слѣднихъ, горѣвшіе тою-же ревностію, эти обители, подобно прежнимъ, также благотворно вліяли на окрестныхъ жителей — въ смыслѣ утвержденія въ нихъ христіанскихъ началъ.

Изъ монастырей, основанныхъ учениками преп. Александра Свирскаго, извѣстны: а) Андрусовъ Николаевскій или Андреева пустынь, на берегу Ладожскаго озера, въ Олонецкомъ уѣздѣ. Основателемъ монастыря былъ преп. Адріанъ, въ мірѣ бояринъ Андрей Завалишинъ, нашедшій въ пустынѣ преп. Александра Свирскаго и сдѣлавшійся его ученикомъ [1]). б) Важеозерскій монастырь, или нынѣшняя Задне-Никифоровская пустынь, за 90 верстъ отъ Свирскаго монастыря. Основателями ея были Никифоръ и Геннадій, сподвижники преп. Александра. По свидѣтельству автора „Исторіи Россійской Іерархіи“ [2]), монастырь этотъ основанъ въ 1550 году. в) Троицкій Сяндебскій монастырь на озерѣ Сянзѣ или Сяндебѣ, въ Олонецкомъ уѣздѣ, основанный инокомъ Аѳанасіемъ, также ученикомъ преп. Александра, „на Софійской землѣ, по благо-

1) Макар. Ист. р. церкви, т. VII, стр. 36.

2) Ч. IV, стр. 123.

словенію Новгородскаго владыки Пимена" (1553—1570) [1]). г) „Введенскій на Ояти..., Ильинскій на Ояти..., Никольскій на Ояти... [2]), о которыхъ упоминаетъ митр. Макарій, также вѣроятно были основаны учениками преп. Александра: гр. М. Толстой въ своихъ „Разсказахъ изъ исторіи русской церкви [3]), между прочимъ, говоритъ, что въ одной „Оятской пустыни скончались питомцы Свирскаго наставника—Игнатій, Леонидъ, Діонисій, Ѳеодоръ, Ѳерапонтъ, Корнилій и Аѳанасій". д) Оредежская пустынь, гдѣ подвизался также ученикъ Свирскаго преп. Макарій [4]).

Большая часть другихъ монастырей была расположена ближе къ Онежскому озеру, на немъ и вокругъ него; „это были монастыри[5]): *Николаевскій* на р. Шакшѣ, построенный игуменомъ Корниліемъ, который въ 1583 г. еще начальствовалъ надъ 11-ю черноризцами; *Вознесенскій* на устьѣ рѣки Свири съ

1) Макарій, тамъ-же, т. VII, стр. 36.
2) Макарій, тамъ-же.
3) Стр. 298.
4) Гр. М. Толстой. Разск. изъ ист. р. ц., стр. 298.
5) Такъ перечисляетъ ихъ митр. Макарій. Ист. р. церкви, т. VII, стр. 35—39.

20 келліями, которыя всѣ пожгли нѣмецкіе люди; *Ильинскій* въ Рождественскомъ погостѣ на рѣкѣ Сарѣ, съ девятью келліями и 15-ю братіями; *Благовѣщенскій* на озерѣ Яшѣ съ девятью иноками", основанный преп. Іоною, вѣроятно, въ концѣ XVI в., хотя авторъ „Исторіи Россійской Іерархіи" (ч. VI, стр. 840) и относитъ основаніе его къ 1616 году, когда, должно быть, преп. Іона оффиціально испросилъ благословеніе основанному имъ монастырю. „*Николаевскій* на озерѣ Онегѣ, считавшійся еще новымъ въ 1583 году и имѣвшій одиннадцать братій; *Николаевскій* на рѣкѣ Шуѣ, въ которомъ и церкви и всѣ десять келлій пожгли нѣмецкіе люди; *Климецкій Троицкій* на Климецкомъ островѣ Онежскаго озера, основанный преп. Іоною въ 1532 году..."; но на этомъ-же островѣ еще и до преп. Іоны былъ монастырь: „кто былъ первымъ насельникомъ Климецкаго острова, говоритъ г. Барсовъ [1]), неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ основанъ былъ нынѣ извѣстный монастырь, здѣсь существовала уже обитель иноковъ, названная въ житіи преп. Іоны старою. Обитель эта находилась вер-

1) Пам. кн. Олон. губ. за 1868 г., ч. III, стр. 41.

стахъ въ двухъ отъ нынѣшняго монастыря"; „*Машезерскій* или Машина пустынь на островѣ озера Маше, въ 15 верстахъ отъ западнаго берега Онежскаго озера, построенный при царѣ Іоаннѣ IV",—по автору „Исторіи Россійской Іерархіи" (ч. V, стр. 59)—около 1570 г.; „*Николаевскій* на островѣ озера Котка, къ сѣверо-западу отъ Онежскаго озера, имѣвшій 22 келліи, изъ которыхъ въ пяти жили семь старцевъ, а въ 17-ти двадцать пять старицъ; *Покровскій* на рѣкѣ Вытегрѣ, за Онежскимъ озеромъ, женскій, съ двадцатью келліями; *Троицкій* на озерѣ Лужандѣ, съ одиннадцатью келліями, построенный старцемъ Герасимомъ; *Николаевскій* на рѣкѣ Андомѣ, женскій, въ которомъ въ пятнадцати келліяхъ жили инокини, а въ другихъ пятнадцати нищіе, старики и старухи; *Спасскій* на рѣкѣ Шалѣ: здѣсь въ монастырѣ было 10 келлій для черноризцевъ, а за монастыремъ жили въ 5-ти келліяхъ черноризицы; *Кожеозерскій* Богоявленскій на Кожеозерѣ, на Лопскомъ островѣ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ (теперь въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи), устроенный на правилахъ общежитія старцемъ Серапіономъ около 1560 года", по словамъ-же г. Доку-

чаева-Баскова, „начало монашеской общины положено здѣсь около половины XVI в. священноинокомъ *Нифонтомъ*, старцемъ жизни строгой, подвижнической“ [1]).

Кромѣ этихъ монастырей, въ томъ-же XVI вѣкѣ существовали здѣсь и многіе другіе: Соломенскій, Водлозерскій, пустыни: Юрьегорская, Демьянова, Іоанна Волосатаго, Рогозерская, Кедрова, Лобанова, Елгомская и др. Хотя эти монастыри и пустыни и перечисляются въ писцовыхъ книгахъ начала XVII столѣтія, но несомнѣнно, что основаніе ихъ относится къ концу XVI в., потому что въ началѣ XVII столѣтія, при записи въ писцовыя книги, многіе изъ нихъ уже были въ запустѣніи. Такъ напримѣръ, о Кедровой пустыни въ писцовой книгѣ 1628—1629 гг. имѣется слѣдующее извѣстіе: „В Ржтвенскомъ Мегерскомъ погосте мнтрь Кѣдрова пустынь на Пигиже озерѣ, а в немъ церковь... в мнтрѣ 5 келей: келья черного попа Ионы, да келья хлѣбная, да 3 кельи пустыхъ; да дворъ конюшенной, а на немъ живетъ мтрьской служка“... [2]); или о Рогозерской пустыни въ той-же книгѣ:

1) Христ. Чт. 1886 г., янв.—февр., стр. 266.
2) Олон. Губ. Вѣдомости 1851 г., № 1.

„Митрь словетъ Рогозерская пустынь, стоитъ на Рогоозера на острову на межевой земле межъ Пудожского і Водлозерского погостовъ... да в митрѣ келья строительская пуста; да на берегу у озера дворъ коровей, а въ немъ живетъ черной попъ да старецъ, да слуги три члвка, а пашни полевые нѣтъ; питаются Христовымъ именемъ...“. Очевидно, что эти пустыни, во время переписи ихъ, находились уже въ упадкѣ и, слѣдовательно, лучшую пору ихъ существованія надо относить къ XVI вѣку.

Такое множество монастырей по всему Олонецкому краю, обильно разливавшихъ вокругъ себя свѣтъ св. вѣры, даетъ твердое основаніе думать, что въ XVI вѣкѣ, къ началу XVII-го, весь Олонецкій край былъ христіанскимъ.

Такимъ образомъ, появившись въ концѣ X-го или въ началѣ XI вѣка, христіанство распространялось по Олонецкому краю вплоть до XVII-го. Шесть вѣковъ, употребленные здѣсь на это, повидимому,—очень длинный періодъ времени для сравнительно необширнаго пространства, какое занимаетъ Олонецкая губернія. Эта медленность, однако, имѣла много причинъ, задерживавшихъ

успѣшный ходъ христіанизаціи этого края. Такими причинами были: а) суевѣрная привязанность жителей къ старымъ вѣрованіямъ; б) удаленность этого края отъ центра Россіи; в) нападенія на этотъ край Шведовъ, часто съ исключительною цѣлью затормозить здѣсь успѣхъ распространенія православія и ввести католичество; г) притѣсненіе жителей края ихъ владѣтелями; д) очень ограниченное число проповѣдниковъ, которые-бы, такъ сказать, спеціально могли заняться дѣломъ проповѣди христіанства среди язычниковъ; е) небрежность и тѣхъ, вслѣдствіе отсутствія вблизи надзора высшей церковной власти...

Суевѣрная привязанность къ старымъ вѣрованіямъ, общая всѣмъ языческимъ народамъ, здѣсь особенно задерживала успѣхъ распространенія христіанства, потому что главныя причины ея—суевѣрный страхъ и привычка—и вообще трудно устранимы, а здѣсь устраненіе ихъ еще и затруднялось, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Какъ извѣстно, чтобы побороть суевѣрный страхъ и привычку къ старымъ вѣрованіямъ, необходимо устранить первопричину ихъ—крайнее невѣжество. Дѣло, очевидно,—очень трудное, а въ здѣшней мѣстности

во время распространенія христіанства и невозможное. Эта мѣстность отстояла отъ политическаго и церковнаго центра Россіи на огромное разстояніе; ктому-же отдѣлялась отъ него еще большимъ озеромъ. Все это лишало ее возможности частыхъ сношеній съ средней Россіей и потому естественно долгое время держало жителей ея въ первобытномъ невѣжествѣ, благодаря которому поддерживалась и эта суевѣрная привязанность къ старымъ языческимъ вѣрованіямъ и болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, замедлялся ходъ распространенія христіанства въ краѣ.

Другую немаловажную причину этой медленности составляли нападенія Шведовъ на здѣшній край. Эти нападенія вызывались спорами между Новгородомъ и Шведами изъ за корельской земли, желаніемъ Шведовъ подчинить своей власти корелъ, данниковъ Новгорода, а вмѣстѣ съ этимъ и ввести здѣсь католичество. Эти нападенія то ограничивались только грабежемъ, то, случалось, достигали своей цѣли. Начались эти нападенія, можетъ быть, еще въ XI вѣкѣ, какъ это можно думать на основаніи свидѣтельства „Вселѣтника“ митр. Иларіона о перенесеніи въ 1050 году мощей свв. Сер-

гія и Германа съ Валаама въ Новгородъ, вѣроятно, по случаю нападенія Шведовъ. Въ XII вѣкѣ эти нападенія были уже очень часты. Такъ, по словамъ Карамзина, „...купеческія суда (новгородскія) ходили за море, привозили иноземные товары въ Россію, и въ 1142 году мужественно отразили флотъ Шведскаго Короля, выѣхавшаго на разбой съ 60 ладьями и съ Епископомъ. Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожскую область были побиты ея жителями и Корелами, Новогородскими данниками“ [1]). Присутствіе въ походѣ епископа, вѣроятно, объясняется намѣреніемъ Шведскаго короля, кромѣ покоренія этой мѣстности, обратить жителей ея въ католичество; однако, благодаря неудачи, намѣреніе это не было приведено въ исполненіе. Черезъ 7 лѣтъ нападеніе повторилось: „въ 1149 году (новгородцы) положили на мѣстѣ 1000 Финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Водскую область“ [2]). Немного спустя, въ 1164 году, новгородцы опять разбили Шведовъ, которые, покоривъ (въ 1157 году) Финляндію, хотѣли завоевать городъ Ладогу [3]). Можетъ быть, и въ этихъ

1) Карамз. Ист. Г. Р. т. II. стр. 198.
2) Тамъ-же, стр. 265.
3) Тамъ-же, т. II, прим. 409.

походахъ также была религіозная подкладка. Въ XIII вѣкѣ, въ 1240 году, Шведскій король отправилъ многочисленное войско, подъ начальствомъ зятя своего Биргера, на ладьяхъ къ Невѣ. Ему хотѣлось „утвердиться въ Кореліи для того, чтобы обуздать ея свирѣпыхъ жителей, непрестанно безпокоившихъ его сѣверо-восточныя владѣнія и грабившихъ суда купеческія на Финскомъ заливѣ“; хотѣлось также „укоренить въ ней Латинскую вѣру“; къ послѣднему побуждалъ его и Папа, приславшій ему объ этомъ буллу, вслѣдствіе чего при войскѣ были отправлены и „бискупы, чтобы крестить Русскихъ“ [1]). Утвердясь съ 1249 года на юго-западѣ Кореліи, Шведы *„огнемъ и мечемъ принуждали Кореловъ къ папизму, возбудили въ нихъ ненависть къ христіанству и заставили ихъ искать помощи у прежнихъ боговъ“* [2]). Стремясь съ такою ревностію къ своей цѣли, они и достигали ея. Въ XIV вѣкѣ мы видимъ такой примѣръ, когда корелы уже не терпятъ христіанъ греческой вѣры и даже убиваютъ ихъ: „въ 1337 году, читаемъ у

1) Тамъ-же, т. IV, стр. 145. Разск. изъ ист. р. ц., гр. Толстого, стр. 88.

2) Разск. изъ ист. р. ц., гр. Толстого, стр. 186.

Карамзина, Шведы... дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ Россійскимъ Кореламъ, помогли имъ *умертвить* купцовъ Ладожскихъ, Новогородскихъ *и многихъ Христіанъ Греческой Вѣры*, бывшихъ въ Кореліи" [1]). Когда новгородцы строго наказали ихъ за это и, заключая въ Лундѣ договоръ, „требовали еще, чтобы Шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ Кореловъ, ...Магнусъ не согласился, отвѣтствуя, что *сіи люди уже приняли Вѣру Латинскую* и что ихъ число весьма невелико" [2]). На слѣдующій 1338 годъ нападеніе опять повторилось: „въ лѣто 6846, читаемъ въ софійской первой лѣтописи, ...воеваша Нѣмцы съ Корѣлою много по Овонѣжью, послѣ-же и Ладогу пожгоша посадъ, а Новагорода не взяша" [3]). Въ 1347 году король Магнусъ, изъ угожденія папѣ, желая ввести въ Кореліи католичество, опять воевалъ здѣсь, взялъ городъ Орѣховъ и уже нѣсколькихъ изъ жителей его крестилъ, но, побоявшись шедшихъ русскихъ, закончилъ свой походъ и только взялъ клятву съ крестившихся, что они будутъ распространять латинскую вѣру

1) Карамз. Ист. Г. Р. т. IV, стр. 235.

2) Тамъ-же, т. IV, стр. 236.

3) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. V, стр. 221.

между своими единоплеменниками; однако, былъ обманутъ ими [1]). Были нападенія Шведовъ и въ XV вѣкѣ, и только въ концѣ его Корелія нѣсколько успокоилась, потому что государемъ Швеціи сдѣлался другъ Іоанна III-го, король Датскій [2]). Но въ XVI в. (во второй половинѣ) нападенія эти опять стали повторяться и уже съ пропагандой лютеранства. Такъ, по словамъ составителя „Описанія Валаамскаго монастыря", Шведы съ цѣлію распространенія лютеранства преслѣдовали православныхъ Корелъ въ 1578 году [3]). А когда „въ 1583 году Россія принуждена была уступить Корелію Швеціи, православіе тамъ подверглось тяжкимъ притѣсненіямъ. Царь Ѳедоръ Ивановичъ, желая прекратить это и возвратить Россіи ея древнее достояніе, выступилъ въ 1591 году съ сильнымъ войскомъ противъ шведскаго короля". Побѣжденные Шведы тотчасъ отдали царю корельскіе города и Ѳедоръ Ивановичъ повелѣлъ всѣ эти города „отъ всякихъ еллинскихъ богомерзкихъ гнусовъ очистити и божественныя церкви въ нихъ поставляти". Спустя четыре

1) Карамз. Ист. Г. Р., т. IV, стр. 261—263.

2) Тамъ-же, т. IV, стр. 269—270.

3) Описаніе Валаам. мон., стр. 17.

года, Шведы опять вторглись въ новгородскіе предѣлы; когда царское войско, разбивъ ихъ, овладѣло всею корельскою областію, царь послалъ въ нее своихъ бояръ и повелѣлъ,—какъ повѣствуетъ самъ патріархъ Іовъ,—„тамо капища еллинская разорити и идолы сокрушити, и святыя церкви воздвизати, и пречистыя великія обители устрояти..., и, по его благому изволенію, вся сія совершишася“ [1]).

Эти нападенія Шведовъ, естественно, вредили успѣху распространенія христіанства въ Олонецкомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что и дѣлались онѣ часто съ исключительною цѣлью затормозить успѣхъ православія и ввести католичество, или (съ XVI вѣка) протестантство и, какъ видно изъ предъидущаго, цѣль эта часто достигалась ими. Кромѣ нихъ, очень печальною причиною медленнаго распространенія христіанства въ краѣ были (впрочемъ, вѣроятно, немногіе) случаи притѣсненія жителей ихъ владѣтелями—русскими-же, какъ это можно видѣть изъ одного извѣстнаго намъ примѣра. Уже упоминалось о „мятежныхъ“, „бѣглыхъ“ корелахъ, бѣжавшихъ съ родины къ Шведамъ,

1) Макар. Ист. р. ц., т. X, стр. 77—78.

не смотря даже на то, что эти сильно притѣсняли ихъ. Надо полагать, поэтому, что побуждали ихъ къ такому бѣгству еще болѣе тяжкія обстоятельства. И дѣйствительно, вотъ что читаемъ у Карамзина объ этомъ: вел. князь „Михаилъ... жилъ большею частію въ Твери. Его намѣстники правили великимъ княженіемъ“... и „относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ они письменно жаловались ему на двухъ Княжескихъ Вельможъ, Ѳеодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и въ области Корельской... *второй* (Борисъ), *утѣсняя Кореловъ, заставилъ ихъ бѣжать къ Шведамъ и много бралъ, что ему не принадлежало*“... [1]). Такія дѣйствія воеводъ не могли, конечно, не приносить вредныхъ послѣдствій: Шведы, безъ сомнѣнія, не упускали подобныхъ случаевъ и пользовались ими для своихъ цѣлей; православіе-же среди корелъ, между тѣмъ, разшатывалось.

Нападенія Шведовъ и притѣсненіе корелъ ихъ владѣтелями замедляли ходъ распространенія христіанства преимущественно въ западной половинѣ Олонецкаго края, близкой къ Шведскимъ владѣніямъ. Что касает-

1) Карамз. Ист. Г. Р., т. IV, стр. 172—173.

ся вообще *всего* края и, въ особенности, восточной половины его, то здѣсь главною причиною этой медленности было очень ограниченное число проповѣдниковъ, которые бы могли спеціально заняться дѣломъ проповѣди христіанства среди язычниковъ. Въ первое время распространенія здѣсь христіанства о священникахъ-проповѣдникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, какъ это можно видѣть и изъ всего предъидущаго; все дѣло распространенія христіанства вели или „выходцы Новгородскіе“, или, и главнымъ образомъ, св. подвижники. Но очевидно, что чрезъ нихъ христіанство не могло быстро распространяться, потому что они имѣли въ виду преимущественно иную цѣль и часто по нѣсколько лѣтъ жили совершенно одни, не входя ни въ какое общеніе съ окружавшими ихъ жителями края и только волею Божіей „свѣтъ“ ихъ—иногда и помимо ихъ желанія—„свѣтилъ“ и привлекалъ къ себѣ толпы народа. Въ болѣе поздній періодъ распространенія христіанства въ краѣ священники были, но во-первыхъ, ихъ было немного, а во-вторыхъ, и тѣ, „находясь безъ ближайшаго надзора высшей церковной власти, не всегда были внимательны къ духовному состоянію тамошнихъ христі-

анъ, не предпринимали мѣръ къ искорененію язычества между ними или отвращенію его вліянія на общественную и семейную жизнь Корелъ“ [1]). Также небрежно въ это время стали относиться къ этому дѣлу и игумены монастырей. Поэтому, Новгородскій архіепископъ Макарій вынужденъ былъ обличать ихъ „за то, что они своею невнимательностію позволяютъ язычеству плодиться и не предпринимаютъ мѣръ къ искорененію его. „А вы, писалъ Макарій, отъ таковыхъ злочиній не унимаете ихъ и не наказываете ученіемъ по церковному преданію на истинную Христову вѣру православную: ино то вы игумены и священники не гораздо чините, что о своихъ духовныхъ дѣтей душахъ попеченія не имѣете и о ученіи ихъ небрежете“ [2]).

Все это несомнѣнно способствовало тому, что христіанство въ краѣ распространялось очень и очень медленно; жители его долгое время коснѣли въ язычествѣ, а потомъ, и принявъ христіанство, продолжали держать-

1) Чистов. Ист. Прав. Ц. въ Финл. и Эстл., стр. 44.

2) Тамъ-же, стр. 45. Древн. Росс. Вивл., т. XIV, стр. 150.

ся прежнихъ языческихъ обрядовъ и даже вѣрованій. Послѣднее очень ярко рисуетъ Новгородскій архіепископъ Макарій въ своемъ донесеніи царю Ивану Васильевичу въ 1534 году, о которомъ (донесеніи) отчасти рѣчь была раньше. Онъ пишетъ тамъ, что слышалъ „во своей архіепископьи, паствѣ Христова стада, прелесть кумирскую около окрестныхъ градовъ Великаго Новаграда, въ Вотской пятинѣ, въ Чюди и въ Ижерѣ... и во всей Корѣльской земли... и за Нево озеро великое... и около Пелейскаго озера и до Лексы рѣки до Лопи до Дикіе, и около великаго озера Нева, въ длину больши 1000 верстъ, а въ широту до Великаго Новаграда за 60 верстъ, а индѣ за 50 и за 40, въ тѣхъ мѣстехъ прелщаеми человѣцы отъ невидимаго врага діавола *суще христіанъ*, а обычая держахуся отъ древнихъ прародителей... во всей Русской земли скверные молбища идолскіе разорены тогда, а въ Чуди, и въ Ижерѣ и въ Корѣлѣ, и во многихъ Русскихъ мѣстехъ въ преждереченныхъ онѣхъ скверные молбища идолскіе удержашася и до царства великого князя Василія Ивановича и сына его великого князя Ивана Васильевича, всеа Русіи самодержцовъ, и до владычества богомольца ихъ пресвящен-

наго архіепископа Великого Новаграда и Пскова владыки Макарія"... Затѣмъ слѣдуетъ приведенное выше описаніе языческихъ вѣрованій, какія содержали христіане этихъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого донесенія, государь „повелѣ ему (Макарію) прелесть ону искоренити и просвѣтити божественнымъ ученіемъ". Владыка Макарій съ этою цѣлью „послалъ своего священника съ сѣней отъ Рождества Христова, инока Илію, кумирскую прелесть заронити. Онъ-же, по благословенію архіепископа Макарія ѣхавъ, обрѣте мѣста и воздавъ молитву всемилостивому Спасу и пречистѣй Богородицы и всѣмъ угодникамъ его, нача искореняти прелести кумирскіе и скверные молбища, лѣсы сѣчи и огню предавати, каменіе-же чье въ воду метати, и которые некрещены святымъ крещеніемъ просвѣщати;... и того искорененія по волостемъ и по мѣстомъ, шествуя сѣмо и овамо, кто можетъ исчести, преводя отъ темнаго дна адова на истинный свѣтъ богоразумія?" [1]). На другой годъ послѣ этого опять „посылалъ преосвященный архіепископъ Макарій того-же священника прежеписаннаго, инока Илью, въ тѣ-же мѣста, идѣже преже шествовалъ, паче ут-

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. V, стр. 73—74.

вердити православныя вѣры; и въ которыхъ мѣстѣхъ не былъ, и тамо повелѣ быти и разоряти Чудскія обычая...", о которыхъ тоже рѣчь была раньше; „онъ же сія вся, по повелѣнію своего Святителя и по божественнымъ правиломъ, сія вся злыя обычаи разори... и вся поучивъ божественному Писанію, творити якоже христіаномъ лѣпо" [1]). Эти мѣры, принятыя архіепископомъ Макаріемъ, при увеличившемся количествѣ обителей въ XVI вѣкѣ, достигли своей цѣли: христіанство въ Олонецкомъ краѣ распространилось повсемѣстно. Вслѣдствіе этого, а также чтобы лучше слѣдить за дѣятельностію бывшихъ въ краѣ священниковъ и побуждать ихъ къ большему утвержденію христіанства среди жителей, въ концѣ XVI вѣка правительство признало необходимымъ учредить въ этомъ краѣ особую епархію, подчинивъ епископа ея архіепископу Новгородскому. Епархія была учреждена при Борисѣ Годуновѣ, въ патріаршество Іова, въ 1598 году. Первый епископъ ея Сильвестръ именовался епископомъ корельскимъ и орѣшскимъ. Епархія эта, впрочемъ, скоро была закрыта (по Макарію въ 1611 году, см. Ист. р. ц. т. X, стр. 203, а по Чисто-

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. VI, стр. 296.

вичу въ 1617 году, см. Ист. Прав. Церкви въ Финл. и Эстл.), но начавшаяся усиленная дѣятельность, направленная къ утвержденію христіанства между жителями края, продолжалась. Однако, невѣжество пасомыхъ и неразвитость, почти такое-же часто невѣжество и самихъ пастырей способствовали тому, что христіанство привилось здѣсь преимущественно внѣшней своей стороной. Это сказалось впослѣдствіи: распространившійся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкаго края расколъ нашелъ здѣсь для себя очень хорошую почву.

И. Ч.

Поправка. На стр. 18, строка 8 сверху, вмѣсто 1501 г. надо читать 1051 г.

(*Перепечатано изъ №№ 51—55 Олон. Губ. Вѣд. 1892 года.*)
Петрозаводскъ. Въ Губ. Типографіи. 1892.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ
ВЪ РЯГОВСКОМЪ ПРИХОДѢ,
Каргопольскаго уѣзда.

—

I. *Свадьба—уходомъ.*

Въ большинствѣ случаевъ, дѣвицы ряговскія вступаютъ въ бракъ по благому и непринужденному произволенію, не спрашивая ни совѣта, ни благословенія родителей. Сватовство здѣсь не принято, да оно ни къ чему и не ведетъ: родители неохотно отдаютъ дочерей замужъ, потому что дѣвицы, если не больше, то во всякомъ случаѣ и не меньше молодцовъ дороги въ крестьянскомъ быту. У молодцовъ, особенно осенью и зимою, случаются недѣли, что они пальцъ о пальцъ не ударятъ; но для дѣвицъ и въ эти времена года нѣтъ дня, чтобы не было работы. Не говоря уже о ежедневномъ уходѣ за домашнимъ скотомъ, о водоношеніи, которое мужчины считаютъ постыднымъ для себя, осенью приготовленіе конопли и льна для пряжи, зимой—вязанье изъ шерсти, пряжа нитей для тканей, затѣмъ—тканье

холста, пестряди, сукна, рядинны, шитье бѣлья и платья—всѣ эти работы лежатъ на женскомъ персоналѣ и, составляя потребность неменѣе важную, чѣмъ хлѣбъ насущный, удерживаютъ родителей отъ выдачи дочерей въ замужество.

Иногда бываетъ и такъ, что женскаго пола въ семействѣ достаточно, что родители, не зная намѣренія дочери, отзываются о молодцѣ съ хорошей стороны, и потому дѣвица, давши уже залогъ, какъ ручательство въ данномъ честномъ словѣ, проситъ жениха посватать ее у родителей—приложить честь, что женихъ и исполняетъ. Но и въ этомъ случаѣ родители не просватаютъ дочери, отказываясь тѣмъ, что они не хотятъ неволить дочери. Въ сущности, ими руководитъ корысть—уклоненіе отъ расхода, потому что въ деревню гдѣ невѣста, собирается молодежь со всей волости. Угощеніе родственниковъ, содержаніе въ продолженіи 2—3 сутокъ десятка подругъ невѣстиныхъ, пріемъ жениха, приходящаго со своими друзьями, требуютъ издержекъ рублей пять—десять. Въ это время и у жениха гостятъ свои родственники, да не считаютъ неприличнымъ зайти—поздравить его съ начатіемъ дѣла и знакомые, также

родственники невѣсты. Такимъ образомъ тратятся обѣ стороны. Но на основаніи того, что родители невѣсты теряютъ работницу, что женихъ ни въ какомъ случаѣ не избѣгаетъ расходовъ, они и не просватываютъ дочерей. А коль скоро дочь ихъ уйдетъ замужъ самовольно, или, говоря по-ряговски —уходомъ, тогда родители ея не только не несутъ никакого расхода, но наоборотъ сами берутъ съ жениха взятку за кражу дочери. Правда, взятка эта не велика: иногда все дѣло покончится четвертью водки, и только единственный случай былъ въ десятилѣтіе, что за уводъ дочери взято было отцомъ 10 рублей деньгами, ведро водки и полъ-ведра наливки.

Кромѣ матеріальнаго разсчета, родители не просватываютъ дочерей и по слѣдующей причинѣ: при неизбѣжномъ между мѣстными жителями щипаньи бѣлой лебедушки сѣрыми гусями, лебедушка эта можетъ высказать послѣ неудовольствіе, что „вотъ-де вы меня поневолили, а мнѣ житья нѣтъ“. Такія жалобы ведутъ только къ ссорамъ между сватами. Но если дѣвица сама уйдетъ замужъ, тогда не на кого плакаться, и какъ ни тяжело жить въ новой семьѣ, поневолѣ

приходится переносить всѣ непріятности и молчать.

Къ сватовству прибѣгаютъ въ томъ только случаѣ, когда женихъ не настолько симпатиченъ, чтобы дѣвица рѣшилась уйти замужъ безъ согласія родителей. Изъ 100 свадебъ, сыгранныхъ ряговцами въ послѣднее десятилѣтіе, только 19 дѣвицъ просватаны были родителями; притомъ такихъ, которыя поѣхали къ вѣнцу изъ дома и съ благословенія родителей, какъ водится въ другихъ обществахъ, было только 10, а 9, по просватаньи, увезены были, съ согласія родителей, въ домъ жениха, и послѣднія два-три дня предъ бракосочетаніемъ проводили уже у него. Опять-таки это дѣлается по разсчету, чтобы не тратиться на пріемъ гостей. Притомъ, если невѣста поѣзжаетъ къ вѣнцу изъ дома родительскаго, то, по принятому здѣсь обычаю, родители ея обязаны сдѣлать на свой счетъ хлѣбины — гостьбу для молодыхъ, которыя требуютъ расхода, по крайней мѣрѣ, рублей пять. Остальныя 81 невѣста ушли замужъ безъ вѣдома родителей.

Молодые люди здѣсь начинаютъ очень рано ходить по вечеринкамъ, которыя на-

чинаются съ Покрова и продолжаются до Великаго поста ежедневно, исключая кануна воскресныхъ и праздничныхъ дней. Годамъ къ 16-ти молодецъ изучитъ всѣ пѣсни, припѣвки, обычаи вечериночные и, съ запасомъ необходимыхъ знаній, начинаетъ ходить на вечеринки по другимъ деревнямъ—выбирать себѣ дѣвицу по мысли и сердцу, а годамъ къ 18 уже и подберетъ себѣ таковую. На вечеринкахъ сидитъ съ нею одной, нашептываетъ въ уши рѣчи сладкія; на игрищахъ, во время мѣстныхъ праздниковъ, увивается около нея, угощаетъ пряниками, орѣхами. Иногда года два-три продолжается такое ухаживанье и, большею частію, кончается бракомъ. Часовъ въ 6 вечера, влюбленный уже летитъ въ ту деревню, гдѣ оставленъ кусочекъ его сердца: ни мятель, ни морозъ, ни слякоть—ничто не держитъ его; домой возвращается послѣ полуночи, такъ какъ вечеринки обыкновенно кончаются съ первымъ пѣніемъ пѣтуха. Родители, тяготясь прогулами ночей дѣтища, приходятъ къ заключенію, что „надо обсѣдлать парня, пока совсѣмъ не сбаловался“; потолкуютъ о средствахъ; но о нихъ много не безпокоятся: есть возможность продать корову, жеребенка, сѣна, или что другое и

выручить рублей 15—20,—хорошо, а нѣтъ —остаются въ увѣренности, что нужда деньгу родитъ, что на другія потребности трудно наживать деньги, а на свадьбу— всегда найдутся благодѣтели, которые дадутъ и денегъ рублей 10, и продуктовъ, необходимыхъ для свадьбы, и предлагаютъ сыну тащить дѣвку.

Заручившись согласіемъ родителей, молодецъ, на крыльяхъ радости, стремится къ обожаемой, дѣлаетъ ей окончательное предложеніе и проситъ залога. Не всегда, конечно, залогъ получается сразу. Иная дѣвица, прежде чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ, посовѣтуется съ подругами, подруги передадутъ, по секрету, своимъ подругамъ, также бесѣдникамъ; мало-по-малу секретъ дѣлается общеизвѣстнымъ и доходитъ до слуха родителей дѣвицы. Тѣ, по праву, конечно обидятся на дочь, станутъ журить ее, упрекать въ неблагодарности, запретятъ ходьбу на бесѣды, сидѣнье съ молодцомъ... Но, ужъ такова натура человѣческая! Тогда-то и является стремленіе къ уничтоженію препятствій. Пойдетъ ли дѣвица носить воду, или въ гумно за кормомъ, всегда улучитъ минутку забѣжать къ пріятельницѣ—подѣлиться своимъ горемъ и

заполучить кое-какія свѣдѣнія о миломъ, которыя бываютъ неутѣшительны, такъ какъ молодецъ, узнавъ о запрещеніи его бесѣдницѣ ходить на вечеринки, и самъ не является на нихъ. Изъ трудныхъ обстоятельствъ обыкновенно выводятъ тогда вездѣ существующія, досужія на языкъ, всемірныя сватьюшки. Подосланныя женихомъ, онѣ начнутъ устращивать дѣвицу, что будто бы родители его неволятъ звать другую невѣсту, что онъ, не желая по неволюшкѣ жениться, нелюбую женку взять, жалѣючи ея-зазнобушки, еще разокъ послалъ узнать ея мысли и просить залога. Дѣвица, польщенная предпочтеніемъ, обрадованная надеждою, что еще не все потеряно, изъ боязни, чтобы опять не ускользнулъ молодецъ, который дороже для нея и милѣе родныхъ, краше самаго свѣта бѣлаго, посылаетъ какую нибудь вещь, цѣнностью около рубля.

По полученіи залога, женихъ, посовѣтовавшись съ родными, того же посла проситъ передать невѣстѣ время, когда онъ пріѣдетъ за нею, мѣсто, гдѣ остановится, назначаетъ человѣка, который долженъ дать знать о его прибытіи. Невѣста, со своей стороны, проситъ свою задушевную подругу, на которую вполнѣ надѣется, что не

выдастъ ея намѣренія, ѣхать и пожить съ нею въ домѣ жениха до бракосочетанія. На попеченіи родителей лежитъ обязанность сообщить знахарю и просить его присутствія на свадьбѣ и помощи въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ женитьба сына, чтобы злые люди не испортили. Въ назначенный вечеръ, когда соберутся родственники, приглашенные заблаговременно, выбирается изъ нихъ болѣе бойкій и расторопный ѣхать съ женихомъ за невѣстою. Затѣмъ, по принятому обычаю, всѣ садятся на нѣсколько минутъ, потомъ, вставши, молятся Богу, при затепленной предъ иконою свѣчѣ и женихъ съ выборнымъ и вѣстовщикомъ, на запряженной ранѣе лошади, отправляются за невѣстою.

Уводъ невѣсты, когда никто не знаетъ о ея намѣреніи кромѣ тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, не представляетъ никакого труда: заслышитъ она голосъ и условную пѣсню вѣстовщика, надѣваетъ полушубокъ, зажигаетъ лучину и выходитъ на улицу. Женихъ и выборный налетаютъ на нее, какъ ястребà, схватываютъ подъ руки, а если невѣста подъ силу, то и въ беремя, тащатъ до лошади и безъ церемоніи бросаютъ въ сани, какъ куль съ мукой, только сани за-

трещатъ. Подговоренная невѣстою проводница иногда бѣжитъ вслѣдъ за невѣстой, а иногда получаетъ извѣстіе ранѣе и находится уже въ саняхъ. Но увести невѣсту, за которою слѣдятъ родные, гораздо труднѣе, и только женская изворотливость выручаетъ изъ-подъ тяжелыхъ оковъ неподкупнаго надзора.

Одна женщина разсказывала о себѣ слѣдующее:

Родителямъ очень не хотѣлось, чтобы старшая дочь ихъ ушла замужъ, такъ какъ младшая была 13-ти лѣтъ и не могла быть полною работницею; равнымъ образомъ и и 16 лѣтній сынъ не дорось еще до жениха, а дочери-невѣстѣ стукнуло уже 25, и она думала свое. Родители, чтобы удержать ее, по крайней мѣрѣ, еще на годъ, запретили не только ходьбу на вечеринки, а даже водоношеніе и уходъ за скотомъ. Въ назначенный вечеръ пріѣзжалъ за нею женихъ, пріѣзжалъ и на другой день, только дѣвицѣ не возможно было убѣжать: строгимъ отцомъ запрещенъ былъ выходъ даже за двери безъ сестры, или матери. Къ поднадзорной могла ходить одна только сосѣдка-сверстница, которую родители не подо-

зрѣвали въ передачѣ вѣстей. Между тѣмъ, чрезъ эту-то подругу невѣста просила жениха подождать недѣлю, надѣясь, въ продолженіе ея, придумать что нибудь, способствующее къ побѣгу, или же, въ крайнемъ случаѣ, убѣжать среди ночи, когда всѣ спать улягутся. На канунѣ дня, предположеннаго къ побѣгу, дѣвица-невѣста сидитъ за ужиномъ и плачетъ. На вопросъ матери о чемъ? высказала она обиду, что ее безвинно не спущаютъ на вечеринку и прибавила, что если сомнѣваются пустить ее со двора, то хотя позвали бы дѣвицъ въ свой домъ. Отецъ, успокоенный въ продолженіи недѣли поведеніемъ дочери, не подававшей ни малѣйшаго повода къ побѣгу, имѣя въ виду свой собственный, дѣтей своихъ присмотръ, стеченіе молодежи, предполагалъ, что дочери дѣйствительно не возможно будетъ уйти замужъ, если-бы она и намѣревалась, сжалился надъ нею и, когда младшая дочь и сынъ пошли на вечеринку, велѣлъ имъ на завтрашній вечеръ пригласить дѣвицъ къ себѣ „Ладно, думаетъ невѣста, начало удалось, каковъ будетъ конецъ?“. Наступилъ и ожидаемый вечеръ; поужинали пораньше обыкновеннаго—до молодежи. Брату невѣсты понадобилось сходить къ сосѣду; на обрат-

номъ пути онъ встрѣтилъ ѣдущихъ жениха своей сестры съ дядею его и сказалъ объ этомъ дома. Отецъ сурово посмотрѣлъ на старшую дочь. Та стала божиться и увѣрять, что она и въ помышленіи не имѣетъ идти замужъ и просила отца самаго сходить къ сосѣду удостовѣриться, за чѣмъ племянникъ и зять пріѣзжали къ сосѣду (мать предполагаемаго жениха и жена ѣхавшаго съ нимъ крестьянина были родныя сестры сосѣду, у котораго пріѣзжіе остановились). Дочь знала, что отецъ не пойдетъ справляться, а если и пойдетъ, то съумѣютъ тамъ соврать что нибудь. Отецъ погрозилъ дочери и полѣзъ на палати. Стала собираться молодежь. Пришла и подруга-перевѣстница и сказала, что на вечеринку къ нимъ въ деревню приходилъ еще молодецъ, да когда узналъ, что таковая будетъ въ домѣ, куда входъ ему не дозволяется, то уѣхалъ съ дядей домой. Что двое подозрѣваемыхъ личностей уѣхали, подтвердили и многіе другіе, собравшіеся на вечеринку, видѣвшіе лично. Вечеринка въ разгарѣ: дѣвицы и молодцы то попоютъ, то поговорятъ, то поиграютъ. Отецъ лежитъ на палатяхъ, мать занята въ прирубѣ, братъ сидитъ у свѣтца—починяетъ валянокъ, по другую

сторону свѣтца занимается шитьемъ дѣвица-подруга, объяснившая объ отъѣздѣ молодца, приходившаго на вечеринку. Вотъ швея сломила иглу, сбѣгала было домой за другою, да не могла найти и проситъ сидѣвшую возлѣ нея хозяйскую старшую дочь дать ей иглу. Та хотѣла сначала сама идти, а потомъ раздумала, подала ключь отъ своего сундука младшей сестрѣ и проситъ ее сходить въ кладовую, вынуть изъ ея сундука иглу и дать подругѣ. Младшая сестра и просительница сходили, но вскорѣ возвратились, сказавъ, что ни та, ни другая не могли отомкнуть сундука. Пришлось старшей дочери идти самой. Она попросила отца подать ей полушубокъ съ палатей и отправилась втроемъ. Младшая дочь, помня наставленіе родителей — не выпускать старшей за двери одной, пока сестра одѣвалась, пошла впереди, за нею — просительница-швея и зашли въ кладовую; старшая, при входѣ въ нее, сронила замокъ, оставленный младшею въ пробоѣ; поднявши его, захлопнула на-скоро дверь, всунула замокъ и убѣжала къ сосѣду, а у сосѣда ужъ лошадь выведена была за ворота. Когда на стукъ и крикъ въ кладовой вышли изъ избы узнать, въ чемъ дѣло, послышался плачь невѣсты.

Предъ началомъ вечеринки подруга заходила къ сосѣду и знала, что женихъ, по причинѣ встрѣчи съ братомъ невѣсты, угонитъ лошадь домой, а самъ возвратится пѣшкомъ и, въ случаѣ, если удастся убѣжать невѣстѣ, привезти ее на лошади сосѣда - тоже приходившагося ему дядею. О возвратѣ жениха, подруга сообщила невѣстѣ во время пѣнія пѣсень. Иглу она сломила намѣренно и ходила не домой, а къ сосѣду, чтобы приготовили лошадь. Невѣста не пошла съ перваго раза въ кладовую, чтобы убаюкать бдительность родителей: по той же причинѣ просила подать ей полушубокъ. Въ ключь отъ сундука напихано было мусору. Сестра заперта была въ кладовой, чтобы выиграть время, а подруга,—чтобы не пало на нее подозрѣніе въ пособничествѣ побѣгу. Много очень замысловатыхъ случаевъ побѣга, но этотъ переданъ какъ ярче другихъ рисующій пылкость дѣвичьей фантазіи.

Женихъ и проводница держатъ невѣсту въ саняхъ, выборный бьетъ лошадь и въ хвостъ и въ гриву. Лишь тронутся сани, невѣста начинаетъ кричать и плакать въ полной увѣренности, что ее уже не догнать. Крикъ и плачъ продолжаются, пока, по мнѣнію плачущей, слышенъ ея голосъ въ

деревнѣ, и служатъ они, не болѣе, какъ сигналомъ, что состоящая на призывѣ сбѣжала, хотя сама она, по женской стыдливости, имѣетъ въ виду обмануть и послѣ увѣряетъ всѣхъ, что ее увели противъ желанія,—такъ судьба привела. Плачъ возобновляется, когда невѣсту привезутъ къ мѣсту жительства жениха; по пріѣздѣ домой, женихъ тащитъ невѣсту въ прирубъ, какъ мертвую,—она и ногъ не подставляетъ, оставляетъ ее на попеченіе подругъ, а самъ кланяется въ ноги отцу и матери—проситъ благословенія жениться.

Между тѣмъ въ деревнѣ, изъ которой невѣста, услышавъ крикъ, всѣ всполошатся: дѣвицы, молодцы бѣгутъ, куда увезена невѣста; какая нибудь сосѣдушка, иногда главная виновница, подастъ вѣсточку и родителямъ, большею частію уже спящимъ. Строптивый отецъ рѣдко ѣздитъ звать дочь назадъ. Если же и пріѣзжаетъ, то дѣла не исправитъ, а только больше раздражитъ и себя и другихъ: иная невѣста, выведенная изъ терпѣнія настойчивыми возврата домой требованіями отца, не взирающаго ни на поклоны дочери, ни на усовѣщиванья постороннихъ, отрапортуетъ наконецъ: „живая не пойду, а съ мертвой дѣлай, что хочешь!“

На такой отвѣтъ, онъ готовъ бы поступить, какъ Тарасъ Бульба съ сыномъ Андріемъ, но возлѣ него всегда стоитъ нѣсколько человѣкъ, слѣдящихъ за каждымъ его мановеніемъ. Плюнетъ разсвирѣпѣвшій родитель и пойдетъ домой. Вотъ почему очень рѣдко ѣздитъ отецъ звать дочь домой. На оборотъ сердобольная мать никогда почти не успокоится безъ того, чтобы не повидать и не поуговаривать дочку возвратиться въ родимое гнѣздышко. Нечего и говорить, что усовѣщиванья всегда бываютъ безуспѣшны. Дочь, обыкновенно, на всѣ мольбы матери кланяется ей въ ноги и только. Пойметъ мать, что дочь ея не насильно уведена, а сама ушла, поплачетъ, введетъ въ слезы и дочь свою и возвратится домой съ сердцемъ, наполненнымъ грустью, съ увѣренностью, что дитятко ея не поступило бы такъ, если бы злые люди не приворожили зельемъ, примиренная съ мыслью, что рожденье ея теперь ужъ отрѣзанный ломоть. Невѣсту и родственниковъ угощаютъ чаемъ, ужиномъ, послѣ котораго все въ домѣ успокоивается на короткое время. Водка въ этотъ вечеръ гостямъ почти никогда не подается, исключая одного знахаря, для котораго раздобыться бутылочкою національнаго считается непремѣнною обязанностью.

Ранѣмъ-рано поутру расторопный выборный и отецъ жениха отправляются уламывать свата отца невѣсты. Если вечеромъ былъ который нибудь изъ родителей, то пріѣзжіе сваты, послѣ привѣтствія, говорятъ: такая-то (имя рекъ невѣсты) посылала челобитье; если же никто не былъ, то сваты извиняются, что такой-то (имя рекъ жениха) немножко заворовался, такъ они пріѣхали уладить это дѣло миромъ, да привезли съ собою и мировую; съ этими словами привезенная четверть водки ставится въ большой уголъ. Легче всего имѣть дѣло съ отцами достаточными, которые хотя и не просватываютъ дочерей, считая расходъ на свадьбу затраченнымъ не производительно, но не нуждаются и взяткой; труднѣе всего —съ отцами-старовѣрами, которые на всѣ просьбы сватовъ твердятъ нелѣпость: „лучше бы было, чтобы дочь дѣвкой принесла (родила) семь отроковъ, а замужъ не ходила. Много грѣха, много грѣха!“ Дочь выдать—грѣха боятся, а сына женить - ничего; грѣха боятся, а взятку берутъ. Матери, хотя и старовѣрки, всегда почти безгласны: онѣ, какъ у сильнаго безсильный, всегда виноваты бываютъ. Сколько ни горячатся родители невѣсты, сколько ни говорятъ кол-

костей, сваты терпѣливо переносятъ; между тѣмъ соберутся мужчины-сосѣди—женщинамъ не свободно утромъ,—почти всѣ они вторятъ сватамъ, напоминаютъ прошлое, что самому ему любо было, когда женился такимъ же образомъ; кончается всегда тѣмъ, что отецъ даетъ согласіе на вступленіе въ бракъ дочери, назначаетъ, большею частію, привезти еще четверть водки—поподчивать сосѣдей и родственниковъ и рубля три денегъ, чтобы было чѣмъ угостить вора-зятя, когда привезетъ непослушную бѣглянку—просить прощенія. До возвращенія еще сватовъ, женихъ съ тысяцкимъ, которымъ бываетъ, по обыкновенію, крестный отецъ жениха, приготовляются ѣхать къ священнику просить благословенія на вступленіе въ бракъ.

Въ домѣ, между тѣмъ, поведется угощеніе: чай, водка, обѣдъ; выбираются дружки-шафера, которыми преимущественно бываютъ двоюродные братья жениха—одинъ племянникъ отца, другой—матери; дружки могутъ быть и женатые. Такъ какъ свадьбы играются послѣ святокъ, когда на улицѣ играть холодно, то собравшаяся со всей волости молодежь веселится, устраиваетъ игрища, поетъ въ домѣ жениха. Говоръ

подгулявшихъ гостей, смѣхъ, пѣсни, топотъ молодежи, бѣготня ребятишекъ, стряпухъ, готовящихся къ свадебному столу, угаръ отъ неугасающихъ самоваровъ, отъ печеній различныхъ—все это вмѣстѣ взятое требуетъ крѣпкихъ нервовъ, чтобы перенести такое безпокойство, содомъ и суету—въ продолженіи двухъ, иногда трехъ дней. Невѣста не принимаетъ участія ни въ играхъ, ни въ стряпнѣ, а сидитъ себѣ подъ окошечкомъ, какъ птичка въ клѣткѣ, боясь безъ нужды выйти за двери, чтобы лихо-дѣи не испортили. Въ переходѣ отъ дѣвической дѣятельности, отъ порханія вольной пташкой—къ двухъ или трехдневному заключенію въ удушливомъ, испорченномъ воздухѣ и кроется, кажется, одна изъ причинъ часто случающейся порчи молодой княгини.

Возвратившійся отъ священника женихъ отправляется съ дружками зазывать на свадьбу. Если у него нѣтъ собственнаго, крытаго фабричнымъ сукномъ тулупа, то таковой выпрашивается у кого нибудь изъ сосѣдей, или родственниковъ. Женихъ одѣваетъ непремѣнно бѣлую коленкоревую, или изъ тонкаго холста рубашку, бѣлый, коленкоровый же галстухъ, знахарь по тѣлу опо-

ясываетъ его рыболовною, не годною къ употребленію сѣтью; такою же сѣтью опоясывается и невѣста. Сѣть предохраняетъ отъ болѣзни-подвѣнечницы, а болѣзнь эта пристаетъ иногда отъ порчи, иногда отъ сора, прильнувшаго къ ногамъ, или подолу платья во время бракосочетанія и состоитъ въ томъ, что къ человѣку привязывается невыносимая постоянная чесотка. Въ сущности—это привычка здѣшняго человѣка, не считающаго неприличнымъ чесать какую бы то ни было часть тѣла, не стѣсняясь присутствіемъ посторонниxъ, — привычка, не замѣчаемая до бракосочетанія, а послѣ взваливаемая на него; здѣсь на эту работу есть даже и привѣтствіе; „чешись, не торопись, всяко мѣсто до крови". Женихъ и дружки, съ подвязанною подъ дугой парою колокольчиковъ, поѣзжаютъ зазывать гостей. Зовутъ родственниковъ какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты; но послѣдніе въ первый день свадьбы никогда не гостятъ—не принято. По приходѣ въ избу, всѣ трое зазыватые кричатъ: „Къ нашему молодому князю—хлѣба - соли кушать пожалуйте!" Рѣчь эта повторяется разъ пять-десять, пока большуха справится подать должное, и конечно не по командѣ одинъ говоритъ:

„къ нашему“, другой ужъ доѣхалъ до слова: „пожалуйте“, а третій еще проситъ: „хлѣба-соли кушать“. Приглашаемые дарятъ зазывающихъ парою, или тройкою яицъ, за неимѣніемъ ихъ—двумя-тремя копѣйками. Сборъ яицъ и денегъ домой не привозится, а промѣнивается на водку. Хотя бы женихъ въ жизнь свою не пивалъ капли водки,—что между здѣшними холостяками не рѣдкость,—въ день бракосочетанія считаетъ обязательнымъ для себя выпить, къ этому принуждаютъ его и родители. Что же касается дружекъ, тѣ ѣздятъ положительно пьяные, и чѣмъ пьянѣе, тѣмъ славнѣе, а потому они стараются казаться такими; не пьющіе не могутъ быть и дружками. Возвратясь домой, по окончаніи приглашенія гостей, дружки обѣдаютъ, а иногда и женихъ и невѣста не считаютъ грѣхомъ подкрѣпить свои силы. Но невѣста, большею частію, во время обѣда одѣвается къ вѣнцу. Такъ какъ своего платья она не имѣетъ кромѣ того, въ чемъ пріѣхала; то таковое выпрашивается у другой дѣвицы,—нарядъ незатѣйливый: гарусный сарафанъ, суконный полушубокъ и головной уборъ—непремѣнно—перевязка; если невѣста не имѣетъ ея собственной, выпрашиваетъ у другихъ; а

имѣющая, рѣшившись на уходъ замужъ, старается заблаговременно передать ее благонадежному человѣку; если же передача не удастся, посылаетъ къ своимъ родителямъ за нею, и тѣ, какъ бы ни были сердиты на дочь, считаютъ долгомъ и обязанностью послать просимое; потому что перевязка — собственное пріобрѣтеніе дѣвицы. Впрочемъ, здѣсь отцы, за малыми исключеніями, не считаютъ нужнымъ шить дочерямъ нарядное платье на основаніи, что уйдетъ (замужъ) — все унесетъ, и потому все, что имѣютъ дѣвицы, — ихъ полная собственность, пріобрѣтенная усиленнымъ трудомъ. Нанимаются, напримѣръ, онѣ къ зажиточному крестьянину сосѣду, у котораго въ семействѣ мало женскихъ рабочихъ рукъ, носить зимою воду, и носятъ бѣдные за 1 рубль по 5—10 ушатовъ ежедневно съ Покрова до Пасхи; кромѣ того ткутъ, прядутъ на другихъ за грошевую плату. Но эта мелочь и тратится на мелочи: на ленточки, пояски, шнурки, пуговицы и проч. Для болѣе цѣнныхъ покупокъ, какъ-то: атласнаго платка, сукна на полушубокъ, перевязки, служатъ источникомъ доходовъ — черника, жниво. Лѣтомъ, когда поспѣетъ черника, дѣвицы не знаютъ ни праздника, ни воскресенья;

еще въ субботу вечеромъ отправляются артелями собирать эту ягоду. Другая нахватаетъ пуда два и тащитъ эту ношу верстъ 15—20 болотами. И тяжеленько, да утѣшительно: ноша стоитъ рубля два; сходивши, въ продолженіи лѣта, разъ пять, она и съ платкомъ атласнымъ и съ сарафаномъ хорошимъ; а если уже они имѣются, пріобрѣтены въ прежніе годы, то заработка этого у ней достаточно чуть не на цѣлую перевязку. Другой, не менѣе важный источникъ къ пріобрѣтенію желанныхъ для каждой дѣвицы предметовъ щегольства—это отлучка „за посадъ“: по окончаніи, а иногда, если есть возможность дома управиться, и до окончанія домашней жнивы, отцы позволяютъ дочерямъ идти въ г. Каргополь, гдѣ онѣ и нанимаются къ мѣщанамъ, или окрестнымъ зажиточнымъ крестьянамъ жать за плату, отъ полуторыхъ до двухъ рублей въ недѣлю. Проработавши 3—5 недѣль, дѣвицы заработка домой не носятъ, а по пути и покупаютъ въ Каргополѣ, что находятъ нужнымъ для себя. Такимъ образомъ все, имѣющееся у дѣвицъ,- ихъ благопріобрѣтенная собственность. Но другаго онѣ ничего не просятъ у родителей, а только головной уборъ; такъ какъ всѣмъ остальнымъ могутъ

пользоваться и по выходѣ въ замужество, а перевязку носятъ только дѣвицы.

Когда съѣдутся всѣ поѣзжане, которыхъ, смотря по обилію родственниковъ, бываетъ лошадяхъ на 10—18; тогда мать жениха накрываетъ столъ скатертью, кладетъ на него каравай хлѣба и соль и зажигаетъ предъ иконою свѣчу. Женихъ выводитъ невѣсту изъ прируба, тысяцкій становится возлѣ жениха съ правой,—сватья—возлѣ невѣсты съ лѣвой стороны. Предстоящіе четыре человѣка должны зайти за столъ; заводитъ ихъ тысяцкій, но непремѣнно съ лѣвой стороны—посолонь; поэтому каждый изъ четырехъ лицъ, подойдя къ столу, долженъ сдѣлать полуоборотъ и очутиться изъ находившагося съ правой по лѣвую руку слѣдующаго лица, и въ такомъ порядкѣ садятся за столъ. Къ столу же садятся отецъ и мать жениха; родители невѣсты не бываютъ при отъѣздѣ дочери къ вѣнцу. За родителями усаживаются поѣзжане по лавкамъ: родные—ближе къ столу, двоюродные—дальше, за ними дальніе родственники и наконецъ знакомые. Знахарь въ это время беретъ замокъ, яйцо, востроносый ножъ и шепчетъ что-то про себя—отпущаетъ свадьбу; во время чтенія отпуска, замокъ нѣ-

сколько разъ замыкаетъ и отмыкаетъ, а по прочтеніи—и замокъ, и яйцо, и ножъ кладетъ въ прирубѣ надъ иконою и выходитъ въ избу. Появленіе его служитъ знакомъ, что онъ кончилъ свое дѣло. Тогда всѣ встаютъ, осѣняются крестнымъ знаменіемъ; тысяцкій выходитъ изъ за стола, останавливается на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоялъ, женихъ обходитъ его, невѣста жениха, а сватья—всѣхъ ихъ и такимъ образомъ тысяцкій будетъ справа отъ жениха, невѣста—справа отъ сватьи въ томъ порядкѣ, какъ стояли при захожденіи за столъ, и всѣ молятся Богу. Отецъ вынимаетъ икону изъ божницы и благословляетъ дѣтей; для благословенія не требуется колѣнопреклоненіе дѣтей, крестообразное осѣненіе ихъ иконою, а состоитъ въ томъ, что отецъ даетъ цѣловать ее сначала жениху, потомъ невѣстѣ, тѣ поклонятся ему и матери въ ноги, и благословящая икона передается тысяцкому, для отвоза въ церковь, на время бракосочетанія. Затѣмъ отправляются къ вѣнцу. Прежде всѣхъ выходитъ изъ избы знахарь, съ изображеніемъ гордой самоувѣренности на лицѣ, что каждаго, осмѣлившагося противиться ему, онъ могъ бы въ козій рогъ согнуть, да только не

хочетъ поступать такъ: грѣха боится. За знахаремъ слѣдуетъ обращенная къ нему тыломъ, согбенная женщина, или дѣвица и чуть не по ногамъ хлыщетъ вѣникомъ жениха и невѣсту—это она выметаетъ изъ подъ ногъ ихъ могущую быть подброшенною порчу. Имя ея не должно быть одинаковое съ невѣстою; иначе метельница, наступивъ по нечаянности на вещь, испорченную наговоромъ, можетъ и сама подвергнуться болѣзни. Метенье съ дороги порчи продолжается до окончанія хлѣбинъ; куда бы ни пошли молодые, услужливая доброжелательница тутъ, какъ тутъ: гудитъ вѣникомъ на право и на лѣво, даже и на улицѣ.

На первой лошади ѣдутъ дружки, за ними женихъ и тысяцкій, далѣе невѣста и сватья. Когда усаживаются эти двѣ особы-дѣвицы поютъ пѣсню: „Бѣлая лебедушка и сѣрые гуси“, извѣстную здѣсь подъ названіемъ „Отставалая“. Хотя дѣвица выходитъ замужъ самовольно, но въ концѣ все-таки поется: „Не сама я залетѣла къ вамъ, не по своей я волюшкѣ, по родительской неволюшкѣ“. Во время пѣнія пѣсни, невѣсту и сватью закрываютъ простыней изъ предосторожности, чтобы идущая сзади лошадь

не запачкала платья и особенно атласныхъ платковъ, такъ какъ ѣдущіе за невѣстою веселые поѣзжане больше заняты бываютъ пѣніемъ пѣсенъ, чѣмъ лошадью. И горе мерину, если онъ, заслушавшись зычной пѣсни, вообразитъ, что его приглашаютъ товарищи на пастьбище и отстанетъ отъ передней лошади. Тогда загудетъ рука кнутодержца и станетъ чертить на сухихъ бедрахъ рѣки и дороги невѣдомыхъ и ему самому странъ. Тогда, изъ сознанія виновности предъ своимъ властелиномъ, онъ готовъ не только цѣловать невѣсту и сватью, а даже съ ногами забраться въ ихъ сани; но тѣ конечно никогда не принимаютъ товарища, не терпятъ и поцѣлуевъ, а потому всегда заблаговременно закрываются простыней. Ѣдетъ къ вѣнцу и отецъ жениха, да къ тому времени явится и невѣстинъ отецъ, для рукоприкладства къ брачному обыску. Но ни тотъ, ни другой отцы въ церковь не ходятъ, хотя бы они были и не старовѣры: считаютъ грѣхомъ быть при вѣнчаніи своихъ дѣтей. Женщины, за исключеніемъ сватьи, въ поѣздѣ не участвуютъ. Женихъ и тысяцкій, невѣста и сватья въ пѣніи пѣсенъ участія не принимаютъ.

Предъ возложеніемъ вѣнца, съ невѣсты

снимаютъ, и уже послѣдній разъ въ ея жизни, перевязку—это единственное украшеніе, радость и, можно сказать, гордость дѣвушки. Цѣнность перевязки зависитъ отъ количества жемчуга и бываетъ отъ 10 до 20 руб. Съ выходомъ въ замужество, жемчугъ перенизывается въ кокошникъ, съ прибавкою иногда жемчугу, пріобрѣтеннаго на средства богоданныхъ родителей. Гордостью служитъ потому, что, прощеголявши всю свою молодость, женщина передаетъ его въ наслѣдство женѣ старшаго сына; по женской линіи онъ наслѣдуется въ томъ только случаѣ, если Богъ не благословитъ сыномъ, и то передается не сряду, по выходѣ дочери въ замужество, а завѣщается владѣлицею. Кокошникъ составляетъ какъ бы запасный капиталъ, который, въ минуту жизни трудную, можно пустить и въ оборотъ.

По окончаніи бракосочетанія, невѣстѣ кладутъ на голову платокъ, сложенный трехугольникомъ, какъ обыкновенно носятъ женщины, съ тою впрочемъ разницею, что сгибъ платка опущается на лицо и закрываетъ его. Лицо невѣсты закрыто, когда она ѣдетъ и къ вѣнцу, но платокъ тогда распущается четырехугольникомъ во всю величину. Встрѣчнымъ, догоняемымъ, ѣдучи деревнями,

сватья и невѣста низко кланяются; дружки, а также и поѣзжане зазываютъ къ молодому князю хлѣба-соли кушать. Когда ѣдутъ къ вѣнцу, сватья сидитъ на лѣвой рукѣ, давая предпочтеніе невѣстѣ, какъ дѣвицѣ; а на обратномъ пути отъ вѣнца, сватья садится на правую руку, какъ старшая женщина и какъ крестная мать; обязанность кучера тогда принимаетъ на себя молодой князь и сидитъ непремѣнно на колѣняхъ молодой жены. Сидѣньемъ на колѣняхъ выражается понятіе о женѣ, какъ о рабѣ, которая безапшеляціонно и терпѣливо должна переносить произволъ своего господина.

Звонъ колокольчиковъ, пѣсни, распѣваемыя поѣзжанами, даютъ знать дома, что ѣдутъ новобрачные. Дѣвица съ вѣникомъ опять-таки встрѣчаетъ ихъ у самыхъ саней и дѣлаетъ свое дѣло; родители молодаго князя встрѣчаютъ новобрачныхъ въ сѣняхъ съ хлѣбами; отецъ несетъ хлѣбъ надъ головою сына, мать—надъ головою богоданной дочери. Дойдя такимъ образомъ до стола въ большомъ углу, молодые кланяются въ ноги родителямъ; затѣмъ тысяцкій ведетъ ихъ за столъ съ лѣвой же стороны – по солнцу; но изъ нихъ только сватья, обойдя двѣ стороны стола, остается за нимъ, невѣста сно-

ва заходитъ за столъ и садится возлѣ крестной матери уже справа, за нею молодой князь, а за молодымъ княземъ—тысяцкій. Когда все въ избѣ немного успокоится, тысяцкій проситъ свою жену, называя ее по имени и отчеству, сдѣлать изъ дѣвушки молодушку. Первой и второй просьбы жена, какъ будто, не слышитъ. Наконецъ на третью просьбу отвѣчаетъ изъ прируба: „голосъ NN (называетъ мужа по имени и отчеству) слышу, а пути не вижу: вели дать дорогу!“ Тысяцкій проситъ дружекъ очистить дорогу. Тѣ идутъ и безъ церемоніи расталкиваютъ любопытныхъ зрителей, которыми въ то время изба бываетъ полнымъ полна. Жена тысяцкаго выноситъ на тарелкѣ кокошникъ; столъ отодвигается; простыня, или пологъ, оборонявшій платье сватьи и невѣсты, опять является на сцену: на разстояніи аршина двухъ отъ большаго угла одна дѣвица становится на лѣвую, другая—на правую лавки и держатъ два конца полога, другіе два спускаются внизъ и такимъ образомъ пологъ несетъ службу занавѣски, за которою сватья и жена тысяцкаго расплетаютъ косу новобрачной, дѣлаютъ изъ нее двѣ и одѣваютъ на голову кокошникъ. Пологъ снимается, молодые, вставши,

кланяются гостямъ и зрителямъ. Свекровь несетъ на тарелкѣ подарокъ снохѣ—платокъ, или какую нибудь вещицу; свекоръ, а за нимъ и родственники дарятъ молодую деньгами: кто—20, иной—10, а другой и 5 копѣйками; дарятъ и кредитными билетами, но для молодой пріятнѣе получить пятачекъ въ полную собственность, чѣмъ рубль, данный изъ хвастовства, который молодая обязана возвратить.

По окончаніи даровъ, молодымъ подаютъ одну чашку чая, и тысяцкій уводитъ ихъ въ отдѣльную комнату, а за неимѣніемъ таковой—въ прирубъ, гдѣ тоже садятся они за столъ. Въ распоряженіе молодаго князя дается бутылка водки и бутылка со сбитнемъ—медомъ, разведеннымъ въ кипяткѣ; на столѣ кладутся на тарелкахъ пряники, конфекты, пироги. Поздравителямъ молодой князь наливаетъ рюмку водки, а если кто не употребляетъ таковой,—рюмку меду, молодая подноситъ; изъ поздравительницъ рѣдкая употребляетъ медъ; что же касается водки, то во всей волости нѣтъ ни одной женщины, которая бы пила ее. Отказывающихся отъ меду угощаютъ разложеннымъ на столѣ десертомъ. Иной изъ поздравляющихъ говоритъ, что у молодаго

князя порохъ на губѣ, другой усмотритъ соринку въ рюмкѣ, третьей пряникъ покажется горькимъ. На эти замѣчанія молодая беретъ мужа обѣими руками за уши, цѣлуетъ крестообразно и кланяется тому, кто вызвалъ на поцѣлуй.

Между тѣмъ въ избѣ накрываютъ столъ и угощаютъ поѣзжанъ ужиномъ. Такъ какъ женщины въ поѣздѣ не бываютъ, то и за свадебнымъ столомъ не сидятъ; не ужинаютъ ни молодые, ни сватья, а только одинъ тысяцкій. У исправныхъ, зажиточныхъ крестьянъ подается за ужиномъ и водка, но въ умѣренномъ количествѣ: рюмки по двѣ—по три, и здѣсь сложилась поговорка: „до вѣнца попить винца, а послѣ вѣнца—только буде усы помочить“. Случается и такъ, что къ свадебному столу не останется у хозяевъ ни капельки,—даже въ глазъ пустить нечего; но это бываетъ рѣдко, особенно теперь, когда въ волости имѣется питейная лавка. Однако, для любителей двѣ-три рюмки—порція очень экономическая, и потому они, отправившись отъ молодыхъ заберутся къ пріятелю-сосѣду, сложатся, по мѣрѣ силъ любительскаго собранія, и постараются довести хмѣль. Послѣ поѣзжанъ бываетъ другой ужинъ—для жен-

щинъ-родственницъ; но молодые и сватья не участвуютъ и въ этомъ столѣ, а ужинаютъ послѣ, когда разойдутся всѣ гости. Молодые ѣдятъ одной ложкой, вилки здѣсь не въ употребленіи.

Рано утромъ молодые идутъ въ приготовленную для нихъ баню, въ предшествіи женщины, очищающей путь ихъ отъ лихихъ наговоровъ. По выходѣ изъ бани, молодая наливаетъ въ рукомойку воду, подходитъ къ свекру, кланяется ему въ ноги и проситъ умыться; умоется свекоръ, она подаетъ ему полотенце, а сама отправляется къ свекровкѣ и, съ поклономъ въ ноги, проситъ ее умыться; исполнитъ ея просьбу свекровь, обращается къ братьямъ мужа, женамъ ихъ, сестрамъ мужа—золовкамъ, каждому по очереди и по старшинству—лишь умоется одинъ, идетъ къ другому, кланяется въ ноги и проситъ умыться. Наконецъ моется сама, одѣвается и посылаетъ своимъ родственницамъ-дѣвицамъ по прянику, или кренделю. Принявшія отъ молодой подарки, несутъ въ тотъ же день и ей: пироги, блины, вафли и, обязательно, сдобную на яйцахъ лепешку-дроченку, отъ которой и всѣ явства, приносимыя молодой, извѣстны подъ общимъ названіемъ дрочены. Молодая, по-

лучивъ отъ родственницы пирожное, кланяется свекрови въ ноги и проситъ принять принесенное. Отказъ дѣвицы въ пріемѣ пряника или кренделя отъ молодой служитъ знакомъ, что родители ея, по какой нибудь причинѣ, не желаютъ имѣть знакомство съ новой родней. Родственникамъ, гдѣ нѣтъ дѣвицы, молодая не всегда посылаетъ гостинецъ; но если они желаютъ водить хлѣбъ-соль съ богоданными родителями своей родственницы, то посылаютъ дрочену; слѣдовательно, отказъ въ пріемѣ отъ молодой гостинца и приношенія ей замѣняютъ визиты.

Около полудня являются къ молодымъ дружки, чайничаютъ, обѣдаютъ и отправляются вдвоемъ, безъ молодаго князя, зазывать на хлѣбины. На хлѣбинахъ гостятъ родственники съ обѣихъ сторонъ; бываютъ также и хорошіе знакомые; но родители молодой княгини не пріѣзжаютъ и въ этотъ день, хотя дружки всегда считаютъ долгомъ звать ихъ. Сбираются въ эту гостьбу мужчины обязательно съ женами, а вдовцы и вдовицы, холостяки и дѣвицы въ столахъ не участвуютъ. Женщины одѣваются въ самое лучшее платье, и каждая садится противъ своего мужа. Исключеніе составляютъ

молодые, сидящіе обыкновенно рядомъ. При подачѣ на столъ кушанья, женщины всѣ встаютъ и каждая низко кланяется мужу до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не начнетъ ѣсть поданное, но начинаетъ всегда почти тысяцкій. Поклоновъ иногда приходится отвѣсить до 20-ти и, во всякомъ случаѣ, не меньше 10-ти. Эта церемонія повторяется при перемѣнѣ каждаго кушанья. Кланяются женщины всѣ вмѣстѣ, какъ будто по командѣ. Въ хлѣбины порошатъ (т. е. заставляютъ цѣловаться) не только новобрачныхъ, а частенько случается, что подшутятъ надъ гостемъ, уже нѣсколько лѣтъ женатымъ— усмотрятъ соринку на ложкѣ, или порохъ на губѣ, и жена таковаго тянется чрезъ столъ, беретъ за уши мужа, который конечно долженъ встать, и цѣлуетъ его крестообразно. Отказъ въ поцѣлуѣ считается невѣжествомъ, грубостью.

Хлѣбинами кончается ряговская свадьба. На другой день послѣ нихъ молодая княгиня вступаетъ въ обычную колею женщины-работницы.

Обыкновенно, въ первое послѣ бракосочетанія воскресенье, молодая, со своимъ супругомъ, ѣдетъ къ родителямъ просить прощенія въ учиненномъ ею самовольномъ по-

ступкѣ и получить свое имущество. Зять беретъ съ собою, что слѣдуетъ по условію, при дачѣ родителями согласія на бракъ ихъ дочери. О пріѣздѣ молодыхъ родителямъ раньше бываетъ извѣстно, и потому они подготовятся къ пріему вора-зятя и дочери-бѣглянки. По пріѣздѣ молодыхъ, сбѣгается въ тотъ домъ вся деревня. Помолившись Богу, зять остается стоять среди избы, а жена кланяется въ ноги своимъ родителямъ. Тесть проситъ зятя садиться, но онъ отзывается, что одинъ не сядетъ, пока не посадятъ той, съ кѣмъ онъ пріѣхалъ, и дѣйствительно выполняетъ свое слово. Иногда потомятъ родители упрямую дочь; но съ подачею на столъ самовара, чтобы усадить зятя, прощаютъ и дочь. Та отвѣситъ еще по поклону, и начинается угощеніе—чай, обѣдъ, раскупоривается привезенное зятемъ, подчуются сосѣди, чтобы не вспоминали лихомъ выбравшейся изъ ихней деревни сосѣдки; иногда ко времени пропиванья сосѣдки, какъ будто ненамѣренно, постараются прибыть жители и другихъ деревень, особенно любители выпить. По окончаніи гостьбы, родители отдаютъ дочери ея приданое.

При совершеніи таинства брака, на во-

просъ священника: „имаши ли произволеніе благое и неприужденнное и крѣпкую мысль пояти себѣ...“, частенько приходится слышать восклицанія: „Что ты, бачико! Третій годъ не разлучаются, какъ голубки уркаютъ (воркуютъ), жить другъ безъ дружки не могутъ. Будто не знаешь? А ищо спрашиваешь!“ Одна дѣвица выходила замужъ за вдовца, отставнаго солдата. Ей стыдно было признаться, что, въ продолженіи 27-лѣтней дѣвической жизни, успѣвши пріобрѣсти хорошее приданое, она убѣжала за вдовца, человѣка только что пришедшаго изъ службы, въ большое семейство, у котораго на шесть мужчинъ одинъ домъ, а потому вопросъ священника—о желаніи ея вступить въ бракъ съ предстоящимъ женихомъ—хотѣла обойти молчаніемъ. Она такъ и сдѣлала: на предложенный вопросъ ничего не отвѣтила, не смотря на подсказыванья сватьи и другихъ лицъ. Священникъ предположилъ, что невѣста не поняла вопроса и спросилъ второй разъ; но отвѣта не послѣдовало и на этотъ вопросъ отъ невѣсты, а только дядя сказалъ: „кабы не хотѣла, дакъ сама бы не убѣжала“. Наконецъ священникъ спросилъ третій разъ уже по-русски: „желаешь ли вступить въ бракъ

съ предстоящимъ женихомъ Мироном?" Видитъ невѣста, что выдумка ея не удалась, да и признаться-то было стыдно; она обвела суровымъ взглядомъ подсказывающихъ, посмотрѣла искоса на священника и, съ неудвольствіемъ сказала: „Ну, дакъ што ащо?"

II. *Свадьба – сватовствомъ.*

При описаніи свадьбы *уводомъ*, сказано было, что ряговцы прибѣгаютъ къ сватовству въ томъ только случаѣ, когда дѣвица не симпатизируетъ молодцу, зовущему ее замужъ. Но если въ мѣстностяхъ, гдѣ не принято уводить дѣвицъ замужъ безъ согласія родителей, смѣются надъ неудачными сватами, *что карманы ихъ наполнены квасною, или кофейною гущею*, то тѣмъ болѣе смѣются надъ таковыми здѣсь Конечно, потерпѣвшіе неудачу сваты оправдываются пословицами: „дѣвку посватать—все равно, что дровней у сосѣда попросить" и „худой (женихъ) сватаетъ—хорошему дорогу прокладываетъ". Но все это весьма мало, или лучше сказать, нисколько не служитъ къ извиненію, и долго еще послѣ сватовства озорники, при встрѣчѣ или въ компаніи,

напоминаютъ свату, будто бы платье его *запачкано гущею*. Во избѣжаніе насмѣшекъ тѣ, кому вѣдать надлежитъ, постараются всевозможными окольными путями прежде удостовѣриться—будетъ ли предпріятіе ихъ имѣть желаемый успѣхъ, и тогда только посылаютъ сватовъ.

Сваты *) одѣваются въ лучшее платье, запасаются восковою свѣчкою, бутылкою водки и отправляются въ домъ невѣсты. Прійдя въ домъ, по привѣтствіи, они не садятся, а стоятъ подъ воротцомъ, отираясь вынутыми изъ шапокъ платками. На предложеніе садиться отвѣчаютъ: „Не отъ сидячихъ посланы; у васъ есть товаринка, а у насъ купецъ; вашу товаринку зовутъ (имя и отчество невѣсты), а нашего купца (имя и отчество жениха); оба они люди молодые; нельзя ли ихъ по суду Божію вмѣстѣ свести“. Родители невѣсты, обыкновенно, говорятъ: „спасибо на поисканьи!“ и прибавляютъ какую нибудь причину отказа: или что дочь ихъ стара противъ жениха, или молода (въ смыслѣ физическаго малоразвитія),

*) Слова—сваты и сватовья имѣютъ разныя значенія: сваты—это лица, которыя сватаютъ, а сватовья—свойственники, напр. отецъ жениха и невѣсты.

или хвалятъ ее, какъ необходимую для себя работницу, иногда отзываются небогатымъ временемъ—безденежьемъ. На всѣ отказы сваты отвѣчаютъ обыкновенными, заученными фразами, напр. на первый говорятъ: постарѣе, такъ умомъ посталѣе; на второй—на работу не великъ человѣкъ надо; на третью причину отказа говорятъ, что купцу ихъ такая трудница, да работница и надо; наконецъ на четвертый отказъ отзываются: денегъ нѣтъ, такъ рубль почнемъ, намекая этимъ, что они со своей стороны не откажутся дать и выкупъ за невѣсту. Такъ какъ сватаютъ дѣвицу въ томъ только случаѣ, когда она не желаетъ идти замужъ уходомъ; между тѣмъ благосостояніе, поведеніе жениха не оставляютъ родителямъ невѣсты желать ничего лучшаго для дочери; то они со своей стороны всегда ранѣе формальнаго предложенія постараются увѣрить родителей жениха въ полученіи отъ сватовства желаемаго результата. Но и при полной увѣренности, сваты не садятся до подачи на столъ самовара. Свадьбы играются преимущественно въ мясоѣдъ, послѣ Рождества Христова. Сваты, одѣтые въ полушубки, а поверхъ ихъ—въ тулупы или отороченные плисомъ, иногда кожею, домаш-

няго издѣлія армяки, всегда успѣютъ смочить свои платки, хотя по пріему и по ласковому говору хозяевъ, а иногда и по взятому съ нихъ честному слову, вполнѣ бываютъ увѣрены, что сватовство ихъ приметъ благопріятный оборотъ. Съ подачею на столъ самовара, чтобы усадить сватовъ, отецъ невѣсты, на отказъ ихъ садиться, пока не дастъ честнаго слова, говоритъ: „да ужъ, видно, быть по вашему! Какъ старуха?“, обращается къ женѣ. „То вѣдашь ты; твоя воля!“—обыкновенный отвѣтъ матери. Иногда помолятся Богу при затепленной, привезенной сватами свѣчѣ, до чаепитія, а иногда, если родители невѣсты люди небогатые, во время чаю просятъ у сватовъ денегъ и водки на пріемъ гостей свадебниковъ, а богомоленіе бываетъ послѣ чаю. Привезенная сватами водка распивается за чаемъ.

Дѣвица-невѣста, при зажженіи свѣчи предъ иконою, выходитъ изъ прируба, кланяется въ ноги отцу и матери и проситъ ихъ не отдавать ее замужъ. Хорошо, если она проситъ только изъ боязни вступить въ новую среду; но иногда бываетъ, что невѣста влюблена въ другаго, а къ тому, котораго сватаютъ, чувствуетъ апатію. Тогда

очень тяжело смотрѣть на ея поклоны: она ползаетъ въ ногахъ у родителей, соглашается исполнять всевозможныя черныя работы, ходить въ посконномъ сарафанѣ, обливается горючими слезами... Тогда и отца-флегматика прошибетъ слеза, а изба, обыкновенно наполненная въ то время женскимъ персоналомъ деревни, не только плачетъ, а буквально стонетъ. „Что дѣлать дѣвка?“—отвѣтъ отца—„стерпится, слюбится, видно, судьба!“

Возвратившихся къ жениху сватовъ встрѣчаютъ вопросомъ: „дуть ли на ложку, хлебать ли уха?“ Отвѣтъ получается, смотря по обстоятельствамъ. Впрочемъ, случаевъ отказа въ послѣднее десятилѣтіе было только два, да и то одна изъ сватаемыхъ дѣвицъ послѣ ушла уходомъ за того же молодца, за котораго сватали; другой отказъ полученъ былъ сватомъ, которому прежде сказано было отцомъ невѣсты, что онъ просватывать не станетъ; а если дочь согласится идти уходомъ, препятствовать не будетъ.

На другой день послѣ сватовства женихъ съ тысяцкимъ, которымъ бываетъ крестный отецъ, и съ нѣсколькими друзьями приходитъ къ невѣстѣ и приноситъ гостинцы—

пряники, орѣхи, конфекты. Невѣста, заблаговременно одѣтая въ праздничное платье, выноситъ изъ прируба на тарелкѣ платокъ и съ низкимъ поклономъ подаетъ его жениху. Платокъ складывается трехугольникомъ на нѣсколько пластовъ; углы его, скрываются внутрь; но женихъ долженъ найти скрытый уголъ и встряхнуть платокъ такъ, чтобы онъ сразу распустился, потомъ женихъ вытираетъ даренымъ платкомъ свое лицо и со словами: „наша невѣста не спала, не дремала, намъ—молодцамъ дары припасала“, кладетъ его въ карманъ. Затѣмъ женихъ и невѣста садятся за столъ, но не на долго: невѣста встаетъ и разложенными на тарелки, принесенными женихомъ гостинцами подчуетъ сначала его, потомъ приведенныхъ имъ гостей и наконецъ своихъ гостей-дѣвицъ. Всѣхъ гостей угощаютъ чаемъ и ужиномъ.

Слѣдующіе дни, до кануна свадьбы, невѣста, со своими подругами, разъѣзжаетъ въ гости къ ближайшимъ родственникамъ. Въ прежнее время, съ невѣстою ѣздила причитальница; но прошло лѣтъ 20 уже, какъ причеты вывелись изъ употребленія, за неимѣніемъ человѣка, одареннаго способностью выражать чувство согласно обстоятельствамъ;

а потому вмѣсто причетовъ, сопровождающія невѣсту дѣвицы поютъ пѣсни.

На канунѣ вѣнчанія невѣста проситъ двухъ подругъ сводить ее въ баню. Избранныя пріятельницы называются подручницами, потому что ведутъ невѣсту въ баню подъ руки. Онѣ, какъ и сама невѣста, должны одѣть гарусный сарафанъ, крытый сукномъ полушубокъ и непремѣнно имѣть головной уборъ—перевязку (неимѣющія перевязки не могутъ быть и подручницами). Пока невѣста одѣвается, дѣвицы поютъ пѣсни слѣдующаго содержанія:

„Подходите ножки рѣзвыя,
Захватите ручки бѣлыя,
За скобу, за желѣзную!
Крюки, петли золоченые,
Отворяйте двери на пяту,
По порожку, по кленовому!
Не убойтесь, люди добрые,
Не изъ Питера бурлаки шли,
Не изъ Петровскаго—извощички,
Идутъ баенны порубщички.
Наша парна баенка
Въ сыромъ бору порублена,
Вдоль рѣченьки приплавлена,
По край бережка поставлена.
Рубилъ баеночку батюшко,

Передбаенку-то брателко;
Крыта баенка куницею,
Передбаенка—лисицею.
Въ нашей парной баенкѣ
Три колоды вересовыя,
Двѣ лавочки брусовыя,
Три окошечка косящаты,
Три околенки стекольчаты,
Три грядочки моржовыя,
Три стопочки точеныя,
Камеленочка хрустальная,
Двѣ полочки тесовыя,
Шелковъ вѣничекъ испареный.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Въ хорошу парну баенку!
Во нашей парной баенкѣ
Ключевой воды наношено,
Слизкихъ щелоковъ наварено.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во хорошу парну баенку,
Во бѣлую умываленку!
Во нашей парной баенкѣ
Ключевой воды наношено
Со тридцати со трехъ колодцей:
Со перваго колодца
Со матушки Угрюмъ-рѣки,
Со втораго со колодца
Со матушки Свирѣпъ-рѣки,

Со третьяго колодеца
Со матушки Веселъ-рѣки.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во хорошу парну баенку,
Во бѣлую умываленку!
Ты клади-ко, красна дѣвица,
На первую на грядочку
Шелковую опоясочку,
На вторую грядочку
Крашенинну нову шубочку,
На третію на градочку
Нову бѣлую рубашечку;
На первую на стопочку
Шелковую нову ленточку,
На вторую стопочку
Жемчужную перевязочку,
На третью стопочку
Серебряну цѣпочечку;
На первое окошечко
Бѣло мыло умывальное,
На другое окошечко
Частый рыбій гребешокъ,
На третіе окошечко—
Бѣлила со румянами.
Ты пожалуй, красна дѣвица,
Во парну бѣлу баенку!
Ты не мойся, красна дѣвица,
Со матушки Угрюмъ-рѣки:

Богоданные будутъ угрюмые.
Ты не мойся, красна дѣвица,
Со матушки Свирѣпъ-рѣки:
Богоданные будутъ свирѣпые.
Ты умойся, красна дѣвица,
Со матушки Веселъ-рѣки!
Богоданные будутъ веселые.

Когда невѣста идетъ въ баню, провожающія ее дѣвицы поютъ различныя пѣсни, немогущія быть названы свадебными. Хотя бы до бани было не болѣе 20 саженъ, но шествіе продолжается неменѣе часа; потому что идущія сзади пѣсенницы дадутъ ступить невѣстѣ и ведущимъ ее подручницамъ раза три, а потомъ почти столько же оттянутъ ихъ назадъ. Такой же церемоніей сопровождается и выходъ изъ бани: иногда томятъ невѣсту до того, что у нея зубъ на зубъ не попадаетъ; однако она не тяготится этимъ вреднымъ обычаемъ, влекущимъ за собою простуду, а наоборотъ, находитъ, что чѣмъ дольше ведутъ ее, тѣмъ славнѣе, —больше для нея почета.

Вечеромъ, въ тотъ же день, приходитъ со своими друзьями женихъ на такъ называемый дѣвичь-вечеръ, приноситъ невѣстѣ дары: гребень, зеркальцо, мыло, башмаки, чулки, ленточку для вплетанія въ косы.

Пришедшіе съ женихомъ молодцы и дѣвицы—гости невѣсты поютъ пѣсни, устраиваютъ хороводы; но женихъ и невѣста не принимаютъ участія ни въ пѣніи, ни въ играхъ. Дѣвичь-вечеръ кончается ужиномъ.

Въ день бракосочетанія женихъ съ двумя дружками ѣдетъ зазывать родственниковъ на брачный пиръ. При зовѣ, дружки говорятъ: „къ нашему“, а женихъ—„ко мнѣ“, затѣмъ всѣ трое продолжаютъ: „молодому князю хлѣба-соли кушать, пожалуйте!“ Такъ же, какъ и при свадьбѣ уходомъ, зазывающіе получаютъ отъ зазываемыхъ яйца или трехкопѣечники, и также, особенно дружки, нагружаются національнымъ напиткомъ. По окончаніи зазыванія, тысяцкій ведетъ жениха за столъ, накрытый скатертью, на который кладется хлѣбъ-соль. Знахарь въ это время береть яйцо, востроносый ножъ, замокъ, становится предъ иконою и нашептываетъ слѣдующій свадебный отпускъ:

„Воскреснетъ Богъ, расточатся врази, отбѣжатъ отъ лица Его ненавидящіе Его! Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ; яко таетъ воскъ отъ огня, также погибнутъ бѣсы отъ лица Господня. Воззнаменуемся крестнымъ знаменіемъ, возвеселимся о рекущихъ: Животворящій Крестъ Господень!

прогони бѣсы силами на Тебѣ распятаго Господа Іисуса Христа Сына Божія. Исповѣдаю едино крещеніе во оставленіе грѣховъ, чаю мертвыхъ воскресенія и жизни будущаго вѣка. Словамъ моимъ: аминь. Ставлю къ иконѣ свѣчку, ставлю по парно вкругъ жениха и невѣсты, тысяцкаго, сватьи, поѣзжанныхъ дружекъ и всего княжевецкаго поѣзда; беру себѣ икону, иду вкругъ княжевецкаго поѣзда жениха и невѣсты, поѣзжаныхъ дружекъ, ставлю мѣдный тынъ отъ востока до запада, отъ сѣвера до лѣта. Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, аминь. Обхожу кругомъ княжевецкій поѣздъ, до трехъ разъ ставлю мѣдный тынъ отъ востока до запада, отъ сѣвера до лѣта. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Ставлю икону на божницу, молюся со всѣмъ княжевецкимъ поѣздомъ иконѣ: сохрани мой княжевецкій поѣздъ отъ шулупливаго, отъ накляпаго-горбатаго, отъ встрѣчнаго, поперечнаго, злодумливаго. Ненавистникамъ смоляная спица изъ глаза въ глазъ, и вытяни изъ темени языкъ; тому дѣлу—аминь. Сохрани мой княжевецкій поѣздъ отъ кладуна, кладуницы, отъ бабы—еретицы, отъ бабы—бѣлоголовки, отъ дѣвки—черноголовки, отъ двое-

жена, троежена, отъ двоезуба, троезуба, отъ вѣдуна, отъ вѣдуницы, отъ встрѣчнаго, поперечнаго, злодумливаго, ненавистнаго; сохрани мой княжевецкій поѣздъ въ затворахъ, притворахъ, въ утинахъ, притинахъ, въ церковныхъ порогахъ. Пусть мои слова крѣпче дерева тверда, стали и булата. Заключается моя статья статьями: отведу ему хитрую работу—пусть вкругъ моря лѣсъ вырубитъ, пенье выломатъ, хвою выглодатъ, песокъ изъ моря вызоблетъ, кита-рыбу изловитъ, ключи выпоретъ; тогда мой княжевецкій поѣздъ испортитъ. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, словамъ моимъ—аминь!"

Отпускъ читается не въ той комнатѣ, гдѣ сидятъ женихъ съ тысяцкимъ и поѣзжане, а въ отдѣльной, или въ прирубѣ; слѣдовательно обходъ знахаря вокругъ поѣзда бываетъ мысленный. Появленіе знахаря, по прочтеніи отпуска, въ комнатѣ, гдѣ находятся поѣзжане, служитъ знакомъ, что онъ кончилъ свое дѣло. Тогда тысяцкій выводитъ жениха изъ за стола; всѣ, находящіеся въ избѣ, встаютъ и молятся Богу. Затѣмъ начинается благословеніе; отецъ благословляетъ иконою, а мать—хлѣбомъ; женихъ кланяется въ ноги родителямъ. Икона

передается тысяцкому, который долженъ отвезти ее въ церковь на время бракосочетанія, а по окончаніи — привезти обратно, и отправляются за невѣстою.

На первой лошади ѣдутъ дружки, на второй—тысяцкій и женихъ, далѣе - поѣзжане. Весь поѣздъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Тысяцкій кладетъ икону на набожницу и съ женихомъ идетъ къ невѣстѣ, находящейся въ другой комнатѣ. Отецъ невѣсты беретъ ее за руку, подаетъ жениху и говоритъ: „на (имя рекъ жениха) самъ тереби, а отъ другихъ береги!“ Когда женихъ поведетъ невѣсту изъ комнаты, дѣвицы просятъ съ него косное, т. е. за плетенье невѣстѣ косы денегъ на гостинцы, и онъ даетъ просительницамъ коп. 30—40. Тысяцкій ведетъ жениха, женихъ—невѣсту, а за невѣстою идетъ сватья, и всѣ четверо садятся за столъ, накрытый скатертью, съ положенными на немъ хлѣбомъ-солью. Захожденіе за столъ должно быть произведено непремѣнно съ лѣвой стороны—посолонь. Знахарь читаетъ помѣщенный выше отпускъ, послѣ котораго отецъ благословляетъ невѣсту иконою, а мать—хлѣбомъ. Благословеніе, какъ жениха, такъ и невѣсты состоитъ въ томъ, что отецъ снимаетъ съ божницы икону,

кладетъ на голову вступающаго въ бракъ сына или дочери и даетъ поцѣловать ее, благословляемый кланяется въ ноги; мать беретъ со стола хлѣбъ—положитъ своему дѣтищу на голову, а оно кланяется въ ноги. Крестообразное осѣненіе ни иконою, ни хлѣбомъ не дѣлается; такъ какъ восьмиконечнаго креста изобразить нельзя, а четырехконечный, въ большинствѣ случаевъ, родителями не уважается, хотя при молитвѣ осѣняютъ себя четырехконечнымъ крестомъ. Послѣ благословенія отправляются къ вѣнцу. Прежде всѣхъ идетъ знахарь. Между знахаремъ и четырьмя главными лицами женщина очищаетъ вѣникомъ дорогу отъ могущей быть подброшенной порчи; при переходѣ чрезъ пороги, жениху и невѣстѣ напоминаютъ, чтобы изображали на себѣ крестное знаменіе. Женихъ на рукахъ поднимаетъ невѣсту въ сани, съ нею садится сватья; въ это время дѣвицы поютъ пѣсню: „Бѣлая лебедушка и сѣрые гуси“, извѣстную здѣсь подъ названіемъ „Отставалая“. Кончается пѣсня словами: „не сама я залетѣла къ вамъ, не по своей я волюшкѣ, по родительской неволюшкѣ“, Женихъ ѣдетъ къ вѣнцу съ тысяцкимъ. Дружки, служащіе путеводителями, отъѣдутъ за деревню, а

потомъ возвращаются въ домъ невѣсты и говорятъ:

Лѣстницы крутыя,
Ступени частыя,
Бѣжали, вспотѣли,
Пить захотѣли.

Хозяйка приноситъ дружкамъ чашку квасу и даритъ ихъ платками, какъ бы для того, чтобы утереть потъ. Дружки машутъ платками и говорятъ: „Наша невѣста не спала, не дремала, намъ-молодцамъ дары припасала", садятся въ сани и во весь опоръ догоняютъ поѣздъ. Они должны обогнать и ѣхать впереди поѣзда.

Въ остальномъ свадьбы играются также, какъ и уходомъ, съ тою, впрочемъ, разницею, что на свадьбѣ сватовствомъ гостятъ въ первый день родственники жениха и невѣсты, а на другой день хлѣбины бываютъ не у жениха, а у родителей невѣсты.

Учитель Ряговскаго сельскаго
земскаго училища *В. Ильинскій.*

Перепеч. изъ №№ 84—90 Олон. Губ. Вѣд. 1889 г.)

Петрозаводскъ. Въ Губ. Типографіи. 1889.

Рѣка Лососинка и ея значеніе въ промышленности гор. Петрозаводска.

—

Въ 20-ти верстахъ отъ г. Петрозаводска находятся два озера — *Машезеро* и *Лососинное*. Изъ нихъ вытекаютъ двѣ рѣчки, подъ названіемъ этихъ озеръ — Машезерка и Лососинка, сливающіяся въ одно русло, въ семи верстахъ отъ своихъ истоковъ. Отсюда рѣка носитъ одно общее названіе Лососинки.

Теченіе рѣки извилистое и быстрое. Дно покрыто каменьями разнородныхъ величинъ и формъ и вода, встрѣчая отъ нихъ преграду, съ шумомъ рвется по склону и вливается въ Петрозаводскій заливъ, Онежскаго озера. Почти до самой черты города берега Лососинки покрыты хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ. Только изрѣдка, клочками, кое-гдѣ можно встрѣтить на берегахъ ея покосы. Изъ прилегающей къ рѣкѣ мѣстности красотою своею особенное внима-

ніе обращаетъ древлянскій садъ архіерейскаго дома, находящійся въ одной верстѣ отъ города, на лѣвомъ берегу рѣки Лососинки. Мѣстность эта окружена полями, покосами и лѣсомъ и представляетъ любимое мѣсто для загородной прогулки горожанъ. На противоположной къ Древлянкѣ сторонѣ находится замѣчательная по высотѣ гора. Отсюда особенно красивъ видъ на городъ. Теченія рѣки съ горы влѣво не видно, но покрытые лѣсною растительностью берега ея зубчатой стѣной выдѣляются на далекое пространство и представляютъ чрезвычайно живописный видъ.

Въ числѣ многочисленныхъ быстротекущихъ рѣкъ въ губерніи, могущихъ дать неисчерпаемую даровую силу механическимъ двигателямъ, Лососинка занимаетъ видное мѣсто. Значеніе этой рѣки впервые оцѣнилъ геніальный Императоръ Петръ Великій, по указу Котораго, въ 1703 году, устроенъ былъ при устьѣ чугунно-пушечный заводъ, названный по Августѣйшему Его Имени *Петровскимъ*.

Въ памяти Петрозаводскихъ жителей, благоговѣющихъ предъ Именемъ Петра I-го, глубоко запечатлѣнъ Его образъ. Указывая

на мѣсто, бывшее подъ заводомъ, съ умиленіемъ вспоминаютъ Петрозаводчане о томъ, какъ Петръ Великій, ступая по изгари и шлаку, мощными Своими руками поднималъ тяжелый молотъ и въ тактъ ударялъ съ рабочими по желѣзной полосѣ. Отсюда отправлены пушки и военные снаряды, окончательно завоевавшіе доступъ къ Балтійскому побережью и послужившіе къ возрожденію могущества Россіи.

Теперь хранятся только слабые слѣды Петровскаго завода, бывшаго пониже общественнаго сада. Заводъ этотъ имѣлъ четыре доменныхъ печи. Отливались мортиры, большія пушки, ядра и другіе воинскіе припасы. Здѣсь же лишній чугунъ передѣлывался въ желѣзо. Кромѣ доменныхъ печей, въ заводѣ были построены фабрики: формовая, сверлильная—съ вододѣйствующей машиной, молотовая—о трехъ молотахъ, якорная, проволочная, огромная оружейная, въ которой дѣлались на всю армію ружья, палаши и другія воинскія принадлежности, въ большомъ количествѣ. На заводѣ ежедневно работало до 800 человѣкъ.

Петровскій заводъ былъ уничтоженъ въ 1732 году, вмѣстѣ съ оружейною фабрикою,

которая со всѣми работниками переведена въ Сестрорѣцкъ, а выплавка чугуна и приготовленіе изъ него пушекъ перенесены были на Кончезерскій заводъ.

Въ 1723 году, на мѣстѣ сверлильной фабрики бывшаго Петровскаго завода построенъ былъ мѣдиплавильный заводъ, но—по дороговизнѣ выплавляемой мѣди—дѣйствовалъ недолго. Въ 1753 году заводъ этотъ былъ перестроенъ и, по возобновленіи, работалъ всего десять лѣтъ.

Рядомъ съ казенными горными заводами здѣсь имѣли попытку развить горное дѣло и частные предприниматели. Такъ, въ 1765 году, по просьбѣ иностранцевъ Бораль, Шашоніенъ и К°, по указу Императрицы Екатерины II-й, разрѣшено было построить фабрику для дѣланія бѣлаго желѣза, разной жестяной посуды, стальныхъ кирассъ, земледѣльческихъ косъ, серповъ и наперстковъ. Было отведено мѣсто въ одну квадратную версту и дано безъ поручательства и процентовъ денегъ, въ ссуду, на 10 лѣтъ, 2000 руб. Кромѣ того, приказано было отпускать сибирское желѣзо, съ условіемъ уплаты за него денегъ тоже чрезъ 10 л. Компанія эта въ томъ же году построила заводъ весь

изъ дерева и дѣла ея сначала шли весьма бойко, издѣлія завода расходились не только по Россіи, но и отправлялись за границу. Успѣшное дѣйствіе этого завода продолжалось не долго, такъ какъ заграничные заводчики понизили свои цѣны на подобныя издѣлія и, кромѣ того, по истеченіи 10 лѣтъ, былъ прекращенъ выгодный для компаніи отпускъ сибирскаго желѣза. Въ 1776 году эти заводы пришли въ совершенный упадокъ и на нихъ образовался долгъ въ 193.477 руб. 37 к. Уплата была разсрочена на три года, но это не помогло дѣлу. Всѣ заводскія строенія пришлось продать за весьма незначительную сумму—6192 руб. 42 коп. Остальная сумма сложена по указу Императора Павла, въ 1802 году.

Вмѣсто Петровскихъ казенныхъ заводовъ, повыше ихъ, на той же рѣкѣ Лососинкѣ, въ 1774 году, по указу Императрицы Екатерины II-й, воздвигнутъ новый чугунно-пушечный заводъ, названный *Александровскимъ*.

Такимъ образомъ, почти двѣсти лѣтъ тому назадъ, на пустынныхъ дотолѣ берегахъ рѣки Лососинки и Онежскаго озера, по творческой мысли Петра Великаго, возникли

первые горные заводы и образовалось здѣсь поселеніе, подъ именемъ Петровской-Слободы, которая еще при Петрѣ I-мъ начала быстро населяться и имѣла уже до 30 домовъ, разбросанныхъ по холмамъ. Развившееся со времени Петра Великаго горное производство дало особую промышленную жизнь и пріобрѣло ему значеніе въ экономическихъ соображеніяхъ государства. Въ 1777 году Петровская Слобода возведена на степень города Петрозаводска и населеніе его простиралось уже до 3000 человѣкъ обоего пола. Въ столѣтнее существованіе свое городъ возросъ до 12.000 жителей. Нынѣ на Александровскомъ заводѣ трудится до 1000 человѣкъ, снискивая пропитаніе себѣ съ семьями. Средняя валовая производительность завода, за послѣдніе 20 лѣтъ, простирается до 400.000 р. Средній заработокъ мастероваго—около 170 р. Торговое положеніе Петрозаводска тѣсно связано съ работами Александровскаго завода, составляющаго единственный источникъ существованія для четверти населенія города.

Гористое мѣстоположеніе Петрозаводска, разрѣзанное глубокимъ и широкимъ оврагомъ, составляющимъ ложбину рѣчки Лососинки, не можетъ назваться красивымъ и

правильнымъ. Оврагъ этотъ, въ южной части котораго построенъ пушечный заводъ, образовался отъ наводненія, бывшаго въ 1800 году. Глядя на нынѣшнюю Лососинку, имѣющую видъ горнаго ручья, едва замѣтно изливающагося между грядами валуновъ, невольно является вопросъ, какъ могло быть здѣсь наводненіе? Между тѣмъ, наводненіе было страшное и разрушительное. Оно произвело перемѣну въ направленіи самой рѣки, которая прежде текла по прямому склону, мимо угольныхъ сараевъ и южной стороны заводскихъ сооруженій, т. е. по тому самому мѣсту, гдѣ устроенъ высокій насыпной кряжъ.

По описанію очевидца *), наводненіе произошло отъ переполненія водою озеръ Машезерки и Лососинки послѣ проливныхъ дождей, бывшихъ непрерывно цѣлый мѣсяцъ, съ половины іюля до половины августа 1800 года. На всемъ теченіи Лососинки съ горъ и болотъ также текли въ русло рѣки обильные дождевые источники. Все это обратило Лососинку въ сердитую рѣку, стремившуюся съ страшнымъ шумомъ по каменьямъ. Не успѣвая стекать по сливному мосту, бывшему по южную сторону завода, вода образовала внѣ ея новое русло,

промыла заводскую плотину и нахлынула въ заводскія строенія. Она разрушила руденые сараи и увлекла съ собою лежащія на площади руды, известковый камень и мраморъ, заготовленные для доменныхъ печей. Стремленіемъ воды промыло кряжъ и площадь у заводской котловины въ ширину на 50, въ длину на 75 и глубиною до 4 саженъ, всего болѣе 15 тысячъ куб. саж. и рѣка Лососинка приняла новый видъ. На своемъ стремительномъ пути вода разрушила плотины бывшей французской фабрики и Петровскаго мѣдиплавильнаго завода и унесла съ собою въ озеро нѣсколько небольшихъ домовъ, стоявшихъ на сѣверномъ берегу рѣки, у самаго ея устья. Нѣкоторые дома цѣликомъ, а другіе разрушенные, вмѣстѣ съ пожитками хозяевъ, перемѣшивались съ бревнами и досками отъ плотинъ и заводскихъ строеній, плавали по заливу озера дальше казенней пристани и представляли поразительное зрѣлище. Сообщенія одного берега съ другимъ не было. Если кто желалъ перебраться на противоположную сторону рѣки, то нужно было брать лодку и объѣзжать струю страшной рѣки, которая

*) Памятная книжка Олонецкой губерніи за 1865 г., стр. 134—140.

обозначалась сильнымъ волненіемъ въ озерѣ гораздо дальше казеннай пристани.

Послѣ неудачной попытки французской компаніи-развить заводское дѣло на р. Лососинкѣ, значеніе этой рѣки, какъ важной даровой водяной силы, совершенно оставлено было безъ вниманія частными предпринимателями. Свойственный мѣстнымъ коммерсантамъ недостатокъ предпріимчивости и положительное непониманіе выгодныхъ условій мѣстности служили одною изъ главныхъ причинъ такой аномаліи.

Еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія Правительство озабочено было привлеченіемъ сюда капиталистовъ.

По порученію Министерства Путей Сообщенія, рѣка Лососинка изслѣдована была инженеромъ и открыто, что, по чрезвычайному своему паденію и быстротѣ, возможно устроить на каждыхъ ста саженяхъ по хорошей мельницѣ, оставивъ одно такое мѣсто на случай могущей встрѣтиться надобности Александровскому пушечному заводу. Поставкою мукомольныхъ мельницъ и лѣсопильнаго завода проектировалось усилить доходъ города и бѣднѣйшимъ обыва-

телямъ его предоставить заработки. „*Самый городъ*“, указывалось въ проектѣ *), „*найдетъ удобность къ лучшему устройству своему, а казенныя зданія можно будетъ содержать въ лучшей исправности, имѣя возлѣ себя способы къ пріобрѣтенію лѣсныхъ матеріаловъ, въ чемъ здѣсь въ лѣтнее время встрѣчается крайняя нужда.*“

Въ теченіе слишкомъ полстолѣтія, указанныя предположенія администраціи нашли осуществленіе въ постройкѣ только одной мельницы, повыше заводской плотины. Мельница эта—о двухъ поставахъ—принадлежала генералъ-лейтенанту Р. А. Армстронгъ. Отъ сына его, поручика А. Р. Армстронга, мельница съ принадлежащимъ къ ней мостомъ, въ 1874 году, перешла въ собственность города, и по контракту, заключенному съ мѣщаниномъ Корытовымъ, отдана ему въ аренду съ 1875 года на 25 лѣтъ, съ платою по 131 руб. въ годъ. Въ контрактѣ, между прочимъ, поставлено условіе: мельница со всѣми принадлежностями и строеніями къ ней, по окончаніи срока арендованія, должна быть собственностію города.

*) Отч. Олон. гражд. губ. Дашкова, за 1837 г.

Только въ послѣднее время намъ пришлось быть очевидцами довольно крупнаго предпріятія въ частной промышленности на рѣкѣ Лососинкѣ. Въ 1889 году Петрозаводскій купецъ М. Н. Пикинъ заарендовалъ у городского общества, для постройки мельницы, на 40 лѣтъ, мѣсто въ одну десятину, пониже общественнаго сада, на лѣвомъ берегу р. Лососинки. Арендная плата обусловлена: въ первые 20 лѣтъ—по 25 р., а въ послѣдніе—по 40 р. ежегодно. Кромѣ того, для сооруженій плотины, до 5 квадр. саж. мѣста заарендовано у горнаго правленія, на противоположномъ берегу р. Лососинки.

Немного выше того мѣста, гдѣ прежде стоялъ Петровскій пушечный заводъ, купцомъ Пикинымъ построены были капитальныя зданія мельницы и лѣсопилки. Но, къ сожалѣнію, случившійся 11 ноября сего года пожаръ, почти въ началѣ прервалъ здѣсь промышленную дѣятельность.

Подъ свѣжимъ воспоминаніемъ истребленныхъ пожаромъ зданій, умѣстно въ нашей лѣтописи, хотя въ краткихъ словахъ, замѣтить о существовавшихъ постройкахъ, которыя наружнымъ и внутреннимъ своимъ

видомъ доказывали, что предприниматель не пожалѣлъ средствъ на созиданіе ихъ.

Механизмъ мельницы, по прочности и искусству, представлялъ характерную особенность, не встрѣчаемую на здѣшнихъ мельницахъ, работающихъ медленно и съ частыми остановками, особенно въ нынѣшній годъ, вслѣдствіе маловодья. Жернова на мельницѣ заграничной работы, пріобрѣтены были въ Петербургѣ; подъемъ ихъ производился посредствомъ особаго винта. Механизмъ мельницы приводился въ движеніе двумя нижнебойными колесами. Каждое колесо, въ діаметрѣ 14 фут., имѣло ширину крыльевъ до 5 фут. Вся постройка мельницы стоила четыре тысячи рублей. Мельница работала съ 21 ноября 1889 г.

Три жернова могли размолоть ржи въ сутки: зимою—до 100 кулей *), а въ остальное время—до 60 кулей. Плата за помолъ бралась 30 коп. съ куля девятипудоваго вѣса, а за набивку и взвѣшиваніе—по 10 коп. Попудно за помоль цѣна была 3 к.

При жерновахъ устроено было 12 пестовъ для толченья овса въ муку. На каж-

*) Зимой мерзлое зерно размалывается легче.

дые два песта въ отдѣленіе ящика полагалась ступа, состоящая изъ пяти четвериковъ овса. За толченье одной ступы платили 25 к. Въ сутки толклось 5 ступъ, или 25 четвериковъ овса. Работа пестовъ производилась одновременно съ дѣйствіемъ жернововъ.

Большая часть зерна для размола поступала отъ мѣстныхъ купцовъ, покупающихъ рожь въ Рыбинскѣ. Окрестные крестьяне тоже привозили значительное количество зерна. Это для нихъ было очень удобно, ибо, при быстрой работѣ жернововъ, не приходилось находиться въ неопредѣленномъ и томительномъ ожиданіи очередей, какъ это постоянно практикуется на деревенскихъ мельницахъ, да кстати же они справляли и свои покупки въ городѣ.

Лѣсопилка, совмѣстно съ мельницею, купцомъ Никинымъ устроена была въ концѣ прошлаго года. Зданіе лѣсопилки было шатровое, покрытое желѣзомъ. Въ заводѣ работала одна лѣсопильная рама, приводимая въ движеніе водянымъ колесомъ, приспособленнымъ, въ тоже время, для дѣйствія одного жернова съ толчеями ступъ. Лѣсопилка

дѣйствовала съ 2 января сего года; постройка ея обошлась до восьми тысячъ рублей.

Лѣсопилка могла выпиливать въ сутки до 80 деревъ. Стоимость распиловки была: толстаго бревна—60 коп., а тонкомѣрнаго—50 коп.

Вода подъ водяныя колеса лѣсопилки и мельницы проходила по отдѣльному руслу, разчищенному глубиною на два аршина, шириною по дну въ полторы сажени. На дельтѣ, образовавшейся между искусственнымъ русломъ и истокомъ рѣки, обнесено заборомъ мѣсто, въ окружности до 100 саж., для склада лѣсныхъ матеріаловъ. Здѣсь, въ отдаленномъ углу двора устроена кузница. За мѣсто, занятое лѣснымъ дворомъ, купецъ Пикинъ платитъ горному правленію по 25 р. ежегодно. Условіе заключено на 20 л.

Смотря по дѣлу, рабочихъ при мельницѣ бывало отъ двухъ до пяти человѣкъ. При лѣсопильномъ заводѣ постоянныхъ рабочихъ было пять человѣкъ. Изъ нихъ одинъ пилоставъ, трое для свалки бревенъ и уборки теса, и кузнецъ для починки механизма и другихъ принадлежностей завода и мельницы. Ежемѣсячное жалованье полу-

чали: кухоръ при мельницѣ—15 р., пилоставъ при лѣсопилкѣ—25 р., кузнецъ—15 р., а остальные рабочіе—отъ 12 до 18 р. каждый, смотря по количеству поденныхъ дней. Кромѣ того, для наблюденія, при лѣсной биржѣ состоялъ особый приказчикъ, получавшій жалованье по 20 р. въ мѣсяцъ. Приказчику и кухору содержаніе было готовое отъ хозяина, а пилоставъ и другіе рабочіе имѣли свое содержаніе.

Зданія мельницы и лѣсопилки застрахованы были въ обществѣ „Россія“ за 9280 руб. Владѣлецъ опредѣляетъ свои убытки сверхъ страховой преміи до 5000 руб. Уже составленъ новый проектъ устройства мельницы и приступлено къ сооруженію оной. Мельница будетъ въ три этажа съ четырьмя поставами. Объ устройствѣ же лѣсопилки никакихъ предположеній пока не извѣстно.

Благодаря предпріимчивости купца Пикина, городъ и казна получаютъ за мѣсто ежегодно до 50 р. дохода и, по истеченіи срока аренды, въ собственность города должны бы перейти всѣ сооруженія завода и мельницы. Для мѣстнаго населенія эти промышленныя заведенія составляли тоже не-

маловажное значеніе въ экономическомъ отношеніи: около десяти человѣкъ имѣли постоянную работу и, кромѣ того, посторонним представлялась возможность временно заработывать деньги вывозкою бревенъ и нагрузкою теса на суда. Обыватели имѣли удобный способъ пріобрѣтать прекраснаго качества ржаную муку, размолотую изъ отборнаго зерна. Каждый на опытѣ изслѣдовалъ, какую пользу въ домашней экономіи приносила эта мука. По сравненію съ кулевой, свѣжемолотая мука давала припека больше на два пуда. За добросовѣстное выполненіе Пикинымъ дѣла краснорѣчивѣе всего говорило то, что спросъ на эту муку быстро возросталъ. При лѣсопилкѣ домовладѣлецъ за болѣе выгодную цѣну могъ пріобрѣтать тесъ для ремонта своего дома, какъ бы много или мало его ни требовалось. Сюда же и самъ онъ могъ заготовить строевой лѣсъ для распиловки и стоимость ея обходилась дешевле, чѣмъ при ручной пиловкѣ. Между тѣмъ, какъ лѣсъ заводской пиловки лучше годится для дѣла: края досокъ выходятъ очень ровные и концовъ не приходится бросать даромъ; тогда какъ при ручной пиловкѣ края досокъ выходятъ неровные и концы раскалываются, отчего съ

каждой доски около аршина идетъ въ бракъ. Самая мѣстность, будучи занята заводскими и мельничными постройками, на склонѣ живописнаго холма, придавала большое значеніе городу, въ смыслѣ благоустройства его. Да, наконецъ, каждому пріятно было видѣть здѣсь промышленную трудовую дѣятельность и въ силу дорогаго воспоминанія, что примѣры этой дѣятельности оставилъ намъ въ наслѣдіе Вѣчный Работникъ, Самъ Державный Основатель Петрозаводска, своими Царственными руками тянувшій тяжелыя желѣзныя крицы.

И. И. Б—скій.

(*Перепечатано изъ №№ 92 и 93 Олон. Губ. Вѣд. 1891 г.*)

Петрозаводскъ. Въ Губ. Типогр. 1891.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Бережнодубровскій и Коневскій приходы

Пудожскаго и Каргопольскаго уѣздовъ, Олонецкой губерніи *).

—***—

Бережнодубровскій погостъ, его названіе и церкви.

Бережнодубровскій погостъ или, по мѣстному выраженію, „Бережная Дуброва“, находится на лѣвомъ берегу рѣки Онеги, въ Пудожскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, въ 191 верстѣ къ сѣверо-западу отъ своего уѣзднаго г. Пудожа и въ 80 верстахъ къ сѣверу отъ г. Каргополя. Погостъ расположенъ на отлогой возвышенности, спускающейся къ р. Онегѣ и прорѣзанной живописными *оргами*, съ ручейками ключевой воды. Оргами мѣстные жители называютъ

*) Коневскій приходъ, въ концѣ 1886 года, выродился изъ Бережнодубровскаго прихода, а потому мы и помѣщаемъ свѣдѣнія о немъ вмѣстѣ съ послѣднимъ.

ложбины или долины, покрытыя сочною травою и узкимъ концомъ своимъ растянутыя до самаго берега р. Онеги. На днѣ такихъ ложбинъ весело журчитъ ручеекъ, быстро стремящійся со своей ключевой водою къ живописной рѣкѣ Онегѣ. Названіе свое „Дуброва“ погостъ получилъ отъ *дубравы*, т. е. непроходимаго лѣса, росшаго въ старину на близъ лежащихъ возвышенностяхъ, а прибавка „*Бережная*“ присвоена ему въ отличіе отъ другого погоста и прихода, также носящаго названіе „Дубровы“, но расположеннаго не на берегу рѣки, а въ сторонѣ отъ нея и, поэтому, прозваннаго „*Заднею Дубровою*“.

Въ Бережнодубровскомъ погостѣ двѣ церкви: деревянная и каменная, съ деревянною, отдѣльно стоящею близъ нихъ колокольнею, и деревянною же обнесенною вокругъ нихъ оградою, съ 4-мя воротами. Разстояніе между церквами 11 саженъ.

Деревянная холодная, съ теплою *трапезою*, церковь замѣчательна по своей архитектурѣ: форма церкви четырехъ-граннаго столба съ двумя тупыми, усѣченными углами для алтарей; форма трапезы - растянутый четырехъ-угольникъ, а вмѣстѣ обоихъ—

форма креста. Надъ церковью девять главъ, 10-я глава надъ алтарями, а надъ трапезою пять главъ. Высота церкви 18 саж., ширина 5 саж., длина 8 саж., высота трапезы 9 саж., ширина 5½ саж. и длина 10½ с. Эта церковь, по имени главнаго придѣла, носитъ названіе Рождество-Пречистенской. Она построена въ 1678 году. Не смотря на свою двухъ-вѣковую древность, Рождество-Пречистенская церковь, разукрашенная своими благочестивыми прихожанами [1]), выглянетъ такою прочною, твердо-стоящею, какъ будто только что заново выстроена... Эта церковь древнѣе прочихъ церковныхъ зданій, а храмовая икона Рождества Пресвятыя Богородицы древнѣе и ея на 35 л. Изъ надписи, сдѣланной внизу на сей иконѣ, видно, что она пожертвована въ церковь прихожаниномъ Харинымъ, въ 1643 году. Нѣтъ сомнѣнія, что и Рождество-Пречистенскя церковь не есть самая первая и древняя церковь Бережнодубровскаго при-

1) Рождество-Пречистенская церковь 200 лѣтъ стояла необшитою тесомъ и неокрашенною. Въ память 200-лѣтняго юбилея, прихожане обшили ее тесомъ извнутри и снаружи и окрасили бѣлилами. Въ минувшее лѣто перекрыты заново и главы, а кресты обиты бѣлою жестью.

хода, напротивъ—только что указанный фактъ свидѣтельствуетъ, что въ приходѣ была церковь и ранѣе 1678 года, но истреблена ли она пожаромъ или уничтожена за ветхостію—объ этомъ ни народная память, ни письменные документы не сохранили намъ никакихъ свѣдѣній. Эту же мысль, т. е. что церковь въ Дубровѣ была уже въ самомъ началѣ XVII в.—подтверждаютъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ писцовой книги 1622 г. [1]).

Въ Рождество-Пречистенской церкви два придѣла: въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы и въ честь Срѣтенія Господня. Оба придѣла, благодаря своему внутреннему переустройству, моложе самаго храма. Придѣлъ въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы освященъ 19 октября 1700 года. Въ память этого событія, вмѣсто выдающейся нынѣ граммоты на освященіе, въ немъ сохраняется бѣлый, простой, осьмиконечный крестъ, съ такою надписью: „освятися алтарь Господа Бога и Спаса Нашего І. Христа и водруженъ бысть сей крестъ въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы

1) См. Пам. кн. Олон. губ. за 1868 г. стр. 157—168.

отъ созданія міра лѣта 7208 индикта, отъ воплощенія Бога Слова 1700, Октября 19 дня, при Благочестивѣйшемъ Государѣ Нашемъ, Царѣ и Великомъ Князѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцѣ, и при Великомъ Господинѣ Нашемъ Святѣйшемъ Киръ-Андріанѣ, Архіепископѣ Московскомъ и всея Россіи, и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархѣ, и при Великомъ Господинѣ Нашемъ Преосвященномъ Іовѣ, Митрополитѣ Великаго Нова-града и Великихъ Лукъ". Второй придѣлъ, въ честь Срѣтенія Господня, освященъ 10 мая 1886 года мѣстнымъ благочиннымъ, священникомъ І. Чернявскимъ, въ сослуженіи священниковъ: мѣстнаго о. Н. В—скаго и трехъ окрестныхъ.

Въ связи съ Рождество-Пречистенскою церковью примкнута теплая трапеза, также съ двумя придѣлами: во имя преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ, и во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости. Трапеза построена вновь въ 1871—72 гг. на мѣсто обветшавшей, существовавшей съ 1730 года по 1870-й. Постройка или, правильнѣе сказать, перестройка трапезы совершена по вновь изданному плану и фасаду, на средства приход-

скихъ людей. Первый придѣлъ, во имя преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ, освященъ 7 декабря 1872 г. мѣстнымъ о. благочиннымъ соборнѣ съ окружнымъ духовенствомъ, освященіе же втораго придѣла, во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, совершено было 18 августа 1876 года, его преосвященствомъ, преосвященнымъ Іонаѳаномъ, епископомъ Олонецкимъ и Петрозаводскимъ, съ окружнымъ духовенствомъ, при громадномъ стеченіи народа.

Другая каменная церковь, квадратной формы, съ двумя полукружіями для алтарей, имѣетъ высоты 8 саж., ширины 6 саж. 1 арш. и длины 12 саж. Она построена въ 1770 году, на средства также приходскихъ людей, но при этомъ болѣе всѣхъ потрудился, какъ говоритъ народное преданіе, тогдашній церковный староста, крестьянинъ деревни Новинской Степанъ Балашевъ. По разсказамъ старожиловъ, будто-бы весь матеріалъ для постройки церкви—плита и кирпичъ—доставленъ Балашевымъ по рѣкѣ Онегѣ противъ воды изъ деревень Новинской и Корильской, отстоящихъ отъ церкви на 5—6 верстъ. Пока дѣломъ постройки распоряжался Балашовъ, оно шло весьма

прочно и крѣпко, но со смертію его, постигшею на пути въ Соловецкій монастырь, постройка повелась иначе. Алтарныя стѣны выстроены были непрочно и вскорѣ дали трещины. Чтобы прекратить дальнѣйшее разрушеніе алтарей, къ нимъ приставлены были каменныя подпоры, лѣтъ 50 тому назадъ обшитыя тесомъ. Минувшимъ лѣтомъ крыша каменной церкви покрыта желѣзомъ и окрашена мѣдянкою. Въ ней два придѣла: въ честь Святителя и Чудотворца Николая и въ честь Святителя Димитрія, Митрополита Ростовскаго. Оба придѣла современны храму и между собою. Они освящены въ маѣ мѣсяцѣ 1770 года, „при державѣ Благочестивѣйшія, Самодержавнѣйшія Государыни Нашея, Императрицы Екатерины Алексѣевны всея Россіи и при Наслѣдникѣ Ея, Благовѣрномъ Государѣ,. Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, по благословенію Великаго Господина Преосвященнаго Антонія, Епископа Олонецкаго и Каргопольскаго, архимандритомъ Александро-Ошевенскаго монастыря Рафаиломъ соборнѣ“ [1]). Въ память освященія въ алта-

1) Слова, обозначенныя кавычками, взяты изъ надписи на деревянныхъ крестахъ, хранящихся въ алтаряхъ.

ряхъ хранятся бѣлые деревянные кресты съ должными надписями.

Изъ достопримѣчательностей Бережно-дубровскихъ церквей считаемъ нужнымъ указать только на *рѣзное изображеніе* Распятаго на крестѣ Господа нашего Іисуса Христа и большую кіоть съ 5-ю главами на верху съ *рѣзнымъ* изображніемъ въ ней Святителя и Чудотворца Николая.

Рѣзное изображеніе Распятаго Господа помѣщается въ Рождество-Пречистенской церкви, у праваго клироса. Іисусъ Христосъ изображенъ, въ большомъ человѣческомъ возрастѣ, пригвожденнымъ ко кресту, съ надписью на всѣхъ концахъ креста І. Н. Ц. І. С. Б. Іс. Хр. Крестъ - 3 арш. 12 в. высоты, а 3 арш. 4 в.—ширины. Разсказываютъ, что при посѣщеніи Рождество-Пречистенской церкви высокопреосвященнымъ Игнатіемъ, архіепископомъ Олонецкимъ и Петрозаводскимъ, въ 1831 году, это изображеніе стояло посреди церкви, противъ образа Воскресенія Христова. По бокамъ Распятаго Господа были размѣщены рѣзанныя изъ дерева, въ ростъ человѣка, двѣ мироносицы. Замѣтивъ это, архипастырь приказалъ крестъ съ рѣзнымъ изображеніемъ Спасителя поставить на другое мѣсто—

именно на то мѣсто, которое занимается имъ и теперь, и хранить его, какъ неоцѣненное сокровище, а прочихъ лицъ (мироносицъ), а равно и рѣзныхъ ангеловъ, столицихъ надъ входными дверьми въ церковь, велѣлъ удалить, что и было исполнено въ тотъ-же день. Рѣзнаго Святителя Николая въ кіоти, какъ имѣющаго къ себѣ сильное уваженіе прихожанъ, архипастырь также велѣлъ оставить въ церкви. Кстати сказать, Святитель и Чудотворецъ Николай изображенъ въ кіоти въ святительскихъ одеждахъ, въ сидячемъ положеніи, съ мѣдною митрою на головѣ, держащимъ въ правой рукѣ саблю, а въ лѣвой—часовенку, куда благочестивые прихожане кладутъ свои гроши и копѣечки, а на часовенку понавѣшено много разныхъ дешевыхъ крестиковъ и медалей. Послѣднее ясно доказываетъ любовь простаго народа къ Святителю. Самая кіоть окрашена разными красками, а мѣстами позолочена; высота кіоти $3\frac{1}{2}$ арш., а ширина $1\frac{1}{4}$ арш. Эта кіоть переносится изъ церкви въ церковь, смотря потому, гдѣ отправляется служба.

Деревянная колокольня, стоящая особнякомъ, снизу квадратная, затѣмъ 6-ти-гранная, рубленная въ срубъ съ шатромъ по-

верхъ звоновъ, 11 саж. высоты, надо полагать, построена одновременно съ Рождество-Пречистенскою церковью, а обшита тесомъ въ 1865 году. На ней замѣчательны, по своей древности, два кололокола, которые и по вѣсу самые большіе. На одномъ написано: «me fecit Niclas Wiese in Lubeck— 1659» и по-русски: „лѣто 7167 года ставилъ литъ Матеусъ Родде на своемъ Серѣцкомъ мельницъ". На другомъ колоколѣ такая надпись: „лѣта 7162 сентября въ а день литъ сей колоколъ на Дуброву къ церкви Рождества Богородицы и Николая Чудотворца радѣніемъ приходскихъ людей". Стало быть, послѣдній колоколъ появился въ Дубровѣ въ 1654 году.

Вокругъ церквей и колокольни обнесена деревянная, старинной формы, ограда съ четырьмя воротами. Въ одной изъ стѣнъ ограды, обращенной къ дер. Вороновской, устроены лавки, для отдачи подъ торгъ въ храмовые праздники, каковыхъ, съ торжками, бываетъ всего четыре въ годъ. Вырученная отъ лавокъ сумма денегъ поступаетъ въ доходъ церкви, но, впрочемъ, эта сумма бываетъ до того ничтожна, что о ней, право, не стоитъ говорить. Такъ, въ 1890 году выручено было всего... *7 р. 85 к.!*

Рядомъ съ оградою, въ полѣ, находится и церковное кладбище, но нѣкоторыя лица хоронятся и въ ограду.

Какъ церкви, такъ ограда и колокольня требуютъ немедленной ремонтировки, каковая уже и начата минувшимъ лѣтомъ.

Время образованія Бережнодубровскаго прихода.

Когда и какъ именно образовался Бережнодубровскій приходъ, кто первый его иниціаторъ и кто устроитель святой церкви въ приходѣ, кто первый завелъ въ немъ церковный причтъ и провозгласилъ Бережнодубровскому дикарю радостное слово Божественной Истины,—все это покрыто для насъ темнымъ мракомъ исторической древности. Но о томъ, что приходъ существовалъ въ началѣ XVII вѣка и существовалъ со всѣми признаками благоустроеннаго прихода, имѣются вѣрныя и точныя свѣдѣнія изъ писцовой книги, помѣщенныя въ памятной книжкѣ Олонецкой губерніи за 1868 годъ [1]). Изъ этого цѣннаго документа мы

1) См. подробно ст. „Въ Устьмошскомъ же стану волость Дуброва На-Бережная". Пам. кн. Олон. губ. 1868—69 гг., стр. 157—168.

узнаемъ, что въ 1622 году въ Дубровѣ было слѣдующее: 1) церковь во имя св. Николая Чудотворца, на берегу рѣки Онеги; 2) причтъ при церкви, состоявшій изъ священника, дьячка, пономаря и просфорни; 3) церковная земля, коею владѣлъ причтъ; 4) жители, принадлежавшіе приходомъ къ Бережнодубровской церкви и населявшіе тѣ самыя деревни (числомъ 23), даже подъ тѣмъ-же названіемъ, въ каковыхъ Бережнодубровскіе прихожане живутъ и въ настоящее время и, наконецъ, 5) существованіе на ручьяхъ до 11-ти мельницъ и толчей, каковыми славится Бережная-Дуброва и по сіе время. Если-же мы къ этимъ неопровержимымъ свѣдѣніямъ присоединимъ свѣдѣнія, по нашему мнѣнію, весьма вѣроятныя въ рѣшеніи даннаго вопроса, почерпнутыя изъ области народныхъ преданій, сохранившихся въ приходѣ, то мы съ полною увѣренностію можемъ отнести образованіе Бережнодубровскаго прихода ко временамъ мѣстныхъ угодниковъ Божіихъ свв. Пахомія Кенскаго и Антонія Сійскаго, просвѣтившихъ эту страну свѣтомъ Евангельскаго ученія (въ XVI вѣкѣ).

Въ глубокой древности въ мѣстахъ оби-

танія Бережнодубровскаго прихода жила чудь *бѣлоглазая* — язычники. Вотъ что говорятъ про нихъ. Когда слухъ о просвѣтительной дѣятельности свв. Пахомія Кенскаго [1]) и Антонія Сійскаго [2]) достигъ и чуди—язычниковъ, они подумали, что и ихъ скоро будутъ крестить. Придавъ совершенно иной смыслъ глаголу „*крестить*“ (т. е. *четвертить*“, разсѣкать на четыре части), они убоялись и убѣжали въ непроходимые лѣса, близъ р. Онеги. Въ лѣсахъ они понадѣлали себѣ, особенно въ песчаномъ грунтѣ, подземныхъ ходовъ, въ которыхъ, будто-бы, отъ сгнившихъ подставокъ многіе были завалены землею, оставшіеся-же въ живыхъ приняли христіанство. За деревнею Корельскою и по настоящее время указываютъ выкопанныя Чудью норы. Слѣды Чудскаго происхожденія носятъ и фамиліи нѣкоторыхъ крестьянъ Бережнодубровскаго прихода, каковы: Панкратовы, Турыгины, Бурсины и др. Положимъ, что преданіе о Чуди

1) Пустынь св. Пахомія, Пудожскаго уѣзда, находится отъ Бережнодубровскаго прихода, въ 48 верстахъ.

2) Св. Антоній находился въ дружескихъ сношеніяхъ со св. Пахоміемъ, въ пустынѣ котораго онъ даже жилъ, что видно изъ житія Преподобнаго.

въ Бережной-Дубровѣ довольно смутное, тѣмъ неменѣе и въ немъ, вѣроятно, есть нѣкая доля правды.

Другое преданіе указываетъ то мѣсто, гдѣ отдыхалъ св. преподобный Антоній Сійскій, когда онъ прибылъ сюда изъ пустыни св. Пахомія. Это мѣсто—возвышенная небольшая площадка на берегу Онеги, гдѣ теперь стоитъ караульная сторожка для перевозчиковъ чрезъ рѣку. Этого-же св. Угодника Божія преданіе называетъ основателемъ Бережнодубровскаго прихода, первымъ насадителемъ здѣсь св. вѣры и первымъ даже *приходскимъ священникомъ*. Просвѣтивши обитателей Дубровы свѣтомъ Евангельскаго ученія, преподобный Антоній отошелъ отсюда въ Сійскіе предѣлы, гдѣ и основалъ свою знаменитую обитель. Преданіе о св. Антоніѣ, впрочемъ, носитъ и другую редакцію, а именно. „Плывя по р. Онегѣ съ нѣсколькими своими братіями, на небольшомъ плоту, преподобный остановился у берега (при перевозѣ чрезъ рѣку), съ намѣреніемъ поселиться здѣсь на всегда и устроить обитель. Но прибрежные жители воспротивились сему и плотъ съ иноками оттолкнули отъ берега. Святый Антоній, оскорбленный

такимъ противодѣйствіемъ, сказалъ крестьянамъ: „живите вы съ сихъ поръ ни сѣро, ни бѣло“ [1]). Но слова преподобнаго нельзя сказать, чтобы оправдалась, а потому и самая редакція преданія не выдерживаетъ строгой критики. Крестьяне двухъ деревень, близкихъ къ мѣсту остановки преподобнаго, будто-бы, дѣйствительно жили „ни сѣро, ни бѣло“ и, вообще, имѣли недостатокъ въ хозяйственномъ быту—но все это перешло уже въ область преданій. Въ настоящее время они живутъ не хуже прочихъ Бережнодубровцевъ и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отличные, двухъ-этажные—на городской фасонъ—дома, которые отдаютъ даже подъ квартиры проживающимъ въ Дубровѣ интеллигентамъ и, стало быть, никакихъ недостатковъ въ жизни не ощущаютъ.

Мы скорѣе склоняемся въ пользу преданія первой редакціи, т.-е. что св. Антоній жилъ и училъ св. вѣрѣ жителей Бережнодубровскаго прихода,—склоняемся потому, что, въ противномъ случаѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливался преподобный, выстроена

1) См. Олон. Губ. Вѣд. 1862 г. № 35, ч. неоффиціальная, стр. 87. „Народное преданіе“, свящ. І. Чернявскаго.

была-бы часовня, или какой-либо другой памятникъ. Отсутствіе послѣдняго наводитъ насъ на ту мысль, что св. Антоній, живя долгое время среди Дубровцевъ, могъ оставить послѣ себя болѣе прочный, болѣе величественный памятникъ, чѣмъ часовня или крестъ. Быть можетъ, при немъ прихожане выстроили себѣ первую церковь съ колокольнею, которая и оставалась свидѣтелемъ дѣлъ преподобнаго до 1678 года, когда, быть можетъ, истреблена была пожаромъ— и на мѣсто ея появилась новая.

Мѣстность прихода и составъ его (исторія прошлаго и настоящее положеніе). Бережнодубровскія деревни и ихъ населеніе.

Бережнодубровскій приходъ расположенъ на красивыхъ берегахъ рѣки Онеги, которая дѣлитъ его, въ административномъ отношеніи, на двѣ части: деревни праваго берега относятся къ Каргопольскому уѣзду, а деревни лѣваго—къ Пудожскому уѣзду. Немногочисленныя, но многолюдныя деревни прихода тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣки, отъ юга къ сѣверу, на протяженіи 12-ти верстъ. Внѣшній видъ ихъ довольно правиленъ: расположены по длинѣ рѣки въ

линію, при чемъ большинство въ два ряда, по обѣимъ сторонамъ дороги, меньшинство— въ одинъ рядъ по самому берегу рѣки. Естественно, самые дома крестьянъ, какъ построенные ближе къ рѣкѣ, находятся на болѣе низкой мѣстности, чѣмъ ихъ гумна съ вѣшалами и поля, которыя раскинуты уже на возвышенныхъ мѣстахъ. Послѣднія, простираясь выше и выше, открываютъ зрителю необъятныя пространства на нѣсколько верстъ... Берега рѣки, покрытые сочною травою, мѣстами поросшіе мелкими кустарниками, представляютъ собою завидный сѣнокосъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Лѣсу, годнаго не только на постройку, но даже и на дрова, вблизи деревень не имѣется. Мѣстность, стало быть, открытая и въ лѣтнюю пору не лишена живописности. Особенно любо смотрѣть на нее съ возвышеннаго мѣста. Всѣ деревни у васъ, какъ-бы, на ладони: кучное строеніе, растянутое въ длину на цѣлую версту, представляетъ сѣрую массу, среди которой рельефно выдѣляются, какъ грандіозные колоссы, бѣлыя величественныя церкви, съ сѣрою колокольнею и съ сіяющими крестами, а въ ложбинѣ, внизу, широкой синѣющей лентой, при солнечномъ блескѣ, сверкаетъ красавица Онега...

Но главную и завидную красоту мѣстности составляютъ ручьи и ручейки съ ключевыми источниками, въ большомъ изобиліи встрѣчающіеся здѣсь по обоимъ берегамъ рѣки Онеги. Впрочемъ, преимущественно усѣянъ ими Пудожскій берегъ прихода (т. е. берегъ Пудожскаго уѣзда). Болѣе чѣмъ пригоднымъ русломъ для нихъ служатъ ложбины или, какъ называютъ ихъ здѣсь, *ори*, о которыхъ мы уже упоминали ранѣе (въ первой главѣ). Своимъ журчаніемъ и плескомъ воды ручейки придаютъ мѣстности какой-то особенный идиллическій характеръ. *Во всякое время* года (лѣтомъ не высыхаютъ, зимой не замерзаютъ), своею живою и кипучею дѣятельностію они производятъ на туриста чарующее впечатлѣніе, а для крестьянина оказываютъ истинное благодѣяніе! На нихъ, съ давнихъ поръ, съ удобствомъ воздвигнуты десятки мукомольныхъ мельницъ, исполняющія свое назначеніе круглый годъ, такъ какъ застрахованы и отъ капризовъ многоводной весны и отъ невыносимыхъ жаровъ знойнаго лѣта... Мало того, что мужички перемелютъ на нихъ весь свой хлѣбъ, но достанутъ еще копѣйку и отъ заѣзжаго собрата... Былъ годъ, что на дубровскія мельницы привозили хлѣбъ за 40 – 50 верстъ отъ прихода...

Составъ прихода, какъ и составъ причта, за время своего существованія, подвергался многимъ колебаніямъ и видоизмѣненіямъ: число прихожанъ то увеличивалось, то уменьшалось, а пространство прихода то удлинялось, то съуживалось, смотря потому, отписывали ли отъ прихода или приписывали къ нему дальнія деревни.

До 1813 года никакихъ документовъ въ приходѣ не сохранилось, а потому съ точностію ничего нельзя сказать и о составѣ прихода до сего времени. По описанію Дубровской волости Семеномъ Языковымъ и подъячимъ Семеномъ Осокинымъ, включая въ описаніе и Заднедубровскій приходъ, до 1622 г., было 23 деревни да 5 пустошей, а въ нихъ 128 дворовъ и 140 человѣкъ. А въ 1622 г., при двухъ погостахъ, было 23 деревни, 77 дворовъ и 83 человѣка, а 5-ти пустошей не стало, а потому и убыль выразилась въ цифрахъ: 43 двора и 57 человѣкъ. Такая убыль произошла отъ набѣговъ Литовскихъ людей, которые побивали домохозяевъ и сожигали дворы; другіе сами убѣгали отъ Литовцевъ неизвѣстно куда, такъ наприм., въ писцовой книгѣ говорится: „мѣсто дворовое Тимошки Парѳенова, а его дворъ сожгли Литовскіе люди... Деревня

Еременская Угловая тожъ, гдѣ всѣхъ людей побили Литовскіе люди". Иные уходили съ мѣста отъ хлѣбнаго недороду: „Въ дер. Бабиной Савка и Ѳедотко отъ хлѣбнаго недороду сошли безвѣстно"... Иные же повымерли или пустились въ бобыльничество: „Въ дер. Есиповской (на р. Ектумѣ) Ермачко и Селиванко померли, а Исачко бродитъ межъ дворы"... [1]). Итакъ, въ XVII вѣкѣ число прихожанъ сократилось до 80 человѣкъ мужескаго пола, но къ концу XVIII вѣка оно возросло до такой степени, что въ 1793 году понадобилось удвоить составъ причта. Въ то время Бережнодубровскій приходъ составляли деревни: 1) Спировская, 2) Глуходворская, 3) Гавриловская, 4) Ивановская, 5) Подкорильская, 6) Филькинская, 7) Вороновская, 8) Черепоповская, 9) Токаревская, 10) Кузнецовская—Пудожск. уѣзда, 11) Проимачевская, 12) Мишковская, 13) Лукояновская, 14) Новинская, 15) Большекорельская и 16) Малокорельская—Каргоп. уѣзда.

Изъ показанныхъ деревень Спировская и Глуходворская, въ 1840 г., отошли къ Крас-

1) См. Пам. кн. Олон. губ. за 1868 г., стр. 157—165.

новскому приходу, какъ вблизи его находящіяся: первая—въ одной верстѣ, а вторая—въ трехъ верстахъ. Безспорно, перечисленіе деревень уменьшило численность прихожанъ, а это явленіе прошло не безслѣдно. Въ 1844 году, при преобразованіи приходовъ на классы, Бережнодубровскій приходъ былъ причисленъ тогда къ IV классу приходовъ и, вмѣсто двухъ-клирнаго, сдѣланъ одноклирнымъ. Однакожъ, населеніе прихода къ 1855 году увеличилось на столько, что понадобился второй священникъ, который вскорѣ и былъ назначенъ на діаконовскую вакансію.

При преобразованіи приходовъ въ 1871 году, были отчислены отъ Бережнодубровскаго прихода къ Красновскому деревни: Гавриловская, Ивановская и Подкорельская, а взамѣнъ ихъ были причислены отъ Плесскаго прихода деревни: Авдотьинская и Горка—Пуд. уѣзда и Ектиша—Каргопольскаго уѣзда.

Съ открытіемъ вновь образовавшагося въ 1886 году Коневскаго прихода отчислены къ нему отъ Бережнодубровскаго прихода слѣдующія деревни Каргопольскаго уѣзда: Проимачевская, Ектыша, Мишковская и Лукояновская.

Въ настоящее время Бережнодубровскій приходъ составляютъ слѣдующія деревни: 1) Вороновская, 2) Филькинская, 3) Череповская, 4) Токаревская, 5) Кузнецовская, 6) Авдотьинская и 7) Горка—Пуд. уѣзда, 8) Новинская, 9) Большекорельская и 10) Малокорельская—Каргоп. уѣзда.

1) Деревня *Вороновская* или, по народному названію, Дуброва (погостъ) имѣетъ 40 дворовъ, 108 душъ муж. пола и 133 жен. пола, расположена близъ церквей, къ сѣверу отъ нихъ, по обѣимъ сторонамъ Пудожскаго тракта, на склонѣ возвышенности. Въ ней выстроенъ Пудожскимъ земствомъ, рядомъ съ церковною оградою, прекрасный домъ, въ которомъ помѣщаются мужское и женское училища, съ квартирами для учащихъ. Деревню отъ р. Онеги раздѣляетъ небольшое поле, въ ложбинѣ котораго извилисто стремится ручей „*Осиновецъ*“, а около него размѣщены крестьянскія бани. На ручьѣ устроена удобная мельница, на которой крестьяне деревни мелютъ хлѣбъ по-очередно.

2) Деревня *Филькинская* слѣдуетъ по Пудожскому тракту непосредственно за деревнею Вороновскою и составляетъ, какъ-бы,

продолженіе ея. Въ ней 25 дворовъ, 74 д. м. п. и 73 ж. п. Эта деревня въ августѣ 1871 года, за исключеніемъ одного дома, вся истреблена была пожаромъ. Теперь устроены новые, довольно приличные дома, нѣкоторые даже двухъ-этажные, дающіе квартиры: становому приставу, помощнику лѣсничаго и акушеркѣ. Здѣсь-же помѣщается и земская станція, содержимая на средства Пудожскаго земства. Въ народѣ эта деревня извѣстна подъ названіемъ „*Нижней*“, потому что она находится ниже деревни Вороновской, по теченію р. Онеги. Къ сѣверу отъ нея, за полемъ, бѣжитъ богатый ручей „*Хивинъ*“, у верховья котораго красуется мыза мѣстнаго лѣсничаго. Нѣсколько сѣвернѣе, версты за двѣ отъ Хивина, изливаетъ свою обильную воду въ р. Онегу „*Ореговый*“ (отъ орги) ручей, на пути своемъ дающій силу четыремъ мукомольнымъ мельницамъ.

3) Деревня *Череповская*, извѣстная подъ именемъ „*Заоружья*“ (за оргою), потому что только роскошная орга отдѣляетъ ее отъ церковнаго кладбища и домовъ церковнослужителей, находится на Пудожскомъ трактѣ, къ югу отъ церквей, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, чѣмъ предъидущія деревни.

Въ ней всего 10 дворовъ, 28 д. м. п. и 28 д. ж. п. Дома (довольно новые и красивые) расположены по одной сторонѣ дороги, а по другую, обращенную къ берегу рѣки, раздѣланы крестьянскіе огороды. Мѣсто красивое. Подъ горою, въ ложбинѣ, протекаетъ ручеекъ изъ двухъ чистенькихъ родниковъ. При впаденіи ручейка въ Онегу, устроена прекрасная мельница, рядомъ съ которою проходитъ дорога къ перевозу чрезъ рѣку. Перевозъ весьма удобенъ: паромъ (новый) ходитъ по толстому канату... Близъ мельницы, на возвышенной небольшой площадкѣ, по преданію, нѣкогда остановился преподобный Антоній Сійскій, когда прибылъ сюда изъ Пахоміевой пустыни. Въ Череповской деревнѣ имѣютъ квартиры: мировой судья 2 участка Пуд. уѣзда, земскій врачъ 3-го медицинскаго участка, фельдшеръ и урядникъ.

Между дер. Череповскою и Вороновскою, напротивъ церквей и кладбища – къ востоку отъ нихъ, расположены дома церковнослужителей, какъ-бы, въ ложбинѣ. При домахъ находятся огороды и часть сѣнокоса на прибрежной покатости Онеги. И съ сѣверной, и съ южной сторонъ землю духовенства окружаютъ веселые и журчащіе ручейки – со

своими свѣтлыми, неглубокими родничками и, такимъ образомъ, служатъ природною границею (или рубежемъ) церковной земли отъ крестьянской.

4) Деревня *Токаревская* служитъ непосредственнымъ продолженіемъ дер. Череповской, по Чудожскому тракту, но только дома здѣсь расположены по обѣ стороны дороги. Въ ней 14 дворовъ, 40 д. м. п. и 42 ж. п. Она носитъ прозвище *„Красный посадъ“*. Такъ назвали ее, вѣроятно, по красивому мѣстоположенію, какое занимаетъ она на возвышенномъ берегу рѣки Онеги. Иные, впрочемъ, утверждаютъ, что ей дано такое прозвище въ насмѣшку, такъ какъ всѣ дома въ ней были ветхи и приземисты. Теперь дома, за малымъ исключеніемъ, обновлены и, вообще, сносны. Подъ горою имѣется такой-же свѣтлый и чистый ручеекъ, какой и въ Череповской деревнѣ. Около ручья устроены бани.

Всѣ помянутыя четыре деревни, съ расположенными среди нихъ церквами и домами духовенства, составляютъ одно *нераздѣльное* село, тянущееся въ линію по тракту болѣе, чѣмъ на версту.

5) Деревня *Кузнецовская*, въ одной вер-

стѣ отъ погоста, къ югу по Пудожскому тракту, 46 дворовъ, 137 д. м. п. и 146 ж. п. Избы крестьянъ расположены неправильно, полукругомъ, около громаднаго источника-ручья, въ 50 саженяхъ впадающаго въ р. Онегу. На ручьѣ—четыре мельницы. При деревнѣ находится довольно красивая деревянная часовня во имя Преображенія Господня, въ которой совершается богослуженіе три раза въ годъ: на пасхальной недѣлѣ, 17 апрѣля—въ честь памяти преподобнаго Зосимы, Соловецкаго Чудотворца, и въ праздникъ Преображенія Господня, 6-го августа. Въ послѣдній праздникъ бываетъ крестный ходъ изъ церкви въ часовню, гдѣ служится празднику молебенъ, а потомъ совершается водосвятіе на источникѣ.

Въ полѣ, въ довольно низкой ложбинѣ, изобилующей весною и осенью достаточною сыростію, между деревнями Токаревской и Кузнецовской, устроена Пудожскимъ земствомъ довольно цѣнная больница на десять кроватей. Весьма жаль, что выборъ мѣста подъ устройство больницы въ столь живописной Дубровѣ сдѣланъ болѣе, чѣмъ неудаченъ.

6) Деревня *Авдотьинская*, въ 4 верстахъ отъ погоста, къ югу, на самомъ берегу р.

Онеги, имѣетъ 33 двора, 114 д. м. п. и 118 д. ж. п. Дома расположены дугою по извилистому берегу рѣки. Въ деревнѣ находится часовня во имя св. мученика Харлампія, въ которой богослуженіе совершается три раза въ годъ: на пасхальной недѣлѣ, 25 іюля—въ честь преп. Макарія, Желтоводскаго чудотворца, и въ день св. Харлампія, 10 февраля. Деревня Авдотьинская была истреблена пожаромъ 23 іюня 1861 года.

7) Деревня *Горка*, въ 5 верстахъ отъ погоста, въ одной верстѣ отъ Авдотьинской деревни, на возвышенномъ мѣстѣ, на самомъ берегу р. Онеги, имѣетъ 33 двора, 97 д. м. п. и 105 д. ж. п. Эта деревня, пожалуй, самая бѣдная изъ всѣхъ деревень Бережнодубровскаго прихода. Въ ней, однакожъ, есть небольшая часовня въ честь Казанской иконы Божіей Матери.

Всѣ указанныя семь деревень находятся въ Пудожскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Онеги. Въ нихъ считается отставныхъ и запасныхъ военныхъ людей, въ 29 дворахъ—81 м. п. и 77 ж. п., а вмѣстѣ съ государственными крестьянами считается—679 мужчинъ и 782 женщины, при 230 дворахъ.

8) Деревня *Новинская*, въ 5-ти верстахъ

отъ погоста къ сѣверу, на правомъ берегу р. Онеги, 55 дворовъ, 138 д. м. п. и 164 д. ж. п. Дома расположены по обѣимъ сторонамъ Архангельскаго почтоваго тракта. Деревня, въ давнее время, вся была истреблена пожаромъ, а потому и получила названіе „Новины“ (новыя постройки). Въ ней находится большая и красивая часовня во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца, въ которой богослуженіе отправляется четыре раза въ годъ: на пасхальной недѣлѣ, въ день Великомученика Георгія Побѣдоносца (23 апрѣля), въ день св. пророка Божія Иліи, 20 іюля, и въ день священномученика Власія, 11 февраля. О часовнѣ разсказываютъ слѣдующее: лѣтъ 45—50 тому назадъ, она пришла въ крайнюю ветхость и ремонтировка ея была дѣломъ неотложнымъ. Между тѣмъ, ремонтировать ее крестьянамъ было положительно нечѣмъ; тѣмъ неменѣе, нашлись такіе старички, которые убѣдили односельчанъ ремонтировать часовню и безъ денегъ. Дѣло было лѣтомъ; совѣтъ стариковъ принятъ. Порядили мастера исправить и обшить тесомъ часовню за 40 руб. Работа шла своимъ обычнымъ порядкомъ; пошли дожди, слѣдствіемъ коихъ появился необычайный урожай рыжиковъ

въ лѣску—какъ разъ напротивъ часовни. Крестьяне не зѣвали: рыжики собрали и продали барышникамъ. Вырученныхъ денегъ отъ продажи было вполнѣ достаточно для расплаты съ подрядчикомъ.

9) и 10) Деревни *Большекорельская* и *Малокорельская* расположены смежно между собою, подъ горою, на правомъ берегу р. Онеги, въ 7-ми верстахъ отъ погоста къ сѣверу. Въ первой—25 дворовъ, 68 д. м. п. и 93 д. ж. п., во второй—23 двора, 79 д. м. п. и 92 д. ж. п. Гумна и амбары построены на горѣ, по которой здѣсь проходитъ Архангельскій почтовый трактъ. У почтовой дороги находится и хорошенькая часовня во имя святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, въ которой богослуженіе отправляется три раза въ годъ: на пасхальной недѣлѣ, 18 августа—въ день праздника свв. Флора и Лавра—и на третій день Рождества Христова—въ честь Собора Пресвятой Богородицы. Эти двѣ деревни болѣе извѣстны въ народѣ подъ однимъ именемъ „*Корельскаго*“. Въ нихъ есть сельское училище, содержимое на средства Каргопольскаго земства.

Послѣднія три деревни находятся въ

Каргопольскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу р. Онеги. Въ нихъ считается, при 18 дворахъ, отставныхъ и запасныхъ военныхъ людей - 53 д. м. п. п. и 47 д. ж. п., а всего населенія, съ государственными крестьянами — 338 мужчинъ и 396 женщинъ, при 121 дворѣ.

Во всѣхъ-же *десяти* деревняхъ Бережнодубровскаго прихода, обоихъ уѣздовъ, всего населенія считается 1017 мужчинъ и 1118 женщинъ, при 351 дворѣ [1]).

Всѣ строенія крестьянъ Бережнодубровскаго прихода — деревянныя, бревенчатыя, не обшитыя тесомъ. Дома, въ большинствѣ случаевъ, устроены двухъ-конечные — на два ската. Впрочемъ, за послѣднее время, стали появляться дома и на городской фасонъ, т. е. крытые на четыре ската; особенно это замѣчается въ деревняхъ: Череповской, Филькинской, Вороновской и Кузнецовской. Вообще, крестьянскія постройки производятъ на зрителя пріятное впечатлѣніе какъ по своей массивности, такъ еще болѣе по новизнѣ и прочности матеріала, изъ котораго устроены.

---

1) Всѣ свѣдѣнія о населеніи почерпнуты изъ клировыхъ вѣдомостей за 1890 годъ.

При въѣздѣ во всякую деревню прихода, еще издалека поражаетъ васъ высота и массивность вѣшалъ при крестьянскихъ гумнахъ. Вѣшала устоиваются для сушки—или, вѣрнѣе сказать, для провѣтриванія сноповъ. Цѣлыя тысячи сноповъ нанизываются рядами на жерди вѣшалъ, которыя устроиваются такимъ образомъ: выбираются самые высокіе деревья (столбы) и обдѣлываются, т.е. нѣсколько обтесываются, продалбливаются въ нихъ отверстія, на разстояніи аршина другъ отъ друга; затѣмъ многочисленными рядами вкапываются въ землю, на разстояніи 3—4 саж. другъ отъ друга, для прочной устойчивости укрѣпляются подпорами, а въ отверстія ихъ продѣваются длинныя тонкія жерди, на которыя и сажаютъ снопы ячменя или овса. Рожь почти никогда не вѣсятъ на вѣшала, а складываютъ ее у гумна или на полѣ въ скирды. Высота вѣшалъ доходитъ отъ 3-хъ до 5-ти саж.

Занятіе жителей Бержнодубровскаго прихода, ихъ характеръ, умственное и нравственное развитіе.

Главное занятіе жителей Бережнодубровскаго прихода искони составляло и теперь составляетъ земледѣлье, съ однимъ изъ

видовъ его, почти упавшимъ теперь, подсѣчнымъ хозяйствомъ; затѣмъ, уже второстепенными, служатъ: отхожій промыселъ и извозничество. Другихъ занятій и промысловъ въ приходѣ не существуетъ.

Обработкою земли занимаются не только мужчины, но и женщины. На долю послѣднихъ всею тяжестью ложится трудъ земледѣльца, въ отсутствіе ихъ мужей—хозяевъ, отправляющихся съ ранней весны въ бурлачество. На сколько успѣшенъ трудъ Березнодубровскаго пахаря, мы, за неимѣніемъ данныхъ, судить объ этомъ не можемъ, но съ достовѣрностію можемъ утверждать, что трудъ этотъ вполнѣ вознаграждается урожаемъ, потому что, во первыхъ—онъ не былъ бы въ противномъ случаѣ главнымъ занятіемъ жителей; во-вторыхъ самая почва земли (суглинокъ) причисляется къ болѣе плодороднымъ въ губерніи, слѣдовательно, она способствуетъ урожаю и, въ третьихъ, также можетъ способствовать урожаю выносливость и трудолюбіе въ дѣлѣ землепашества, какими славится Березнодубровскій пахарь. Впрочемъ, хлѣбъ въ поляхъ безъ удобренія родится плохой, а это обстоятельство, въ свою очередь, тѣсно связано съ другою отраслью сельскаго хозяйства—

скотоводствомъ, которое, слѣдуетъ сказать, въ Бережподубровскомъ приходѣ удовлетворяетъ всѣмъ насущнымъ нуждамъ крестьянскаго землепашества. Система послѣдняго старинная — трехпольная. Сѣнные покосы у крестьянъ находятся въ 5—8 верстахъ отъ селеній.

Отхожій промыселъ служитъ денежнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и средствомъ—уплатить подати. Этотъ родъ занятій появился въ приходѣ не раньше какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Бережнодубровскіе крестьяне нанимаются въ бурлаки, большею частію, для сплава весною лѣса по рѣкамъ Маріинской и Тихвинской системы. Нанимаютъ ихъ такъ-называемые десятники, т. е. подрядчики, которые обязываются, на извѣстныхъ условіяхъ, поставить весною на лѣсныя работы крупныхъ петербургскихъ лѣсопромышленниковъ (наприм. Русанова, Громова, Брандта, Полежаева и др.) извѣстное количество рабочихъ. Прежде, въ Дубровѣ, не было своихъ десятниковъ, а таковые являлись сюда изъ Архангельской губерніи, большею частію, Онежане, т. е. крестьяне Онежскаго уѣзда. Только съ 1870 года стали и здѣсь появляться десятники и набирать рабочихъ пар-

тіями отъ 20 до 80 человѣкъ. Въ настоящее время этотъ промыселъ поддерживаютъ предпочтительно предъ другими братья Ермолины. Намъ не удалось, на мѣстѣ, навести точныя справки о десятничествѣ, а потому о немъ мы можемъ сказать только слѣдующее. Десятникъ лично или письменно, въ зимнее время, ведетъ переговоры съ лѣсопромышленникомъ о томъ, сколько послѣднему понадобится рабочихъ для сплава весною лѣса по такимъ-то рѣчкамъ. Лѣсопромышленникъ назначаетъ приблизительное число рабочихъ—хотя-бы, примѣрно, человѣкъ 40 и плату за каждаго рабочаго въ недѣлю 4 р. или 5 р. и болѣе, при чемъ на 10 челов. взрослыхъ допускается одинъ малолѣтній, за ту-же плату, съ тѣмъ, чтобы рабочіе, по первому-же требованію, въ извѣстное время, должны быть представленными къ мѣсту сплава. Сдѣлка состоялась: финалъ ея—задатокъ въ 500 или 1000 р. десятнику, который ѣдетъ домой и озабочивается наймомъ рабочихъ, преимущественно изъ своихъ сосѣдей, односельчанъ, или-же изъ окрестныхъ крестьянъ. При наймѣ рабочихъ, почти всегда, какъ неизбѣжное слѣдствіе, даетъ имъ десятникъ задатокъ—деньгами или, что бываетъ рѣдко,

товаромъ. Обыкновенно, десятники нанимаютъ рабочихъ за болѣе дешевую плату, чѣмъ каковую берутъ они за нихъ съ хозяевъ-лѣсопромышленниковъ. Разумѣется, въ такомъ бурлачествѣ львиная часть доходовъ приходится на долю десятника...

Извозничество поддерживается въ крестьянахъ Бережнодубровскаго прихода только въ зимнее время и приноситъ самый малый доходъ. Въ прежнее время крестьяне возили лѣсъ, заготовляемый Онежскою компаніей лѣсопромышленниковъ, но теперь, за прекращеніемъ этою компаніей своихъ дѣлъ, къ извозной отрасли Бережнодубровской промышленности слѣдуетъ отнести исключительно поѣздки крестьянъ къ Бѣлому морю для закупки сельдей и другой морской рыбы, которую они, возвращаясь въ свой уѣздъ, перепродаютъ въ Каргополѣ или даже въ селѣ—для мѣстнаго потребленія, или для отправки въ столицы чрезъ Вологду. Ловъ сельдей, обыкновенно, начинается около „Филиппова заговѣнья“ (10 – 20 ноября) и продолжается не меньше двухъ мѣсяцевъ, ослабѣвая размѣромъ оборотовъ въ послѣднія двѣ недѣли. На эти два мѣсяца пріѣзжаютъ въ Каргополь торговцы изъ Вологды и постоянно живутъ здѣсь, под-

хватывая проходящіе изъ поморья обозы и, какъ крупные промышленники, направляютъ ихъ изъ Каргополя далѣе въ Вологду, на Петербургъ и Москву [1]).

Всматриваясь ближе въ бытовую и экономическую жизнь Бережнодубровскихъ крестьянъ, невольно удивляешься полному тождеству ихъ между собою, другъ съ другомъ, словно всѣ они вышли изъ одной семьи и составляютъ одну семью, разница между ними ничтожна. Есть, впрочемъ, нѣсколько лицъ позажиточнѣе прочихъ: у нихъ и дома побольше, съ раскрашенными наличниками (ставнями у оконъ), а у иныхъ даже и торговыя лавочки подъ домами—съ разною мелочью, но больше ничего выдающагося противъ сосѣдей у нихъ нѣтъ. Съ другой стороны, нѣтъ, или почти нѣтъ, въ крестьянахъ и бѣдныхъ. Побѣднѣе прочихъ считаются деревни Авдотьинская и Горка, приписанныя къ Дубровѣ въ 1871 году отъ Плесскаго прихода.

Въ связи съ бытовою и экономическою жизнію, естественно, находятся и умственный складъ и нравственное развитіе Бережнодубровскаго крестьянина. Пока въ при-

1) См. Олон. Губ. Вѣд. 1876 г. № 58.

ходѣ не было школъ, грамотныхъ между крестьянами было не больше десятка и то такихъ лишь, которые съ трудомъ могли рукоприкладствовать въ общественныхъ дѣлахъ. Но подобное явленіе было давно. Первая церковно-приходская школа открыта въ приходѣ въ 1837 году, которая въ 1876 году переименована въ земское училище. Въ настоящее время въ приходѣ три училища: два мужскихъ и одно—женское. Училища содержатся на средства Пудожскаго и Каргопольскаго земства. Учащихся—вполнѣ достаточно по приходу и нужды въ грамотныхъ давно уже не ощущается. Забыта давно уже и традиціонная пословица: „за грамотнаго двухъ неграмотныхъ даютъ, да и то не берутъ“. Теперь, пожалуй, трудно найти въ приходѣ такую семью, гдѣ не было-бы грамотнаго. Исключеніе, въ данномъ случаѣ, развѣ могутъ представить только помянутыя выше деревни Авдотьинская и Горка, какъ отстоящія отъ училищъ подальше, чѣмъ другія деревни прихода. Съ просвѣщеніемъ, умственный кругозоръ прихожанъ, вообще, расширился и взглядъ ихъ на окружающіе предметы, а въ частности—и на религію сталъ болѣе сознательнымъ и разумнымъ. Прежде Бережнодубровецъ жилъ

въ грубомъ невѣжествѣ; онъ не только не зналъ своего Отечества—своей матушки-Россіи, какъ государства, но не зналъ даже и того, что дѣлается за предѣлами своего уѣзда, своей *Пудоги* (какъ, обыкновенно, зовутъ г. Пудожъ), и вовсе не было тогда диковинкою услышать отъ него, что въ Архангельской губерніи—конецъ свѣта, что тамъ солнце закатывается, что тамъ бабы прядутъ и прялки на небо кладутъ. Для него тогда и въ религіи было мало-что понятное: молился онъ горячо и долго, но вполнѣ безсознательно. Для него тогда все равно было—что Троица, что Богородица, не говоря уже о томъ, что рѣдко кто зналъ хоть какую-либо главную молитву.

Не то мы видимъ теперъ въ современныхъ Бережнодубровцахъ. Современный Бережнодубровецъ отлично сознаетъ всѣ свои обязанности крестьянина, какъ члена общества. Онъ знаетъ и понимаетъ и свои отношенія къ мѣстному начальству—и, вообще, къ должностнымъ лицамъ. Отношенія эти, со стороны его, выполняются весьма умѣло. Онъ болѣе осмысленъ и въ религіи: знаетъ установленіе постовъ св. Церкви, всѣ Ея главные праздники, знаетъ и главныя молитвы, заповѣди и Символъ вѣры,

знаетъ также св. Таинства и, пожалуй, кое-что, а то и многое понимаетъ изъ церковнаго богослуженія; а находятся даже и такіе, которые вполнѣ замѣнятъ вамъ псаломщиковъ. И попѣть и почитать въ церкви умѣютъ сознательно. Разумѣется, не всѣ же Бережнодубровцы и теперь просвѣщены и грамотны, найдутся и между ними невѣжи, мало что понимающіе въ жизни, но все-таки послѣдніе составляютъ рѣдкое исключеніе, такъ что, въ большинствѣ случаевъ, *знаніе* въ приходѣ преобладаетъ надъ невѣжествомъ...

Изстари Бережнодубровецъ отличался трудолюбіемъ, честностію, воздержанною жизнію, набожностію, миролюбіемъ и цѣломудріемъ. Эти добрыя качества украшали его, пока онъ жилъ около семейнаго очага. О грубыхъ порокахъ не было тогда и помину. Но вотъ, является на сцену отхожій промыселъ—бурлачество, а съ нимъ и скромная, уютная жизнь, съ ея добродѣтелями, пошатнулась!... Запахло въ воздухѣ новымъ вѣяніемъ, не замедлила появиться и *мода*.. этотъ всенародный бичъ (кого только онъ не бьетъ?)... И въ Дубровѣ все пошло по модному... Перво на-перво появляется у молодежи *чаекъ* да *табачекъ*, а тамъ... на се-

лѣ открылся ужъ и *кабачекъ*... Невоздержанность въ жизни долго не заставила себя ждать: вѣдь русская натура широка! Чаепитіе, да винопитіе повлекли крестьянъ въ излишніе расходы, а нажива была та-же, доходы не увеличивались.. Невольно зародилась въ головѣ крестьянина и обольстительная мысль, а сердце почуяло уже и порочное желаніе, какъ-бы пожить на чужой счетъ, или попользоваться чужою собственностію. .Отъ мысли и желанія—одинъ только шагъ и до дѣла! И вотъ, въ нашихъ доселѣ честныхъ, воздержныхъ, миролюбивыхъ и трудолюбивыхъ Бережнодубровцахъ стали замѣчаться грубые и нетерпимые пороки: воровство, обманъ, надувательство ближняго и, какъ слѣдствіе всего этого, пьянство, ссоры и лѣность. По нашему мнѣнію, *льготы* въ крестьянахъ *особенно* способствовало бурлачество. Пока крестьянинъ жилъ и живетъ дома, онъ, какъ муравей, постоянно занятъ тѣмъ или другимъ дѣломъ, но съ отправкою въ бурлачество, ему, волей не-волей, выпадаетъ много свободныхъ, ничѣмъ не занятыхъ дней. Съ одной стороны – дальняя дорога туда и обратно поглощаетъ у бурлаковъ много дней.. Идутъ они (если не ѣдутъ) эту дорогу, не торопясь, какъ гово-

рятъ сами, ни шалко, ни валко, а котомки ихъ везутся на особой лошади. Прибывъ на станцію, располагаются закусывать: веселый полуштофъ, съ жизненной влагой, мигомъ является въ рукахъ путниковъ. Послѣ сытной закуски и аппетитной выпивки, выходятъ на свѣжій воздухъ и составляютъ у крыльца гостепріимной избы веселый кружокъ... Кто нибудь изъ кружка потѣшаетъ товарищей *обязательной* гармоникой (таковая почти всегда находится въ артели бурлаковъ); вотъ музыкантъ заигралъ *русскаго*... глядь, уже въ кругѣ откалываетъ молодецъ, съ *аглецкимъ* платкомъ, своего любимаго *трепачка—въ присядку*, забывая всякую усталь отъ дороги. Съ другой стороны—тамъ, на мѣстѣ бурлачества, бурлакамъ много выпадаетъ такихъ дней, когда вовсе работы нѣтъ: выгонятъ извѣстную партію лѣса, ожидаютъ кого-нибудь и другія разнаго рода остановки бываютъ..

Слава Богу, что бурлачество Бережнодуровцевъ продолжается недолго, всего 3—4, ну, много 5 мѣсяц. Самое раннее возвращеніе бурлаковъ домой бываетъ къ Петрову дню (29 іюня), позднее—къ Александрову дню (30 августа). За послѣднее время, повидимому, сокращается число какъ бурла-

ковъ, такъ и десятниковъ. Это произошло, въ свою очередь, отъ сокращенія заготовокъ лѣса крупными столичными лѣсопромышленниками.

Говоря о теперешнемъ нравственномъ состояніи крестьянъ Бережнодубровскаго прихода, справедливость требуетъ сказать, что, вообще, нравственность ихъ стоитъ на достаточной высотѣ своего развитія. Нравственныхъ уродовъ нѣтъ вовсе въ приходѣ. Если мы и упомянули о грубыхъ порокахъ, замѣчаемыхъ въ прихожанахъ, то таковые всецѣло надо отнести къ мужчинамъ и то къ единичнымъ личностямъ: личность женщины здѣсь не пятняется, да и грубые пороки мужчинъ совершенно стушевываются въ ихъ обыденной мирной и тихой жизни. Добродушіе Бережнодубровцевъ, ихъ уважительный и симпатичный характеръ, наконецъ, унаслѣдованная отъ предковъ религіозность (о которой скажемъ ниже)—не замѣтно разсѣваютъ тучки на ихъ горизонтѣ.

Проявленіе религіознаго чувства въ прихожанахъ. Заботливость о приходскихъ храмахъ. Выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ.

Безспорно, жители Бережнодубровскаго

прихода могутъ быть названы религіозными. Всѣ они, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ въ деревняхъ Авдотьинской и Горкѣ, чужды раскола и его духа и составляютъ достойныхъ членовъ св. Православной Церкви [1]). Религіозность прихожанъ наглядно обнаруживается какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ отношеніяхъ къ Церкви, къ Ея богослуженію и установленіямъ, къ Ея священнослужителямъ и храмамъ Божіимъ.

Встаетъ и ложится Бережндубровскій крестьянинъ не иначе, какъ помолясь Богу предъ иконою, въ углу своего жилища. Безъ молитвы онъ не принимаетъ никакой пищи и не начинаетъ никакого дѣла. Среду и пятокъ, а равно и всѣ посты, въ теченіи года, установленные св. Церковію, соблюдаетъ строго. Въ воскресные и праздничные дни прихожане спѣшатъ въ церковь Божію, къ богослуженію, а въ великій постъ большинство изъ нихъ исполняетъ христіанскій долгъ св. исповѣди и причастія и въ тече-

1) Въ деревняхъ Авдотьинской и Горкѣ есть нѣсколько лицъ—раскольниковъ безпоповщинской секты, попавшихъ въ 1871 году изъ Плесскаго прихода, зараженнаго расколомъ. Замѣчательно, эти двѣ деревни и бѣднѣе, и невѣжественнѣе ѣхпрочи деревень Бережнодубровскаго прихода.

ніе его чаще старается посѣщать храмъ Божій. Всѣ прихожане почтительны къ своимъ священнослужителямъ и, по возможности своихъ средствъ, надѣляютъ ихъ ругою и денежнымъ вознагражденіемъ за требоисправленія. Особенное усердіе они, какъ благочестивые потомки благочестивыхъ предковъ, проявили въ поддержаніи и украшеніи своихъ величественныхъ храмовъ Божіихъ. Въ первой главѣ мы упоминали, что всѣ церковныя зданія Бережнодубровскаго прихода воздвигнуты на средства приходскихъ людей; у нихъ не было *одного* церковнаго строителя: строили всѣ совокупными силами на свои средства, каковыхъ не щадятъ они и теперь на ремонтировку и украшеніе своихъ храмовъ. Для доказательства сказанныхъ словъ, намъ достаточно представить здѣсь краткій перечень того, что сдѣлали Бережнодубровцы для своихъ храмовъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, при нынѣшнемъ ихъ священникѣ о. Н. А. В-скомъ.

Съ 1870 по 1875 гг. перестроили теплую церковь (трапезу), примкнутую къ Рождество-Пречистенской церкви, пріобрѣли новый колоколъ—вѣсомъ въ 59 п. 11 ф.—и удовлетворили многія другія потребности

церкви. На все это израсходовали до 4000 руб. денегъ.

Въ 1880—1882 гг. собрали по 1 р. 20 к. съ каждой ревизской души прихода, для обшивки тесомъ древней, деревянной Рождество-Пречистенской церкви, въ память ея 200-лѣтняго юбилея (1678—1878 гг.) и вывезли—для той-же цѣли—300 бревенъ.

Въ 1883—1884 гг. собрали съ каждой души прихода по 80 к., для внутренней отдѣлки и окраски Рождество-Пречистенской церкви.

Съ 1886 по 1891 г.—опять собрано капитала съ прихожанъ до 2335 р.—на покрытіе крышъ церковныхъ желѣзомъ и переустройство церковной ограды.

Разумѣется, указанная ревность Бережнодубровцевъ о храмахъ Божіихъ не могла быть не по сердцу и мѣстному священнику. Какъ пастырь, любящій и пекущійся о своихъ овцахъ, онъ неоднократно высказывалъ имъ свою сердечную благодарность и радость за то, что они *строго* хранятъ завѣты отцовъ своихъ, заботящихся о благолѣпіи *Дома Божія*, и поощрялъ ихъ къ дальнѣйшему усердію...

Являлись благоторителями храмовъ Божіихъ и отдѣльныя личности, изъ которыхъ особенно выдѣляется крестьянинъ деревни Кузнецовой *Дмитрій Павловичъ Ермолинъ*, служившій 18 лѣтъ церковнымъ старостой. Съ 1873 по 1886 г. имъ было пожертвовано много вещей изъ церковной утвари и церковнаго облаченія, а также и деньгами до 300 р. За свои пожертвованія Дмитрій Павловичъ награжденъ серебряною медалью *„за усердіе“*, на Станиславской лентѣ. Прочіе благотворители пожертвовали нѣсколько лампадъ (Илья Сметанинъ и М. Харинъ), напрестольное евангеліе (Ст. Ермолинъ) и хоругви (Ив. Луговскій).

Безъ сомнѣнія, ничто иное, какъ тоже религіозное чувство заставляло Бережнодубровцевъ горячо относиться и ко всѣмъ своимъ церковнымъ торжествамъ. Всякое чѣмъ-либо выдающееся церковное событіе съ любовію принималось ими къ сердцу и, по своему торжественному празднованію, если не навсегда, то на долго, на долго запечатлѣвалось въ ихъ памяти, въ назиданіе потомкамъ. Бережнодубровская лѣтопись съ живымъ интересомъ, пожалуй, даже съ благоговѣніемъ хранитъ теперь память объ осьми такихъ весьма рѣдкихъ, а потому и

достойныхъ памяти церковныхъ торжествахъ, а именно:

Въ 1870 году, 9-го мая, при многочисленномъ собраніи прихожанъ, былъ торжественно отпразднованъ *столѣтній* юбилей каменной церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая. Въ этотъ день мѣстнымъ причтомъ, предъ литургіею, совершено было водосвятное молебствіе, а по окончаніи литургіи—молебствіе Святителю Николаю, съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. За богослуженіемъ, мѣстнымъ священникомъ сказано было приличное торжеству слово.

Въ 1872 году, 7-го декабря, въ новоустроенномъ тепломъ храмѣ (трапезѣ) происходило освященіе придѣла во имя преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ. На торжество освященія собралась масса народа не только своего приходскаго, но и изъ окрестныхъ приходовъ. Освященіе совершилъ благочинный, священникъ Устьмошскаго прихода І. Черняевскій, при участіи 6-ти окружныхъ священниковъ, трехъ діаконовъ и многихъ пѣвцовъ[1]).

Въ 1875 году, 26 января, было совершено, чуть-ли не при собраніи всѣхъ взрос-

1) См. Олон. Губ. Вѣд. за 1872 г., № 101.

лыхъ прихожанъ, торжественное поднятіе на колокольню новаго колокола (въ 59 п. 11 ф. вѣсомъ), пріобрѣтеннаго на средства прихожанъ. Послѣ божественной литургіи мѣстный причтъ совершилъ Господу Богу благодарственный молебенъ, послѣ котораго колоколъ окропленъ былъ святою водою и предъ подняті̀емъ, по прочтеніи установленной на сей случай молитвы, была произнесена мѣстнымъ священникомъ, соотвѣтствующая торжеству, рѣчь къ прихожанамъ.

Въ 1876 году произошло дотолѣ небывалое въ Дубровѣ торжество—архіерейское освященіе втораго придѣла теплой церкви, въ честь Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости. Освященіе совершилъ преосвященный Іонаѳанъ, епископъ Олонецкій и Петрозаводскій, при участіи игумна, трехъ благочинныхъ, сопровождавшихъ владыку, и 12 окружныхъ священниковъ. День для торжества былъ теплый, ясный и тихій. Народу было столько, сколько Дуброва никогда не видывала у себя... За литургіей самимъ архипастыремъ было произнесено слово на текстъ: „*блаженъ человѣкъ, иже въ дому Божіемъ пребываетъ*“. Простое и назидатель-

ное слово преосвященнаго произвело весьма глубокое впечатлѣніе на слушателей [1]).

Въ 1878 году, 8 сентября, торжественно отпраздно-ванъ 200-лѣтній юбилей деревянной церкви, во имя Рождества Пресвятой Богородицы. На такое рѣдкое торжество былъ приглашенъ мѣстный благочинный и священники ближайшихъ приходовъ. День былъ ясный и теплый. Народа было *многое множество*... Предъ литургіей совершено водосвятіе, послѣ литургіи—молебенъ празднику и крестный ходъ вокругъ юбилейной церкви. По окончаніи молебна, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, мѣстному преосвященному, затѣмъ провозглашена была вѣчная память по создателямъ храма, что произвело сильное впечатлѣніе на богомольцевъ, и, въ заключеніе, сказано многолѣтіе Бережнодубровской паствѣ и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Въ 1886 году, 10 мая, происходило, въ присутствіи многочисленныхъ прихожанъ, освященіе вновь переустроеннаго и отдѣленнаго придѣла въ Рождество-Пречистен-

1) Подр. описаніе см. Олон. Губ. Вѣд. 1876 г. № 88.

ской церкви, въ честь Срѣтенія Господня. Освященіе совершалъ мѣстный о. благочинный, священникъ І. Чернявскій, съ окружнымъ духовенствомъ.

Въ 1888 году, 8 сентября, въ храмовый праздникъ Рождества Пречистой нашей Богородицы, Бережнодубровская паства торжественно отпраздновала 50-лѣтній юбилей служебной дѣятельности на пользу Церкви и Отечества своего маститаго архипастыря, преосвященнѣйшаго Павла, епископа Олонецкаго и Петрозаводскаго. За литургіею, предъ заамвонной молитвой, мѣстнымъ священникомъ о. Н. В—скимъ было произнесено глубоко-трогательное слово, въ которомъ проповѣдникъ живо и рельефно раскрылъ слушателямъ всю полувѣковую, разнообразную и многоплодную дѣятельность своего архипастыря. Послѣ литургіи, совершено было молебствіе Господу Богу и съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Святѣйшему Синоду, высокому юбиляру и всей Олонецкой паствѣ. Церковь была полна молящимися.

Въ 1888 году, 15 іюля, торжественно отпраздновано 900-лѣтіе крещенія св. Руси. И это славное всероссійское торжество оби-

татели Бережнодубровской веси почтили своимъ молитвеннымъ участіемъ въ церковномъ богослуженіи и въ крестномъ ходѣ, послѣ литургіи, на р. Онегу.

—

Твердо помнятъ Бережнодубровцы заповѣдь св. апостола: „*Бога бойтеся, Царя чтите*“ (1 Петр. 2, 17). Сильно и горячо обожаютъ они своего Царя-Батюшку и свою Царицу-Матушку, со всѣмъ Ихъ Царскимъ Родомъ. Они во всякое время готовы выразить Царю свою сыновнюю вѣноподданническую преданность... Съ особеннымъ благоговѣніемъ сохраняютъ они память о неоднократномъ спасеніи отъ злодѣйской руки драгоцѣнной жизни въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича. У нихъ, какъ видимый знакъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, красуется въ теплой Зосимо-Савватіевской церкви, налѣво отъ входа, цинковая икона св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, въ золоченой рамѣ—подъ стекломъ, съ надписью внизу: „вѣрноподданническихъ чувствъ выраженіе отъ Бережнодубровскихъ прихожанъ, въ память чуднаго спасенія Государя Императора Александра

Николаевича отъ покушенія на жизнь, бывшаго въ Москвѣ 19 ноября 1879 года [1]).

Еще больше сказаннаго, сильнѣе и глубже, *на вѣки вѣчные*, Бережнодубровцы запечатлѣли память о мученической кончинѣ Великаго нашего Монарха, Царя-Освободителя, Александра II Николаевича, въ злополучный день 1 марта 1881 года. Въ память этого горестнаго и незабвеннаго событія, возникла въ Бережнодубровскомъ приходѣ, въ селеніи „Большое-Конево", новая церковь, а съ возникновеніемъ ея образовался и новый приходъ, получившій названіе *„Коневскаго"*, о чемъ мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Устройство и освященіе Коневской церкви.

Прихожане Бережнодубровскаго прихода, крестьяне деревень: Лукояновской, Мишковской, Проимачевской и Ектышской [2]), от-

1) См. подр. описаніе въ Олон. Губ. Вѣд. 1879 г. № 59.

2) Деревни: Лукояновская и Мишковская расположены по тракту вмѣстѣ, одна за другою, и составляютъ одну деревню, носящую названіе въ народѣ „Большое Конево", равно какъ и деревни: Проимачевская и Ектыша—расположены вмѣ-

стоящихъ въ 4—6 верстахъ отъ Бережно-дубровскаго погоста, на Архангельскомъ почтовомъ трактѣ, на сельскомъ сходѣ 19 го апрѣля 1881 года, приговоромъ своимъ постановили, изъ чувства преданности, въ видахъ увѣковѣченія памяти по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ,—устроить при сел. „Большое Конево“, на собственныя средства, храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, съ тремя придѣлами: главный—въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы и побочные—въ честь св. преподобномученицы Евдокіи, память которой празднуется св. Церковію 1-го марта, и въ честь св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, имя котораго носилъ покойный Государь Императоръ. Такого содержанія приговоръ Коневцовъ былъ представленъ, чрезъ Каргопольское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, на благоусмотрѣніе Его Преосвященства, Олонецкаго Архипастыря. Его Преосвященству благоугодно было благословить это святое дѣло, о чемъ Олонецкая консисторія и не замедлила сообщить, кому слѣдуетъ, должнымъ указомъ.

стѣ, въ полуторы верстахъ отъ Большаго Конева, и составляютъ также одну деревню, подъ названіемъ: „Малое Конево“.

Дѣло постройки св. церкви началось. Вскорѣ, по полученіи консисторскаго указа, составлены были планъ и смѣта, которые и утверждены были должнымъ порядкомъ епархіальнымъ начальствомъ. По ходатайству того-же епархіальнаго начальства, лѣсъ на новую церковь былъ отпущенъ безмездно изъ Бережнодубровской дачи, Каргопольскаго уѣзда, Лешпинскаго лѣсничества. Въ ноябрѣ 1882 года, жители Большаго и Малаго Конева (дер. Лукояновской, Мишковской, Проимачевской и Ектыши) стали уже возить и самый лѣсъ къ мѣсту, гдѣ предполагалась постройка церкви. Каждый домохозяинъ обязанъ былъ вывезти по $2^1/_2$ бревна съ ревизской души. Около 100 бревенъ привезли, по своему усердію, жители сосѣднихъ приходовъ: Чаженгскаго и Заднедубровскаго.

Въ мартѣ 1883 года состоялись торги на постройку церкви, а 28 мая того-же года произошла и самая закладка ея на прекрасномъ мѣстѣ—между Большимъ и Малымъ Коневомъ—недалеко, впрочемъ, отъ перваго, при самой почтовой дорогѣ. Постройка пошла весьма успѣшно и къ осени того-же года подвинулась на столько, что 2 октября, при громадномъ стеченіи народа,

состоялось торжество поднятія крестовъ на вновь созидаемый храмъ.

Въ 1884 г. церковь отдѣлывалась внутри. Сложены были печи; подготовлялся иконостасъ.

Въ 1885 году были пріобрѣтены колокола (числомъ 5) и, по освященіи, повѣшены на колокольню, устроенную надъ папертью, въ связи съ церковью.

2-го и 3-го іюня 1886 года торжественно совершено было освященіе придѣловъ: св. Александра Невскаго и Преподобномученицы Евдокіи. Освященіе совершилъ мѣстный о. благочинный, протоіерей І. С. Чернявскій, соборне, съ мѣстнымъ причтомъ и со священниками окрестныхъ приходовъ: Плесскаго, Заднедубровскаго, Луговскаго и Архангельскаго. Народа при освященіи было весьма много, такъ какъ время освященія совпало съ праздниками св. Троицы и Духова дня и къ этой порѣ работы по обсѣмененію полей у крестьянъ были уже закончены.

Въ сентябрѣ того-же года къ новоустроенной и освященной церкви церковнымъ старостою на трехлѣтіе (1886—1889 гг.) единогласно былъ избранъ крестьянинъ дер.

Мишковской Ив. Ив. Филинъ, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ постройкѣ ея.

Главный же придѣлъ церкви—въ честь Покрова Пресвятой Богородицы -не освященъ еще до сихъ поръ. Впрочемъ, все уже готово къ освященію, которое, по всей вѣроятности, состоится въ самомъ скоромъ времени [1]).

Въ 1890 году церковь снаружи обшита тесомъ, окрашена бѣлилами, - главы обиты бѣлою жестью,—и, въ такомъ видѣ, производитъ на зрителя пріятное впечатлѣніе.

Возникновеніе Коневскаго прихода и появленіе въ немъ особаго причта.

Устроивъ у себя церковь, Коневцы (жители деревень: Мишковской, Лукояновской, Проимачевской и Ектыши) позаботились и объ учрежденіи при ней особаго причта, т. е. другими словами, позаботились отдѣлиться отъ Бережнодубровскаго прихода и основать свой особый Коневскій приходъ. Съ этою цѣлію, по распоряженію мѣстнаго сельскаго старосты, собранъ былъ 13 іюля 1886 года сходъ крестьянъ Коневскаго сель-

1) Освященіе состоялось 1 марта текущаго 1892 года.

скаго общества. На сходѣ присутствовали 82 человѣка-домохозяева изъ 104 всѣхъ, имѣющихъ право голоса. Обсудивъ всесторонне, въ восьми пунктахъ, неудобства, вытекающія для нихъ при отправленіи богослуженія во вновь устроенной церкви безъ особаго причта, сельскій сходъ, примѣняясь къ 1 ст. Высочайше утвержденныхъ правилъ 16 февраля 1885 года, единогласно постановилъ: „ходатайствовать предъ Его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Павломъ, епископомъ Олонецкимъ и Петрозаводскимъ, учредить при вновь выстроенной Коневской церкви новый причтъ, въ составѣ священника и псаломщика, съ отдѣленіемъ отъ Бережнодубровскаго прихода четырехъ деревень: Ектыши, Проимачевской, Мишковской и Лукояновской, съ населеніемъ 1019 душъ обоего пола, и одной деревни отъ Плесскаго прихода—Воробьевской, съ 160 душами. Мѣстныя средства на содержаніе духовенства, независимо отъ жалованья, отпускаемаго казною, суть слѣдующія: обыкновенные, установленные изъ вѣковъ доходы при исполненіи требъ, вѣнчаніи свадебъ, праздничные доходы, въ кои производятся сборы деньгами и хлѣбомъ, затѣмъ жалованье по должности законоучителя 100 р.

(однокласснаго образцоваго училища) и, наконецъ, доходы отъ веденія хозяйства землею (такъ написано въ приговорѣ), для коего, по прибытіи причта въ нашу церковь, обязываемся отвести въ установленномъ закономъ количествѣ, да притомъ же какъ пахатную, такъ и сѣнокосную, удобную для владѣнія [1]), если будетъ учрежденъ новый причтъ, то для свѣдѣнія Его Преосвященства объясняемъ, что домъ для помѣщенія священника у насъ имѣется и есть въ дер. Лукояновской, въ разстояніи отъ церкви въ ½ версты, который достался церкви по духовному завѣщанію крестьянина Семена Сметанина, умершаго въ 1884 году". Дальше писали Коневцы: „Такъ какъ до 1871 года расходовалось казною на содержаніе причта при церкви въ Бережной-Дубровѣ, къ которой мы принадлежали и нынѣ принадлежимъ, то и при учрежденіи въ нашей

1) Этого условія Коневцы до сихъ поръ (до 1892 г.) не исполнили. Ни пахатной, ни сѣнокосной земли они не дали причту, у котораго имѣется теперь только сѣнокосная земля, въ количествѣ 47 десятинъ, находящаяся на берегу рѣки Онеги, въ 5 верстахъ отъ Коневской церкви, напротивъ Бережнодубровской церкви, отъ которой она и отчислена, по распоряженію епархіальнаго начальства.

новой церкви причта въ лицѣ священника и псаломщика расходъ казны на содержаніе ихъ отпускаемаго жалованья ничуть не увеличится. Мы же, лишенные слушанія Божественной службы и духовныхъ бесѣдъ, съ учрежденіемъ причта будемъ при богослуженіи слышать духовныя пѣсни и молитвы Господу Богу о долгоденствіи Царствующаго Государя Императора, Святѣйшаго Синода, духовенства и поминать въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, мученически Павшаго отъ рукъ злодѣевъ, въ память кончины Коего устроена и самая церковь". Помянутый приговоръ былъ скрѣпленъ надлежащею подписью присутствующихъ на сходѣ крестьянъ и, чрезъ особыхъ уполномоченныхъ, былъ представленъ куда слѣдуетъ.

Ходатайство Коневцовъ было уважено. Декабря 1 дня 1886 года былъ уже объявленъ указъ Олонецкой духовной консисторіи о томъ, что открытіе новаго Коневскаго прихода, согласно приговору крестьянъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 18 ноября того-же года, состоялось, и что въ силу этого опредѣленія—преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Олонецкимъ и Петрозаводскимъ, уже назначенъ въ вновь

открытый приходъ священникъ М. Тихомировъ, перемѣщенный изъ Кенскаго прихода.

Въ началѣ декабря того-же 1886 года явился на приходъ и новый батюшка, который принялъ отъ Бережнодубровскаго священника вновь устроенную Коневскую церковь со всѣмъ ея имуществомъ и, по принятіи, немедленно вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Такимъ образомъ, желаніе Коневцовъ скоро исполнилось: раздѣленіе Бережнодубровскаго прихода состоялось. Вмѣсто одного прихода стало два: Бережнодубровскій и Коневскій.

Деревни Коневскаго прихода.

Въ составъ Коневскаго прихода входятъ всего пять деревень, а именно: Лукояновская, Мишковская, Проимачевская, Ектыша и Воробьевская, съ населеніемъ 665 душъ мужескаго пола, 740—женскаго, а обоего пола, при 311 дворахъ,—1405 душъ [1]).

1) и 2) *Лукояновская и Мишковская* деревни расположены, въ 4 верстахъ отъ Бережнодубровскаго погоста, по Архангель-

1) Свѣдѣнія взяты за 1890 годъ.

скому почтовому тракту, и составляютъ одну деревню, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ „*Большое Конево*“, тянущуюся на 1½ версты по линіи тракта. Дома въ нихъ выстроены по обѣимъ сторонамъ дороги и, за немногимъ исключеніемъ, по своему дородству, объему и красотѣ, могутъ смѣло конкурировать съ незатѣйливыми и убогими хижинами захолустныхъ небогатыхъ городковъ нашей раскинутой Олоніи. Жителей въ Лукояновской деревнѣ 198 мужчинъ и 227 женщинъ, а въ Мишковской—98 м. и 107 ж., а въ обѣихъ 296 м. и 334 ж., обоего пола—630 душъ [1]). Впрочемъ, въ показанное число жителей не включены военные, которые составляютъ отдѣльный счетъ отъ государственныхъ крестьянъ. Въ Лукояновской деревнѣ устроена довольно вмѣстительная часовня, въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Празднество въ часовнѣ совершается два раза въ годъ: въ день праздника—1 октября и 25 іюля—когда совершается водосвятный молебенъ—съ хожденіемъ, по церковному обряду, на источникъ—родникъ, находящійся у деревни, подъ горою. Деревня Лукояновская, 14 ав-

1) Стало быть, немного меньше Повѣнца, гдѣ считается всѣхъ жителей 760.

густа 1876 года, среди дня, потерпѣла сильный пожаръ, которымъ было истреблено 28 домовъ, но часовню и стоящіе за нею дома спасли отъ огня во множествѣ прибѣжавшіе на пожаръ крестьяне съ Бережнодубровскаго погоста. Въ деревнѣ Мишковской есть небольшой молитвенный домъ. Онъ возникъ на мѣстѣ простаго обыкновеннаго креста, какъ разсказываютъ, по слѣдующему случаю. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ деревнѣ и въ окрестностяхъ ея сильно свирѣпствовала моровая язва на лошадяхъ и рогатомъ скотѣ. При такомъ несчастіи, крестьяне обратились съ молитвою за помощью къ этому древнему кресту Господню, дали обѣтъ установить въ честь Его настоящее празднество, и какъ только отслужили предъ Нимъ водосвятное молебствіе и окропили скотъ св. водою, моровая язва прекратилась, а празднество, въ память сего, съ молебствіемъ Животворящему Кресту Господню набожно справляется крестьянами ежегодно 14 сентября.

1-го января 1879 года, при селеніи Большомъ Коневѣ открыта почтовая станція, съ пріемомъ простой и денежной корреспонденціи, подъ названіемъ „*Коневская станція Олонецкой губерніи*“. Съ 1889 года стан-

ція преобразована въ почтово-телеграфное отдѣленіе.

Въ этомъ-же селеніи имѣютъ мѣстопребываніе: лѣсничій Лепшинскаго лѣсничества, становой приставъ 2-го стана Каргопольскаго уѣзда и врачъ при пріемномъ покоѣ, содержимомъ на средства Каргопольскаго земства.

Въ деревнѣ Мишковской, въ 1882 году, устроено, на средства крестьянина Луговскаго прихода Е. П. Попова, одноклассное образцовое училище, переименованное изъ земскаго, открытаго Каргопольскимъ земствомъ въ сентябрѣ 1871 года.

3) и 4) *Проимачевская* и *Ектыша*—также, какъ деревни Лукояновская и Мишковская, расположены по тому-же тракту, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ послѣднихъ, въ одну линію—длиною на цѣлую версту, при 85 дворахъ, съ населеніемъ 165 мужчинъ и 190 женщинъ, и составляютъ одну деревню, подъ названіемъ „*Малаго Конева*“. Въ этомъ селеніи построена очень вмѣстительная и нарядная часовня въ честь Сошествія Св. Духа на апостоловъ. Постройки крестьянъ и здѣсь также довольно прочны, но несравненно меньше и не такъ красивы, какъ Больше-Коневскія.

5) Деревня *Воробьевская*, со 115 мужч. и 112 женщ., при 52 дворахъ, находится въ сторонѣ отъ почтоваго тракта, верстахъ въ трехъ отъ Малаго Конева, на правомъ берегу р. Онеги. По внѣшности, эта деревня бѣднѣе четырехъ предъидущихъ. Въ ней есть небольшая часовня въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.

Въ указанныхъ пяти деревняхъ Коневскаго прихода считается военныхъ людей: 88 м. и 87 ж., при 48 дворахъ, и раскольниковъ безпоповщинскаго толка: 3 мужч. и 17 женщ.

—

Заключеніе.

Заканчивая описаніе Бережнодубровскаго прихода—съ выродившимся изъ него Коневскимъ, мы позволимъ себѣ, въ заключеніе,—какъ-бы вскользь,—упомянуть о нѣкоторыхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ, болѣе другихъ выдающихся въ жизни обывателей описанныхъ приходовъ.

Вѣрятъ, напримѣръ, тому, чтобы—быть здоровымъ въ теченіи всего года, для этого нужно, на утренней зарѣ, въ великій четвергъ, выкупаться въ ручьѣ или въ рѣкѣ.

Въ ночь на великій четвергъ пастухи

обходятъ скотные дворы и берутъ шерсть отъ рогатаго скота, а муку отъ хозяевъ послѣдняго. Изъ взятой муки, съ примѣсью шерсти, пекутъ—предъ выпускомъ скота на пастбище—хлѣбъ, которымъ и кормятъ скотъ—въ день выпуска. Это называется „*придружить скотъ*“, т. е. пріучаютъ, приспособляютъ другъ къ другу.

Въ тотъ день, въ какой былъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, ни пахать (орать), ни сѣять, ни выгона скота на пастбище—не начинаютъ.

Во время посѣва яроваго и озимоваго хлѣба, супруги держатъ себя въ чистотѣ и цѣломудріи.

Китайскую траву, или чай, крестьяне употребляютъ рѣдко, а еще рѣже—кофе. Вмѣсто чая, утромъ, они съ удовольствіемъ вкушаютъ овсянные блины—съ масломъ или сметаной—въ скоромный день, или же съ рыжиками, грибами, ягодами—въ постный день. Утромъ крестьяне уважаютъ также домашнюю стряпню: калитки, *наливки*—лепешки съ начинкою и пироги со пшеномъ, толокномъ, горохомъ.

Любопытно отмѣтить праздничный обѣдъ болѣе или менѣе зажиточнаго Бережнодуб-

ровца. Онъ состоитъ изъ множества разнородныхъ блюдъ, которыя чередуются въ прогрессивномъ порядкѣ—отъ худшаго къ лучшему. Вотъ этотъ порядокъ:

1) *Рыбники* [1])—изъ морской соленой рыбы. Сначала рыбникъ подается изъ тикшы, затѣмъ—сайды, трески, зубатки и, наконецъ, палтусины.

2) *Рыбники* изъ свѣжей рыбы, по тому-же порядку: изъ щуки, язя, иногда—изъ харьюса.

3) Каша разныхъ крупъ: жидкая молочная изъ житной крупы (заспы) – съ масломъ, пшенная—крутая съ масломъ, которое наливается въ чашкѣ поверхъ каши, до самыхъ краевъ.

4) скоромный день—щи съ мясомъ, въ постный—уха, большею частію, изъ сухой рыбы.

5) Всевозможныя калитки: *заспянныя* (т. е. изъ житной крупы), картофельныя и пшенныя, а въ постный день—еще и изъ конопляннаго сѣмени.

6) Тонкіе всевозможные пироги: съ житной крупой, съ пшеномъ, толокномъ, а въ постъ

1) Т. е. пироги съ рыбой. Рыба запекается въ простой ржаной коркѣ и весьма рѣдко въ коркѣ изъ бѣлаго тѣста.

—и съ горохомъ. Сочень для пирога скутъ очень тонкій.

7) Дрочена на сковородѣ или картофельная или изъ житной крупы—со сметаною и масломъ.

8) Толстый сладкій пирогъ—съ черникой, изъ бѣлаго кислаго тѣста.

9) Тонкіе прѣсные пироги, сухіе, изъ бѣлаго сочня, пряжоные въ маслѣ, съ черникой.

10) Кисель овсянный съ молокомъ, или, въ постъ, съ сусломъ изъ рѣпы.

Если къ сказанному меню блюдъ добавить, что предъ каждымъ рыбникомъ радушный хозяинъ предлагаетъ гостю обязательно *выпить*, въ силу всѣмъ извѣстнаго изреченія: „рыба по водѣ плавала“,—то вовсе неудивительно, если послѣ такого аппетитнаго обѣда возьметъ гостя отрыжка...

К. И. К—ій.

(Перепечатано изъ № 62—68 Олон. Губ. Вѣд. 1892 года.)

Петрозаводскъ. Въ Губ. Типографіи. 1892.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

—

ВАЛДІЕВО.

(Сельскій приходъ, Каргопольскаго уѣзда.)

—

Приступая къ описанію Валдіевскаго прихода, считаю не лишнимъ нѣсколько коснуться прошлаго Олонецкой губерніи.

Олонецкая губернія, какъ намъ извѣстно изъ исторіи Земли Русской, въ древности называлась *Карелісй* или *Коріоландіей*. Обитатели древняго Новгорода, стремясь къ Бѣлому морю, которое давало имъ несмѣтныя богатства для торговли съ нѣмцами и другими народами Запада, постепенно завоевывали и подчиняли своему владычеству разныхъ народовъ сѣверныхъ окраинъ великой Руси; между прочимъ, завладѣли и Карелісю, и съ тѣхъ поръ послѣдняя стала называться *Обонежскою пятиною*, границею которой на востокѣ была рѣка Онега.

Съ усиленіемъ могущества Московскихъ

великихъ князей, величіе Новгорода мало по малу начинаетъ ослабѣвать и, наконецъ, при великомъ Московскомъ князѣ Василіѣ Іоанновичѣ III-мъ, Новгородъ окончательно присоединяется къ Москвѣ. Съ этого времени Обонежская пятина была причислена къ Новгородскому уѣзду, при чемъ часть волостей была отписана въ казну, къ дворцовому вѣдомству, или пожалована боярамъ. Городъ же Каргополь не входилъ въ составъ пятины, а принадлежалъ къ Бѣлозерскому уѣзду и управлялся намѣстниками. Въ царствованіе Іоанна Грознаго Каргополь принадлежалъ къ опричинѣ. Въ смутное время междуцарствія Олонецкая губернія часто подвергалась нападеніямъ и грабежу разбойническихъ шаекъ, состоявшихъ изъ Литовцевъ, Поляковъ и русской вольницы. Шайки эти, подъ предводительствомъ атамановъ, рыскали по всѣмъ направленіямъ Великой Руси, заходили далеко на сѣверъ, грабили, мучили и убивали жителей, а жилища ихъ уничтожали огнемъ. Общей участи подверглась и Олонецкая губернія.

Въ борьбѣ съ кореннымъ населеніемъ края, шайки грабителей часто—или совсѣмъ уничтожались, или прогонялись далеко за предѣлы Олонецкаго края, оставивъ по себѣ

память въ народѣ въ преданіяхъ о Литвѣ, Панахъ, Чуди Бѣлоглазой и т. п.

Устныя преданія о смутномъ времени на Руси существуютъ почти въ каждомъ приходѣ Каргопольскаго уѣзда, но, къ сожалѣнію, весьма рѣдко приходится наталкиваться на словоохотливаго старичка, который-бы мало-мальски порядочно могъ передать слышанное имъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ о минувшемъ своего роднаго края. Еще рѣже приходится видѣть письменный документъ, такъ какъ, вообще, въ старину письменность была не въ ходу, да и грамотность-то, исключая духовенства, была доступна весьма немногимъ.

Спѣшу подѣлиться свѣдѣніями о Валдіевскомъ приходѣ, добытыми мною изъ устныхъ преданій стариковъ-валдіевцевъ и частію заимствованныхъ изъ воспоминаній нѣкоего священника Валдіевскаго прихода о. Ѳеодора Гурьева, давно умершаго, писанными имъ въ 50-мъ году настоящаго столѣтія *).

Валдіевскій приходъ образованъ въ 1840

*) Воспоминанія эти, писанныя на тетради въ четверть листа, попали мнѣ случайно отъ бывшаго Мелентьевскаго волостнаго писаря И. Т. Чапурина.

году и находится въ 133 верстахъ отъ г. Каргополя, на ЮВ, на границѣ Олонецкой и Вологодской губерній. Въ составъ его въ настоящее время входятъ три деревни: Шестовская (Большой-дворъ тожъ), Нечаевская (при погостѣ) и Ивакинская (Горка тожъ).

Отчего приходъ получилъ свое названіе „Валдіево“ и кѣмъ присвоено ему это названіе — преданій не сохранилось. Мѣстность Валдіевскаго прихода и окольныхъ съ нимъ селеній, какъ гласитъ народное преданіе, въ древности была заселена язычниками, народомъ чудскаго поколѣнія, извѣстнымъ въ исторіи подъ названіемъ *Угровъ* или *Югровъ*, большая часть которыхъ въ набѣги на сей край Литовцевъ и Поляковъ, около 1613—1619 годовъ, была выгнана или погибла въ борьбѣ съ разбойниками. Предположеніе это основывается на томъ, что около упомянутаго времени, дорога, слѣды которой ясно замѣтны и въ настоящее время, изъ Вологды въ Каргополь пролегала по мѣстности Валдіевскаго прихода, на СВ, мимо озера Пурзанскаго*). Послѣ взятія и сожже-

*) При озерѣ Пурзанскомъ жили раскольники-самосожигатели, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ розыскѣ св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, въ 3-й части, II-й главѣ.

нія Каргополя, Литовцы, Поляки и русскіе воры, какъ извѣстно изъ исторіи Олонецкаго края, разсѣялись по всему сѣверному и сѣверо-восточному пространству Олонецкой губерніи отдѣльными шайками, подъ предводительствомъ разбойничьихъ атамановъ; шайки эти заходили далеко въ глушь и, встрѣчая на пути мирныхъ жителей, разграбляли ихъ имущества, а самихъ мучили и убивали. Часть этой сброди направилась къ границѣ Вологодской губерніи—къ гор. Вельску, а путь къ послѣднему пролегалъ по мѣстности, гдѣ нынѣ находится Валдіевскій приходъ; поэтому можно предположить, что разбойники хозяйничали и здѣсь.

Разсказывая о неистовствахъ и звѣрствѣ разбойниковъ, старожилы-валдіевцы прибавляютъ, что, будто бы, чудскіе жители, видя неизбѣжную гибель отъ разбойниковъ, собирались въ одно мѣсто, вырывали громадную четыреугольную яму, куда сносили всѣ свои сокровища, а надъ ямою устроивали родъ хаты, на столбахъ. Въ ожиданіи мучителей, собирались на верху хаты и ожидали своей участи. А завидѣвъ разбойниковъ, проворно подсѣкали столбы по низу и, упадая вмѣстѣ съ хатою на свои сокровища, погибали, при какихъ-то приговo-

рахъ. Послѣ такой ихъ гибели, сокровища не отыскивались. Правдивость подобныхъ разсказовъ валдіевцы подкрѣпляютъ тѣмъ, что указываютъ мѣста, гдѣ, будто бы, находятся сокровища погибшей Чуди. Такъ, по пути изъ Валдіева къ Вохтомѣ, въ урочищѣ „Печеринѣ“, на лѣвой сторонѣ моста черезъ рѣчку Вохтомицу, съ четверть версты отъ моста въ гору, указываютъ квадратную яму и увѣряютъ, что въ этой ямѣ находятся сокровища Чуди, но добыть ихъ никакими средствами не возможно, потому что эти сокровища лежатъ не спроста, а закляты Чудью. 2) Пониже деревни Ивакинской, на горѣ, указываютъ признаки строенія изъ камня. Мѣсто это и понынѣ носитъ названіе „Городищи“. Подъ горою, на низкомъ мѣстѣ, разсыпаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ груды камней; валдіевцы увѣряютъ, что на этой горѣ стояла чудская тюрьма, и камни ничто иное, какъ развалины бывшей тюрьмы. 3) На противоположномъ берегу озера (церковь стоитъ на берегу небольшаго озерка—„Бѣлое“) отъ погоста, близъ болота Конырева, какъ говоритъ народное преданіе, жилъ нѣкто Коныря, а пониже его—два брата Залазныхъ: Тарай и Залаза; еще ниже, противъ самой

церкви—Назаря (потомки послѣдняго существуютъ и понынѣ, подъ фамиліею Назаровыхъ). Трое послѣднихъ имѣли, будто бы, одинъ топоръ и, по мѣрѣ надобности, перекидывали его одинъ другому. 4) Остатки древняго жилья также находятся въ шести верстахъ отъ деревни Нечаевской; мѣсто это носитъ названіе Слободы. Здѣсь ясно видны слѣды построекъ, пашни и сѣнокоса, но отъ времени все заросло лѣсомъ. Кто здѣсь жилъ, изъ преданій не извѣстно.

Первые поселенцы прихода, какъ уже было упомянуто выше, были язычники; занимались они только звѣриной и рыбной ловлей, поклонялись идоламъ и слушались своихъ кудесниковъ; кромѣ того, знали многія волшебства и зелья, при помощи которыхъ излечивали всякія болѣзни; управлялись язычники однимъ начальникомъ; жилище этого начальника, какъ увѣряютъ валдіевцы, находилось на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ отведенъ церковный кругъ пахотной и сѣнокосной земли, за рѣчкой Селянкой, въ урочищѣ „Село“; въ этомъ мѣстѣ видны и теперь слѣды древней постройки и усадьбы.

Разсказываютъ, что разъ у начальника Чуди тяжело заболѣла любимая жена; не-

медленно были призваны волшебники и удачно излѣчили больную. Въ награду за трудъ начальникъ позволилъ волшебникамъ просить у него, что угодно; тогда одинъ изъ нихъ попросилъ начальника позволить ему отнять у живаго мужа жену, отличную красотою; начальникъ позволилъ. Но законный мужъ, не стерпѣвши обиды, ушелъ изъ дома и поклялся отомстить своему врагу. Поживши нѣкоторое время въ Литвѣ и научившись всякому волшебству и чародѣйству, оскорбленный мужъ набралъ себѣ шайку разбойниковъ и повелъ ихъ на свой край, въ надеждѣ отомстить своему оскорбителю. Идя по дорогѣ, шайка разбойниковъ вездѣ грабила жителей и жгла селенія. Слухъ о приближеніи разбойниковъ до жителей Валдіева дошелъ слишкомъ поздно Тогда валдіевцы собрались въ одну избу и начали гадать на лопатѣ бараньей печонкой, и, узнавши изъ гаданій неизбѣжную себѣ гибель, обмочили печенку трижды въ водѣ и, оставивъ ее на столѣ, сами скрылись около дома въ хмѣльникѣ, а иныхъ послали въ лѣсъ. Разбойники, придя въ Валдіево, направились къ дому оскорбителя ихъ атамана; но, зашедши въ домъ, нашли его пустымъ. Тогда одинъ изъ разбойниковъ,

замѣтивъ на столѣ баранью печенку, сталъ внимательно ее осматривать и, затѣмъ, сказалъ, что хозяева ушли изъ дома до ихъ прихода за три зари, но другой ему на это возразилъ: „нѣтъ, печенка эта три раза обмочена въ водѣ, а хозяева находятся недалеко отъ дома". Тогда разбойники бросились въ хмѣльникъ, хозяевъ и находящихся съ ними въ хмѣльникѣ убили, а дома ихъ разграбили и сожгли. Такимъ образомъ, всѣ язычники въ этой мѣстности были истреблены.

По избіеніи Чудскаго племени, мѣстность Валдіевскаго прихода нѣкоторое время оставалась незаселеною, только изрѣдка сюда заходили въ зимнее время охотники изъ Воезера половить въ пасти и сноицы горностая.

Вскорѣ послѣ истребленія Чуди въ Олонецкомъ краѣ, исчезли и шайки Литовцевъ и Поляковъ: они были частью изгнаны изъ края, а другіе погибли въ борьбѣ съ кореннымъ населеніемъ. Но время на Руси было еще бурное, неспокойное (вѣроятно, въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, около 1645 года); то было время, по выраженію валдіевцевъ: „кто кого смога, тотъ

того въ рога". Явились опять разбои и грабежи между людьми. Отчаянныя головы изъ русской вольницы и голышей-бобылей, набирали шайки и грабили каждаго встрѣчнаго. Одинъ изъ такихъ грабителей, какъ гласитъ устное преданіе валдіевцевъ, по имени Наумко (Наумъ), бродя туда и сюда, по неизвѣстному случаю, попалъ въ мѣстность Валдіевскаго прихода. Мѣсто это ему такъ прилюбилось, что онъ бросилъ свое прежнее ремесло и, съ нѣсколькими товарищами, поселился здѣсь при озерѣ, гдѣ нынѣ деревня Шестовская. Но онъ ли первый, послѣ Чуди, основалъ здѣсь осѣдлость или кто другой, объ этомъ народное преданіе умалчиваетъ. Однако, религія здѣсь была уже христіанская, такъ какъ Наумко пахалъ землю около *Георгіева дня*—весною. Разсказываютъ, что однажды Наумко былъ въ полѣ и сѣялъ жито, въ это время мимо его полемъ проходила шайка разбойниковъ. Увидѣвъ мирнаго пахаря, разбойники вздумали надъ нимъ позабавиться и забросили на поле камень, при чемъ сказали: „ну, Наумко, объарывай, т. е. объѣзжай, этотъ камень вѣкъ." А Наумко съ гнѣвомъ схватилъ этотъ камень и бросилъ его на прежнее мѣсто, сказавъ: „пускай лежитъ, гдѣ

прежде лежалъ". Камень этотъ, вѣсомъ около 50 пуд., лежитъ и по настоящее время подлѣ огородовъ, подъ горой, по дорогѣ въ урочище „Лычное", на лѣвой сторонѣ. Видя такую необыкновенную силу Наумка, разбойники присмирѣли и повели разговоры уже въ мирномъ тонѣ. Они разспрашивали Наумка: отчего въ деревнѣ дымъ въ такое позднее время? Наумко отвѣтилъ, что это варятъ Георгію сусло. „А дадутъ ли намъ сусла", спросили разбойники. Наумко отвѣчалъ: „Наперво помолитесь Богу да Георгію и поѣшьте хлѣба да щей, тогда и сусла дадутъ". Тогда атаманъ съ раздраженіемъ сказалъ: „мы тебѣ нас.... и вощи-то" и пошли дальше, по дорогѣ къ Вельску. А Наумко, не стерпѣвши обиднаго слова отъ атамана, возвратился домой, собралъ всѣхъ своихъ односельцевъ и съ лукомъ въ рукахъ погнался за разбойниками и нагналъ ихъ на дорогѣ, не доходя до Вельска четырехъ верстъ. Разбойники, въ числѣ 40 человѣкъ, сидѣли подъ сосной и играли въ карты. Тутъ Наумко натянулъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ атамана, но стрѣла попала въ сосну. Атаманъ, видя, что съ нимъ народа довольно, вынулъ стрѣлу изъ сосны и съ насмѣшкою сказалъ: „А, да ты, Наумко, я

вижу, горячъ и такого-то пустаго слова не стерпѣлъ, такъ теперь ужъ пеняй на себя, мы съ тобой разсчитаемся!“ Но Наумко опять натянулъ лукъ и—при словахъ: „Нака, эту вынь“—пустилъ стрѣлу прямо въ затылокъ атамана и убилъ его до смерти; прочіе разбойники были перебиты, а другіе убѣжали въ лѣсъ.

Послѣ кровавой расправы съ разбойниками, Наумко возвратился домой и предался мирнымъ занятіямъ. Край былъ на долго избавленъ отъ набѣговъ разбойниковъ. Но, во время Пугачевскаго бунта, около 1772 года, шайки разбойниковъ снова появились въ предѣлахъ Вохтомскаго и Валдіевскаго приходовъ. Пугачевъ, какъ извѣстно изъ исторіи Пугачевскаго бунта, дѣлалъ вреда не столько самъ, сколько мелкія шайки пугачевцевъ, которыя разсѣялись по нѣсколькимъ губерніямъ разомъ, грабили помѣщиковъ и богатыхъ людей по селамъ, нападали на духовенство, раззоряли и жгли церкви и даже дѣлали приступы на города и, вообще, отличались свирѣпостью. Объ этихъ разбойническихъ шайкахъ въ своихъ воспоминаніяхъ священникъ Гурьевъ разсказываетъ слѣдующее: „Дураки эти, въ то время, какъ я слышалъ отъ одного почтеннѣй-

шаго священника Ольховскаго прихода Никифора Максимова Сидоровскаго, уроженца Вохтомскаго прихода, страшили своими буйствами слабый полуумный народъ". Священникъ Сидоровскій, какъ видно изъ воспоминаній Гурьева, умеръ за 10 лѣтъ до написанія оныхъ, имѣя отъ роду 85 лѣтъ. Покойный часто лично разсказывалъ Гурьеву про своего родителя, вохтомскаго дьячка, къ которому разбойники заходили въ насильную гостьбу и распоряжались въ его домѣ, какъ хотѣли. „Этому нынѣ, прибавляетъ священникъ Гурьевъ, будетъ около 100 лѣтъ. Разбойники, зазнавши деньги, приходили въ домъ хозяина, раздѣвали послѣдняго до нага и начинали трясти надъ его спиною зажженный вѣникъ. Нестерпимость мученій раскрывала сокровища у слабаго народа. Въ это время въ Валдіевскомъ приходѣ, деревнѣ Шестовской, проживалъ со своимъ семействомъ одинъ богатый и хлѣбосольный человѣкъ, по прозванію, Панкратовъ. У Панкратова былъ славный конь рыжко, да дочь—красавица Иришка. Атаманъ разбойниковъ приказалъ отнять у Панкратова коня-рыжка и обезчестить дѣвку Иришку. Но одинъ изъ шайки разбойниковъ, по какому-то сочув-

ствію, забѣжавши впереди всѣхъ въ домъ, далъ знать хозяину о приближавшейся опасности и немедленно вытолкнулъ дѣвку съ отцомъ въ окно; тѣ прибѣжали къ озеру, сѣли въ лодку и, благополучно переправившись на противоположный берегъ, скрылись въ лѣсу. Другой лодки на этотъ разъ у озера не случилось и гнаться за бѣглецами разбойникамъ было не въ чемъ. Коня-же рыжка разбойники погнали въ Вохтому, но на дорогѣ обрѣзали ему хвостъ и гриву, опалили шерсть и пустили обратно. Придя на Вохтому, разбойники зашли въ домъ дьячка и, раздраженные неудачей въ Валдіевѣ, начали его тиранить, зажигая на спинѣ несчастнаго вѣникъ. Отъ нестерпимой боли дьячекъ началъ кричать и звать на помощь. На крикъ его сбѣжался народъ, большая часть разбойниковъ была перевязана, а остальные разбѣжались. Тогда связанный атаманъ сказалъ: „не жалѣли мы, кровь проливали и на хлѣбъ-соль поступали; нынѣ пришло, видно, время пить то, что наливали“. Такъ были покончены шайки разбойниковъ и въ здѣшнемъ мѣстѣ больше не бывали.

Съ уничтоженіемъ разбойничества, не тревожимая ни кѣмъ, мѣстность Валдіев-

ского прихода стала быстро заселяться. Но церкви въ это время въ Валдіевѣ еще не было (оно принадлежало къ Вохтомской Никольской церкви). Мысль объ устройствѣ церкви и отдѣльнаго прихода явилась у валдіевцевъ около 1820 года. Особенно много хлопоталъ объ этомъ одинъ изъ грамотныхъ крестьянъ деревни Ивакинской Петръ Леонтьевъ Наговицынъ, по просту Хрусталевскій. Священникъ Гурьевъ, какъ видно изъ его записокъ, еще бывши пономаремъ въ Малошальскомъ приходѣ, зналъ лично Наговицына, какъ ходатая предъ благочиннымъ объ устройствѣ церкви въ Валдіевѣ.

Въ 1824 году Наговицынъ, какъ уполномоченный ходатай по устройству церкви, предпринялъ путешествіе пѣшкомъ въ Петербургъ къ тогдашнему митрополиту Амвросію. Ходатайство Наговицына предъ митрополитомъ, какъ видно, было уважено, потому что въ слѣдующемъ году было положено: „дѣло объ этомъ изслѣдовать, а буде окажется возможность, то и нарѣзать подъ построеніе церкви и для церковно-служителей земли“. Все это было исполнено въ 1827 году землемѣромъ Петромъ Потемкинымъ. Земли нарѣзано подъ постройку и усадьбы причта 33 десятины и въ добавокъ

положена отъ крестьянъ церковно-служителямъ и на содержаніе церкви руга—по четверику ржи на церковь и по четверику—причту ежегодно, но исполнено крестьянами не было. Въ слѣдующемъ 1828 году новоприбывшій епископъ Олонецкій и Петрозаводскій Игнатій (съ этого года Олонецкая епархія дѣлается самостоятельною и управляется епископами, съ наименованіемъ Олонецкихъ и Петрозаводскихъ), потребовалъ дополнительнаго надѣла земли къ Валдіевской церкви, для чего былъ командированъ землемѣръ Юркевичъ. Земли было прибавлено 16 десятинъ, въ двухъ кругахъ: „сѣнокосной—въ урочищѣ „Дьяковцѣ“ и лѣсопорослой кустарникомъ—за полемъ деревни Нечаевской. Въ томъ же году послѣдовало разрѣшеніе начать постройку церкви и отпущенъ безплатно лѣсъ отъ казны, какъ для церкви, такъ и для дома причту. Закладка Валдіевской церкви была сдѣлана въ 1834 году, 30 сентября. Попечителями слѣдить за постройкой были избраны крестьяне: первый—упомянутый ходатай Петръ Наговицынъ, второй—Василій Шараповъ, третій—Андрей Емельяновъ Козенковъ и четвертый—Прокопій Стефановъ Даниловыхъ. При начатіи постройки церкви главный иниціа-

торъ и ходатай Петръ Наговицынъ умеръ, а со смертію его и постройка, за немѣніемъ средствъ и настойчивости со стороны попечителей, почти прекратилась. Главными виновниками въ этомъ были раскольническіе настоятели Михайло Поздѣевъ, Игнатій и Калинникъ Козенковы со своими приверженцами, которые упорно отказывались отъ уплаты положенныхъ на церковь денегъ и подбивали къ этому другихъ, такъ что попечители принуждены были прибѣгнуть къ защитѣ закона и просили начальство помочь имъ въ этомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этой просьбы, въ Валдіево пріѣхалъ дворянскій засѣдатель земскаго суда Дмитрій Ивановичъ Абрамовъ и, собравъ сходъ въ земской избѣ, потребовалъ немедленной уплаты денегъ, положенныхъ на церковь по приговору. Но расколоучители стали на отрѣзъ отказываться и даже грубить начальнику. Тогда Абрамовъ, выведенный изъ терпѣнія грубостью раскольниковъ, приказалъ, для острастки, главнаго изъ нихъ подстрекателя Михаила Поздѣева придернуть на веревкѣ къ воронцу одной ногой. Но послѣдній, вися у воронца, не переставалъ грубить начальнику и кощунствовать и, обратясь къ окружающимъ съ насмѣшкою, сказалъ: „а, вотъ, у

валдіевцевъ и колокольня! Вы, православные, побереги-тесь, душу въ рай пропустите". Чиновникъ ему на это сказалъ: „и то, ребята, надо пропустить его душу, да, пожалуй, не мѣшало-бы и дубинкой прихлыстнуть, чтобы скорѣе въ пекло ускакала"—и велѣлъ придернуть другую ногу къ воронцу. Но Поздѣевъ и тогда не унялся, а, покачиваясь изъ стороны въ сторону, приговаривалъ: „а, вотъ, у валдіевцевъ и колоколъ!" Раздраженный упорствомъ и наглостію Поздѣева, Абрамовъ выхватилъ изъ рукъ сотскаго черемховую палку и началъ утюжить по спинѣ грубіяна, приговаривая: „а, вотъ у валдіевцевъ и зазвонили". Таковъ былъ первый звонъ для валдіевскихъ раскольниковъ. Этотъ оригинальный звонъ подѣйствовалъ на раскольниковъ и заставилъ ихъ развязать свои мошны. Сумма на построеніе церкви была собрана полностію.

По отъѣздѣ Абрамова, было приступлено къ работѣ, а для скорѣйшаго успѣха дѣла въ Валдіево, въ 1838 году, 25 декабря, епископомъ Игнатіемъ назначенъ первый священникъ, нѣкто о. Петръ Стефановъ Пятницкій. Священникъ Пятницкій энергично принялся за дѣло и къ концу 1840 года церковь была готова къ освященію. При

немъ же въ новоустроенную церковь, частію сборомъ, а больше благотворительностію, особенно купца Янкова, было пріобрѣтено много священныхъ предметовъ, какъ-то: св. Евангеліе на престолъ, крестъ, два серебряныхъ золоченыхъ сосуда, одежды на престолъ, весь иконостасъ, 6 пудовъ вѣсомъ колоколъ, книги, необходимыя при богослуженіи, и ризница изъ старыхъ, небогатая. Въ 1840 году, 20 декабря, новопостроенная во имя Покрова Пресвятыя Богородицы Валдіевская церковь была освящена соборне, въ присутствіи члена Каргопольскаго духовнаго правленія, Воскресенской градской церкви священника В. И. Попова и мѣстнаго благочиннаго Р. Михайлова, съ прочимъ духовенствомъ. Съ сего времени Валдіевскій приходъ состоитъ отдѣльнымъ отъ Вохтомскаго.

Послѣ освященія церкви, священникъ Пятницкій обратился къ валдіевцамъ съ просьбою дать ему, положенный по уговору, насущный хлѣбъ по 1 четверику съ души, но получилъ отказъ. Тогда онъ сталъ ходатайствовать предъ архіереемъ о назначеніи штатнаго жалованья, но не могъ добиться и этого. Между тѣмъ, здоровье его, отъ неудовольствій, огорченій и хлопотъ по по-

стройкамъ, сильно разстроилось. О. Петръ Пятницкій умеръ въ 1845 году, 2 ноября. Тѣло его погребено при Валдіевской церкви, противъ алтаря, на горнемъ мѣстѣ.

На вновь открывшееся праздное священническое мѣсто, указомъ Олонецкой духовной консисторіи 1846 года марта 12-го, былъ назначенъ священникомъ въ Валдіевскій приходъ вышеупомянутый о. Ѳеодоръ Гурьевъ, который и прибылъ на мѣсто службы 2 апрѣля 1846 года.

Вотъ что говоритъ покойный о. Ѳеодоръ Гурьевъ въ своихъ запискахъ о его прибытіи въ Валдіево, о его тогдашнемъ состояніи прихода, о нравахъ и обычаяхъ валдіевцевъ, о ихъ отношеніяхъ къ церкви и духовенству, о степени образованія и нравственности своей паствы.

„Прибывъ на мѣсто своего назначенія, прежде всего началъ я разсматривать, что надлежитъ по службѣ. Но вскорѣ необходимость моя заставила просить прихожанъ помочь мнѣ достать, оставленное мною въ Большешальскомъ приходѣ семейство, состоящее изъ двухъ человѣкъ и хозяйственное имущество; но на первый разъ едва-едва я могъ уговорить своихъ прихожанъ, и то за

неслыханную плату, отпустить 10 подводъ для доставки имущества, по привозѣ котораго, на второй день Пасхи, всѣ валдіевцы были мною угощены до весела, отъ чистосердечія моего. Не имѣя дому, водворился я на первое время у вдовы покойнаго священника Пятницкаго Екатерины Михайловой, которой прихожане обѣщали заплотить за постой, но послѣ вздумали домъ ея присвоить обществу. А такъ какъ покойный священникъ домъ этотъ устроилъ самъ, то и не было возможности имъ отнять оный. Обращеніе мое къ обществу о квартирѣ, обѣщанной священникамъ при постройкѣ церкви, нанесло мнѣ сильныя неудовольствія, потому болѣе, что всякій почти изъ прихожанъ, имѣя у себя по два дома, не хотѣлъ пустить священника на квартиру, а требовали, чтобы я, противъ воли вдовы, стоялъ у нея на квартирѣ, чего сдѣлать мнѣ было никакъ не возможно. Просьбы мои убѣдили одного крестьянина деревни Нечаевской Ѳедора Петровичевыхъ пустить меня на нѣкоторое время въ домъ, но и тотъ скоро отказалъ отъ квартиры. Наконецъ той-же Нечаевской деревни крестьянинъ Ксенофонтъ Стефановъ, видя крайнюю мою нужду, впустилъ меня въ свой домъ

за умѣренную плату, гдѣ я и прожилъ вмѣстѣ съ его семействомъ около полугода, не имѣя надлежащаго покоя по своей службѣ. А затѣмъ вздумалъ я заводить себѣ новый домъ, для чего попросилъ разрѣшенія у начальства и послѣднимъ было мнѣ отпущено 300 деревьевъ. Между тѣмъ и вдова Пятницкая стала продавать свой домъ, такъ какъ она опредѣлилась просфирнею въ Вохтомскій приходъ, за умѣренную цѣну; и по условію между нами перешелъ я въ домъ вдовы Пятницкой. А по указу, послѣдовавшему въ сіе время, сиротскихъ домовъ, безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства, покупать и продавать не велѣно. По сему нами дано обоюдное со вдовою и попечителями дома прошеніе о согласіи пріобрѣсти домъ Пятницкой для меня, но разрѣшенія никакого не послѣдовало. Лѣсъ-же, отпущенный начальствомъ, былъ у меня подъ окномъ, поэтому я, въ ожиданіи архипастырскаго разрѣшенія, построилъ небольшой флигель о двухъ покояхъ, къ которому скоро присовокупилъ новое гумно и прочее обзаведеніе, по хозяйству нужное.

„Здѣсь прошу извинить меня, господа читатели, что не могу умолчать о первоначальномъ при мнѣ образованіи прихожанъ.

Хотя валдіевцы и называли себя христіанами, но были крайне грубы, невѣжественны и суевѣрны, какъ ихъ предки Чудскаго поколѣнія. Разсматривая по приходу религіозное къ церкви расположеніе валдіевцевъ, я нашелъ, что, кромѣ немногихъ грамотныхъ, и молитвы Іисусовой не знаютъ; это доказывало безпечность вохтомскаго духовенства, по отдаленности-ли, или небреженію о душеспасительныхъ плодахъ въ здѣшнемъ мѣстѣ. Давно вселившіеся невѣжественные обычаи, дикіе упорные нравы, часто сопряженные съ суевѣріями, подобно волшебнымъ; народъ, исполненный зависти ко всему, кромѣ добра; скупость, не подаяніе, первый ихъ предметъ, хотя валдіевцы и имѣли достаточное содержаніе во всѣхъ ихъ домашнихъ обстоятельствахъ. Сіе самое замѣтно изъ того, что они, уже по устроеніи въ приходѣ церкви, не хотѣли о ней заботиться и на частыя напоминанія мои о семъ отзывались такъ: „что де напрасно мы и церковь-то у себя завели, только на большое себѣ раззореніе“. И самымъ опытомъ доказали это тѣмъ, что отведенную и отмежеванную землемѣромъ, въ дополненіе къ прежней, землю, состоящую въ двухъ кругахъ въ „Дьяковцѣ“ и за ихъ полями,

лежащую въ пустѣ и по нынѣ, на которую, будто бы, они умышленно не достали и плана, отняли отъ церкви, хотя у нихъ и своей земли вполнѣ достаточно. И въ обмежеванной по планамъ церковной землѣ, въ досаду священника, зарыли два колодца, изъ коихъ вода бралась на домашнія и церковныя надобности; да и много другихъ пакостей чинили духовенству неуваженіемъ и потравами полей и сѣнъ, о чемъ дѣло доходило даже до правительства. По удаленности отъ начальства, до опредѣлившейся въ Вохтомѣ расправы, валдіевцы вольничали, какъ хотѣли, а въ случаѣ стояли другъ за друга до самоотверженія.

„Нынѣ изъ молодыхъ людей, по моему настоянію, стали понимать молитвы устно и немалое количество есть поучившихся грамотѣ, которые могутъ прочитать молитвы: Отче нашъ, Царю Небесный, Пресв. Троице, Достойно есть и друг.; нѣкоторые знаютъ Символъ вѣры и нѣсколько заповѣдей. Всего этого достигнуть стоило мнѣ не малаго труда и огорченій. Ропоты, брани, хулы, досады, ненависть и подстрекательства были первыми наградами трудамъ священника.

„Прихожане мои, хотя сами были и не-

вѣжественны, но часто насмѣхались надъ людьми умными. Въ разговорахъ употребляли слова и рѣчи коловратно, напримѣръ: вмѣсто—что—*що*, приказалъ или заказалъ—*заязгавъ*, проворнѣе кушай—*жольви*, кричи—*гаркай*, здѣсь было или случилось—*этта-кодстка*, прошлый годъ—*лони*, довольно или много—*нарочо*, негодный—*обьявъ*, усовѣтовали—*усоборовали*. Счетъ валдіевцы знали только до десяти, а больше толку не было; считали такъ: первые два, другіе два, пети-шести, семи-восьми, деветь, десать; затѣмъ опять—первые два и т. д.

„Празднества валдіевцевъ состояли въ свареніи изъ ржанаго солода сусла, которое употребляли съ уваженіемъ къ варцамъ и съ особеннымъ валдіевскимъ аппетитомъ. Первую чашу сусла приносили въ церковь, или часовню къ молебну, вмѣсто колива въ честь праздника, а остатки, хотя бы случилось до 15 и болѣе ушатовъ, выпивали; иные разносили по своимъ сосѣдямъ и посылали въ гостинецъ родственникамъ въ другія деревни. Къ храмовому празднику Покрова Пресвятой Богородицы варили и попынѣ варятъ пиво.

„При богатомъ и тихомъ годѣ почти каж-

дый домохозяинъ угощаетъ пивомъ до избытка, хотя бы ты былъ человѣкъ и незнакомый. Этимъ бражничествомъ валдіевцы занимаются иногда недѣли двѣ и даже три, т. е. до тѣхъ поръ, пока пиво не будетъ выпито все. Хлѣба на пиво употрѣбляютъ: богатый крестьянинъ—пудовъ до 15-ти, а побѣднѣе—8—10 пудовъ ржи. На это у валдіевцевъ сложилась поговорка: „худая вѣра, варишь пива мѣра", т. е. 5 пудовъ. Богатый и бѣдный въ праздники дожидаютъ священника, по ихнему, „провѣдать пивца", часть котораго и сохраняется до прибытія причта; если же священникъ, по какому либо случаю, не явится, то навлекаетъ на себя гнѣвъ хозяина. Священникъ, придя въ домъ, долженъ сперва поздравить хозяина съ праздникомъ; затѣмъ попотчивать хозяина принесенной для священника чарой съ пивомъ, а потомъ уже пробуетъ самъ, при чемъ долженъ, какъ можно больше, хвалить пиво и пивовара, тогда ты и будешь любимымъ гостемъ. Затѣмъ, священникъ вмѣстѣ съ гостями садится за столъ къ приготовленной закускѣ: въ постный день—рыбникъ, а въ скоромный—зажареная баранья лопатка и пироги, по обыкновенію. Хозяинъ наливаетъ стаканы пивомъ и пьютъ всѣ,

вмѣстѣ съ семействомъ хозяина, отъ мала до велика, обоего пола, словно единосемейные. Здѣсь можно отдать честь валдіевцамъ за то, что, напившись пива, оба пола, даже дѣвицы, бывающія на веселѣ, соблюдаютъ приличіе и честность, и ходятъ по гостямъ отдѣльными толпами: дѣвицы, женщины и мужчины, и до сего времени не слыхать, чтобы дѣвица обесчестилась рожденіемъ въ дѣвичествѣ.

„Такимъ образомъ проводятъ валдіевцы свой храмовой праздникъ; „пируютъ", какъ они выражаются. Лично, я не видалъ, но слышно, что есть и бываютъ между моими прихожанами и негодные поступки, напр., за столомъ во время пированія мужчины поютъ не всегда приличныя пѣсни и затѣваютъ ссоры, но въ моемъ присутствіи этого не случалось.

„Въ воскресные и праздничные дни многіе изъ моихъ прихожанъ до полуночи и дальше занимаются различными работами, къ утрени не ходятъ, особенно женскій полъ, къ обѣднѣ мало, къ вечернѣ никогда. Во время утрени мужчины ѣдятъ блины, или собираются въ одну избу и толкуютъ пустяки; женщины во время обѣдни,

будучи свободны отъ работъ, занимаются сплетнями. Если случается кому заболѣть, то обращаются за помощью къ пошептачкамъ-старухамъ и знахарямъ-старикамъ и имъ вѣрятъ, какъ святымъ; отвратить это и понынѣ очень трудно. Поминокъ по усопшимъ родственникамъ не правятъ ни въ церкви, ни въ домахъ, и въ день ангела своего молебствовать въ церковь не ходятъ, но крестному и матери пироги каждый относитъ и зоветъ въ гости. Послушанія и усердія къ священно-церковно-служителямъ не имѣютъ, развѣ когда первые сварятъ пиво и позовутъ на „помочь“.

„О свят. Пасхѣ каждый домохозяинъ принимаетъ кресты и св. иконы и служатъ молебны. Любятъ, чтобы въ домѣ ихъ были пропѣты пасхальные стихиры всѣ, и многіе уже нынѣ вслѣдъ поютъ, даже изъ женскаго пола, а прочіе внимательно прислушиваются, за крестами ходятъ людно. Хозяинъ христосуется со всѣми краснымъ яйцомъ, такъ что въ иномъ домѣ выходитъ до 50 шт. яицъ, а если ихъ не хватаетъ, то дешевыми пряниками. Свящ—лямъ даютъ по силѣ возможности одинъ хлѣбъ отъ 5 до 20 фунтовъ, два пирога и деньгами отъ 5 до 10 коп. Въ Петровъ постъ собирается

такъ называемая „Петровщина“, нетопленое масло и смѣтана до 30 ф. и изрѣдка одно яйцо въ домѣ; все это снашивается въ одну избу, гдѣ остановился священникъ. По осени даютъ шерсть, ленъ, конопляное семя и горохъ, зернового хлѣба не сбирается. Вначалѣ Филиппова и Великаго постовъ и въ концѣ оныхъ даютъ по овсяннику съ каждаго дома. При требоисправленіяхъ, съ прибытія моего, плата не полагается, развѣ только о свадьбахъ. Браки здѣсь совершаются скоро, потому что дѣвицъ берутъ уводомъ, безъ вѣдома родителей, а часто и со словъ послѣднихъ, для того, чтобы избѣжать при свадьбѣ лишнихъ родственныхъ угощеній и издержекъ на свадебный порядокъ. До вѣнчанія въ церкви невѣста даритъ священнику и дьячку холщевыя полотенца.

„Хлѣбопашество исправные крестьяне въ Валдіевѣ ведутъ настойчиво и достаточно, льна сѣютъ тоже довольно, а ходятъ неопрятно и больше въ лохмотьяхъ. На ногахъ носятъ зимой и лѣтомъ на домашнихъ работахъ лапти изъ бересты; въ зимнее время курятъ деготь и тѣмъ достаютъ подати. Въ праздничные и особенные дни одѣваютъ

болѣе чистое платье и сапоги, но вообще наряды валдіевцевъ бѣдны.

„Все нынѣшнее описавши въ Валдіевскомъ приходѣ, покорнѣйше прошу простить меня, что кому не понравится изъ написаннаго. Оно пускай останется будущимъ моимъ преемникамъ на память; и ихъ покорнѣйше прошу къ сему присовокупить свои наблюденія по приходу. Оканчиваю сіе въ 1850 году—въ Генварѣ"; такъ заключаетъ свои записки покойный священникъ о. Ѳеодоръ Іоанновъ Гурьевъ.

Относясь съ глубочайшимъ почтеніемъ къ памяти покойнаго о. Ѳеодора и искреннею благодарностію къ его трудамъ, къ крайнему моему сожалѣнію, не могу исполнить его просьбы—присовокупить что-либо отъ себя къ его запискамъ, такъ какъ я слишкомъ мало знакомъ съ Валдіевскимъ приходомъ и его населеніемъ. Полагаю, что въ 50 слишкомъ лѣтъ въ частной жизни валдіевцевъ многое измѣнилось, но традиціонныя начала старины остались тѣ-же.

Ив. С.....въ.

Перепечатано изъ № 46—48 Олон. Губ. Вѣд. 1892 года).

Петрозаводскъ. Въ Губ. Типографіи. 1892.

Пастырская дѣятельность Аркадія, архіепископа Олонецкаго и Петрозаводскаго.

(Статья студента СПБ. Духовной Академіи **П. Кенорѣцкаго.**)

—

Корелія, нынѣшняя Олонецкая губернія, есть самая несчастная часть Россіи, въ отношеніи просвѣщенія. О существованіи какой-то сѣверной страны, населенной Корелами и другими инородцами и отдѣленной отъ политическаго центра большимъ озеромъ Ладожскимъ и густыми дѣвственными лѣсами, помнили весьма мало. Она начинаетъ обращать на себя вниманіе лишь послѣ того, какъ сдѣлалась въ буквальномъ смыслѣ раскольническимъ гнѣздомъ. Все благопріятствовало здѣсь распространенію и благоденствію раскола: и невѣжество олончанъ, не успѣвшихъ воспринять возвышенное христіанское ученіе [1]), и отдаленность Кореліи

1) Первыя сѣмена христіанства были занесены въ Корелію при новгородскомъ князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, въ 1227 году. Но христіанство здѣсь прививалось медленно, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ эгнографическихъ (низкій уро-

отъ просвѣщеннаго міра, и ея дикость и пустынность, и, наконецъ, невѣжество пастырей Церкви, должности которыхъ, за неимѣніемъ семинаріи, исправляли необразованные, „еле бредущіе по Псалтирю“ мужики [2]). Благодаря всему этому, расколъ въ Олонецкой губерніи пустилъ глубоко свои корни, которые не могутъ вырвать еще и до нынѣ.

Въ такую-то на половину раскольническую епархію, въ 1851 году, 29 марта, былъ назначенъ преосвященнѣйшій Аркадій,

---

вень духовнаго развитія Олончанъ, непониманіе ими языковъ славянскаго и русскаго, непригодность ихъ природнаго языка, содержащаго одне конкретныя понятія, для передачи отвлеченныхъ христіанскихъ концепцій), географическихъ (непроходимые лѣса, обширность территоріи, суровый климатъ,—все это затрудняло христіанскихъ проповѣдниковъ въ ихъ путешествіяхъ по Карелiи) и историческихъ условій (здѣсь были отдѣльные проповѣдники христіанства, въ большинствѣ случаевъ—монахи, но какой-либо систематической христіанизаціи не было). Отсюда становится нѣсколько исторически понятнымъ то печальное обстоятельство, что въ Олонецкой губерніи еще и теперь сохраняются остатки язычества.

2) Семинарія открыта въ 1779 году, да и то несовершеннаго типа.

котораго никогда не забудетъ Олонецкая губернія. Одинъ изъ хорошо помнившихъ Олонецкаго архипастыря, такъ характеризуетъ его: „Не смотря на то, что преосвященнѣйшій Аркадій не получилъ академическаго образованія, его начитанность была громадна, изложеніе точное и строго логическое, доказательность полная... Знаніе исторіи церковной и русской было полное; писатели и церковные и гражданскіе были ему всѣ извѣстны; твореніями св. отцевъ онъ пользовался безъ всякаго затрудненія и цитовалъ ихъ съ удивительною точностію, съ совершеннымъ знаніемъ смысла; законы гражданскіе ему были знакомы основательно. При такихъ познаніяхъ, владыка обладалъ неутомимою дѣятельностію. Вставалъ ежедневно въ 3 часа утра и до 6 час. онъ писалъ отвѣты на громадное количество получаемыхъ имъ писемъ и приготовлялъ посылки, преимущественно съ книгами... Служившіе въ его канцеляріи постоянно завалены были работою, которую, впрочемъ, по приглашенію владыки, не рѣдко раздѣляли и мы—семинаристы... Владыка отдыхалъ послѣ обѣда недолго и снова принимался за дѣла; успѣвалъ прочитать множество книгъ, и не кое-какъ прочитать, а замѣтить инте-

ресное,—и затѣмъ рекомендовать ту или другую статью—или корпораціи семинарской, или училищной или кому-либо изъ благочинныхъ или священниковъ епархіи, а иногда даже какому-либо купцу, чиновнику или крестьянину. Читалъ и писалъ владыка вечеромъ до 9 часовъ... Часто составлялъ поученія для сельскихъ священниковъ, для произнесенія въ раскольническихъ приходахъ; для женскаго училища имъ составлены цѣлые курсы уроковъ по предметамъ, тамъ назначеннымъ“ [1]).

Высокопреосвященный и до неутомимости трудолюбивый архипастырь заразъ же подмѣтилъ недугъ своей заблуждающейся паствы и, въ теченіи восьминадцатилѣтняго управленія Олонецкой епархіей, старался уврачевать его. Обширная по объему и весьма важная по значенію его противораскольническая дѣятельность свидѣтельствуется безчисленнымъ количествомъ писемъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ епархіи и хранящихся при сельскихъ церковныхъ архивахъ. Всѣ письма, дышащія неподдѣль-

1) Христ. Чт. 1888 г., т. I, стр. 421—423. „Мои воспом. о пр. Аркадіи, арх. Ол. и Петрозав.“ св. Вас. Нименскій.

ною любовію пастыря къ паcомымъ, имѣютъ дѣловой характеръ и выражаютъ тѣ или иные взгляды архипастыря на расколъ и на мѣры борьбы съ нимъ. Часть ихъ напечатана въ „Христіанскомъ Чтеніи“, откуда мы и заимствуемъ свѣдѣнія о пастырствѣ преосвященнѣйшаго Аркадія.

Преосвященнѣйшій Аркадій, какъ человѣкъ умный и наблюдательный, прекрасно понималъ, что расколъ есть слѣдствіе невѣжества, недостаточнаго пониманія христіанства [1]). Чтобы уничтожить его въ самомъ корнѣ, необходимо перевоспитать заблуждающихся и перевоспитать именно въ истинно-христіанскомъ смыслѣ. Ссылки, штрафы и тюрьмы могутъ ожесточить раскольниковъ, а не привести къ сознанію истины. Поэтому, главною задачею своей дѣятельности владыка поставилъ—просвѣщеніе народа. „Съ одними плотскими оружіями, напр. полицейскими, не побѣдить его (міръ раскольническій)“ [2]),—пишетъ онъ священнику Петру Челмогорскому. „Я уже давно обрекъ себя всего на службу св. Церкви,

1) „Нѣчто о расколѣ Росс. Церкви“. Арх. Аркадія. Брат. Сл. 1889, т. II, стр. 328—29.

2) Хр. Чт. 1890 г., т. I, стр. 360.

говорится въ письмѣ къ неуказанному адресату: не терпя фанатизма, не имѣю равнодушія, когда Господь открываетъ мнѣ случай и возможность послужить спасенію порученныхъ мнѣ Къ полицейскимъ мѣрамъ гражданскаго начальства прибѣгаю только въ крайностяхъ..., ибо знаю, сколь не вѣрны бываютъ сіи мѣры, сколь необходимо дѣйствовать просвѣщеніемъ, убѣжденіемъ. Направляя всѣ части моего управленія къ сему, не могу отказываться и отъ переписки съ православными—единовѣрцами, съ раскольниками, даже съ мужиками, когда они требуютъ сего“ [1]). „Нынѣ жить безъ грамоты и въ крестьянскомъ быту неприлично, горько“ [2]), пишетъ владыка къ Даниловскому священнику Іоанну Ребольскому.

Разумѣется, преосвященнѣйшій Аркадій долженъ былъ начать дѣло христіанскаго просвѣщенія съ пастырей Церкви и, такимъ образомъ, приготовить себѣ достойныхъ сподвижниковъ и помощниковъ. Для этого онъ обратилъ свое вниманіе на духовную семинарію, зорко слѣдилъ за преподаваніемъ наставниковъ и за успѣхами и поведеніемъ

1) Хр. Чт. 1887 г., кн. 2, стр. 11—12.

2) Хр. Чт. 1889 I, г., т. стр. 546.

учащихся. Въ теченіе семинарскаго обученія онъ успѣвалъ узнать каждаго изъ воспитанниковъ, можно сказать, до тонкости и, сообразно съ ихъ способностями и наклонностями, заранѣе предназначалъ всѣмъ подходящія занятія. Даровитыхъ или въ какомъ нибудь отношеніи выдающихся личностей архипастырь имѣлъ всегда на виду, бесѣдовалъ съ ними лично и побуждалъ къ занятіямъ тою или другою наукою, смотря по тому, къ какого рода дѣятельности онъ ихъ предопредѣлилъ [1]). Тѣсная нравственная связь владыки съ воспитанниками не ограничивалась временемъ семинарскаго обученія. Аркадій Олонецкій былъ приверженцемъ русской пословицы: „вѣкъ живи— вѣкъ учись“. Письма его постоянно призываютъ духовенство къ самообразованію. „Надобно, надобно намъ... самимъ учиться и трудиться, впередъ, а не назадъ идти“ [2]), пишетъ онъ миссіонеру Мегорскому. Или: „Учиться доброму никогда не поздно, никому не стыдно, всегда и вездѣ благотворно“ [3]). „Если учить некого: самаго себя

1) „Моп восп. объ Аркадіи, арх. Ол. и Петр.“ Св. Нименскій. Хр. Чт. 1888 г., т. I.

2) Хр. Чт. 1890 г., іюль-авг., стр. 105.

3) Хр. Чт. 1888 г., т. I, стр. 722. Пис. наста-

учи. Если учиться негдѣ: лежа, и сидя, и ходя учись“ [4]). Чтобы способствовать поднятію умственнаго развитія духовенства, владыка постоянно разсылалъ книги и давалъ подробные отзывы о нихъ, а по поводу присылаемыхъ раскольническихъ книгъ и брошюръ говорилъ, какъ пользоваться ими при собесѣдованіяхъ съ раскольниками, разъяснялъ изъ нихъ разныя мѣста, возбуждающія сомнѣнія раскольниковъ, рѣшалъ возраженія, приводимыя раскольниками въ оправданіе своихъ, такъ-называемыхъ, старыхъ обрядовъ [5]).

Воспитаніе достойныхъ пастырей Церкви служило для Аркадія, архіепископа Олонецкаго и Петрозаводскаго, такъ сказать, введеніемъ къ другому еще болѣе трудному дѣлу—просвѣщенію простаго, сѣраго народа. Такъ какъ просвѣщеніе и христіанское воспитаніе, по мнѣнію Олонецкаго архипастыря, является единственнымъ вѣр-

---

нику Шунгскаго сел. учил. священнику Виктору Некрасову, отъ 5 янв. 1867 г.

4) Хр. Чт. 1890 г., т. I, стр. 354.

5) См. Хр. Чт. 1888 г., т. I, стр. 723—725; Хр. Чт. 1889 г., т. I, стр.: 546, 551, 559 и др.; т. II стр. 407; Хр. Чт. 1890 г., т. I, стр. 337—342, и всѣ письма къ миссіонеру Мегорскому.

нымъ противоядіемъ для раскола, то понятно, что практиковавшіяся имъ средства и способы народнаго образованія и воспитанія въ христіанскомъ духѣ будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣрами противъ раскола.

Главнымъ и надежнымъ проводникомъ христіанскаго просвѣщенія въ народъ архіепископъ Аркадій считалъ школу, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы преподаваніе велось въ ней на церковно-христіанской почвѣ. Вотъ нѣсколько цитатъ изъ писемъ преосвященнаго, выясняющихъ его взглядъ на этотъ предметъ. „Въ училищахъ вашихъ должны быть воспитаны и образованы воины Христовы противу враговъ Церкви. Скоро, надѣюсь, увидятъ и богобоящіеся *шустручане*, что ихъ дѣти покажутъ больше разума истины, чѣмъ высокоумные *анхимовы* [1])". [2]). „Если онъ (попечитель сельской церкви) говорится въ письмѣ къ Волосовскому діакону Петру Челмогорскому, заботится устроить ограду вокругъ церкви и сторожку для ней, то не можетъ не придти ему на сердце желаніе—устроить и

---

1) Анхимовъ—шустручскій расколоучитель.

2) Хр. Чт. 1888 г., т. II, стр. 192. Пис. шустр. св. Вас. Звѣроловлеву, отъ 26 дек. 1865 г.

домикъ для церковной школы, для учителя въ оной... Не заботились ли о семъ и первенствующіе христіане?! Чѣмъ прославилась Александрія, гдѣ первыя явились христіанскія школы?!.. А по введеніи христіанской вѣры въ Кіевѣ, на сколько времени было отложено завесть школы для дѣтей того и другаго пола?? Припомните исторію, сообщите ее и другимъ, отъ коихъ особенно зависитъ заведеніе школы при вашей церкви... Чему своихъ чадъ учитъ Церковь во храмѣ, то должно быть объясняемо въ школѣ, чтобы лучше было понимаемо ученіе, преподаваемое во храмѣ. А чему учитъ и должна учить школа, то должна она повѣрять и освящать ученіемъ во храмѣ! Великая связь между храмомъ и школою! Храмъ служитъ источникомъ и освященіемъ ученія для школы, а школа служитъ приготовленіемъ къ полезнѣйшему принятію того ученія и обращеніемъ онаго на службу въ пользу храма. Сообразите, поймите существенныя отношенія, убѣдитесь, сколь нужно при храмѣ имѣть школу: деревянная ограда охраняетъ храмъ отъ скотовъ, а школа, ограждая души отъ татей, охраняетъ храмъ отъ нравственныхъ безчинствъ“ [1]).

1) Хр. Чт 1890 г., т. I, стр. 335.

Изъ этихъ выдержекъ прекрасно видно, что школа, по мнѣнію преосв. Аркадія, имѣетъ весьма важное воспитательное значеніе: выясняя истинный смыслъ христіанства, она ведетъ учащихся прямо въ церковь, воспитываетъ людей, преданныхъ духу Христова Закона, а не буквѣ его. Молодое поколѣніе, какъ православное, такъ и раскольническое, получившее образованіе въ такой школѣ, будетъ всегда представлять изъ себя истинныхъ сыновъ Церкви Христовой, духовныхъ Христіанъ. Твердымъ убѣжденіемъ въ такомъ значеніи школы и объясняется то, что преосв. Аркадій постоянно заботился объ устройствѣ школъ при церквахъ и особенно единовѣрческихъ. Изъ писемъ видно, что строить школы онъ предлагалъ болѣе или менѣе зажиточнымъ людямъ, иногда отыскивалъ на это самъ средства, благодарилъ и благословлялъ создателей школъ, самъ назначалъ учителей и учительницъ, слѣдилъ за ихъ преподаваніемъ, давалъ имъ совѣты и наставленія относительно методовъ обученія, рекомендовалъ книги для чтенія, посылалъ учебники и т. д. и т. д. [1]).

1) Хр. Чт. 1888 г., т. I, стр. 720; Хр. Чт 1889 г., т. I, стр. 557, 551; Хр. Чт. 1890 г., т. I. стр. 335.

Вторымъ мѣстомъ христіанскаго просвѣщенія спеціально для взрослыхъ раскольниковъ, по убѣжденію Аркадія Олонецкаго, должны были быть единовѣрческія церкви. Слѣпые приверженцы, такъ-называемыхъ, старыхъ обрядовъ—раскольники, по собственной доброй волѣ, отреклись отъ Православной Церкви, яко-бы, измѣнившей эти обряды, и, такимъ образомъ, потеряли возможность пользоваться ея таинствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность спасенія душъ.

Такъ какъ полное обращеніе раскольниковъ къ церкви, т. е. православію было мечтой, весьма рѣдко осуществлявшейся, то для того, чтобы не дать возможности умирать имъ безъ покаянія и причащенія, архипастырю оставалось всѣми силами стараться о распространеніи единовѣрія, которое въ будущемъ, по его убѣжденію, обѣщало преобразиться въ православіе. А что такое убѣжденіе было у преосв. Аркадія, это видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Единовѣрческая церковь показала бы имъ (раскольникамъ) богослуженіе церковное, чрезъ которое приблизилось бы ихъ понятіе къ богослуженію въ церкви православной“ [1]),

1) Хр. Чт. 1890 г., т. I, стр. 658.

пишетъ онъ Коштугскому священнику Петру Мегорскому 5-го іюня 1857 г. Такимъ образомъ, по мнѣнію владыки, единовѣрческая церковь имѣетъ временное значеніе: она составляетъ переходную ступень между расколомъ и православіемъ. Да такъ и должно быть. Когда раскольники, а равно и единовѣрцы сами поймутъ и оцѣнятъ значеніе и смыслъ обряда, тогда не будетъ чувствоваться нужды и въ единовѣрческихъ церквахъ. Онѣ нужны только для невѣжества, которое благоговѣетъ предъ обрядомъ и не можетъ понять, что внѣ церкви нѣтъ спасенія; онѣ нужны, далѣе, для того, чтобы удобнѣе и легче пастырямъ Церкви вліять на раскольниковъ [1]). Аркадій Олонецкій весьма хорошо понималъ это временное значеніе единовѣрческой церкви и старался пользоваться ими, какъ воспитательнымъ средствомъ. Священниковъ къ единовѣрческимъ церквамъ онъ назначалъ съ величайшимъ разборомъ. На эти мѣста владыка выбиралъ лицъ, пользующихся уваженіемъ раскольниковъ, нерѣдко изъ нихъ же самихъ; съ ними онъ велъ особенно большую переписку и выяснялъ, какъ въ каждомъ данномъ случаѣ долженъ вести себя едино-

1) Хр. Чт. 1890 г., т. I, стр. 658, 349 –350.

вѣрческій священникъ [1]). Количество единовѣрческихъ церквей, устроенныхъ стараніями архіепископа Аркадія, нужно считать десятками [2]).

Въ выборѣ средствъ привлеченія раскольниковъ въ единовѣріе преосв. Аркадій вполнѣ принаравливался къ умственному состоянію этихъ послѣднихъ. Для людей темныхъ, необразованныхъ нужны не философскія, отвлеченныя доказательства, которыхъ они, пожалуй, и не поймутъ, а осязательныя, конкретныя основанія; имъ они скорѣе повѣрятъ, чѣмъ неумолимой логикѣ. Къ этого-то рода средствамъ и прибѣгалъ пр. Аркадій.

Зная неотразимое вліяніе богослуженія на простой народъ, архіепископъ Аркадій заботился, чтобы оно совершалось чинно, съ благоговѣніемъ. „Страстную и свѣтлую седмицы проведите, потщитесь провесть, сколь возможно съ большею назидательностію для ближнихъ и дальныхъ даниловскихъ жителей (раскольниковъ Данилова

1) Хр. Чт. 1889 г., I, 557, 563, II, 399—400, 403, 413, 414; 1888 г., I, 723—725; 1890 г. кн. 7—88, 121.

2) См. напр. Хр. Чт. 1889 г., I, 568, II, 398, 402, 406—7 и др.

монастыря)“ [1]), пишетъ онъ Даниловскому священнику Іоанну Ребольскому. „У васъ изъ прихожанъ можетъ образоваться порядочный хоръ церковный, говорится въ письмѣ къ Шустручскому св. Вас. Звѣроловлеву. Для Шустручскаго прихода пренеобходимо, чтобы и въ церкви богослуженіе, и въ домахъ молитвословія были отправляемы со всею точностію и съ благоговѣніемъ, для прихожанъ назидательнымъ“ [2]).

Весьма часто, убѣждая раскольниковъ того или другаго прихода присоединиться къ Церкви, или основать единовѣрческій приходъ, преосвященнѣйшій указывалъ имъ на примѣръ другихъ раскольниковъ, сдѣлавшихъ это. Наприм., въ письмѣ Даниловскому священнику Іоанну Ребольскому проситъ передать Стеоану Ивановичу, большаку Даниловскаго монастыря, что раскольники Гуслицъ (недалеко отъ Москвы) обратились къ Церкви и приводитъ слова послѣдняго бѣглаго священника на Рогожскомъ кладбищѣ о. Ермолова, публично, въ молельнѣ признавшаго расколъ заблужденіемъ, поддерживаемымъ интриганами [3]). Или, обра-

1) Хр. Чт. 1889 г., т. 1, стр. 559.
2) Хр. Чт. 1888 г., т. II, стр. 188.
3) Хр. Чт. 1889 г., т. I, стр. 548—549.

щаясь къ столпамъ раскола— поморцамъ, онъ говорилъ: „На Вытегорскомъ погостѣ и на Волосовѣ открыты единовѣрческіе приходы. Слышите-ли дѣла Божія сѣдящіе во тмѣ Даниловской и сѣни Лексинской смерти?“ [1]) Понятно, въ какомъ благопріятномъ смыслѣ должно было подѣйствовать сообщеніе владыки объ обращеніи напр. расколоучителей на темную массу раскольниковъ.

О каждомъ чѣмъ-либо замѣчательномъ современномъ событіи архіепископъ Аркадій сообщалъ чрезъ пастырей раскольникамъ, съ приличнымъ назиданіемъ. Напр., разсказывая о. Ребольскому объ открытіи мощей св. Тихона Задонскаго и объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, онъ, обращаясь къ раскольникамъ, восклицалъ: „Нынѣшнее время—антихристово-ли время?.. Такія явленія могутъ быть только въ царствѣ Христовомъ“ [2]). Пожаръ, случившійся въ Даниловѣ на 16 сентября, трактовался преосв. Аркадіемъ, какъ наказаніе Божіе за упорство раскольниковъ [3]).

Наконецъ, нельзя не сказать нѣсколькихъ

1) Хр. Чт. 1889 г., т. I, стр. 568.
2) Хр. Чт. 1889 г., т. I, стр. 551.
3) Ibid. 554—555.

словъ и о томъ, какъ смотрѣлъ Аркадій Олонецкій на миссіонерство въ собственномъ смыслѣ и на сколько считалъ нужнымъ пользоваться имъ въ борьбѣ съ расколомъ. Что архипастырь признавалъ пользу за собесѣдованіями съ раскольниками—это несомнѣнно, такъ какъ онъ обращался къ св. Синоду съ ходатайствомъ открыть въ Олонецкой епархіи четыре миссіонерскихъ округа. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что онъ признавалъ пользу *только извѣстныхъ* собесѣдованій и *только съ извѣстными* раскольниками. „Бесѣдовать съ раскольниками (должно) не кратко, а днями свои бесѣды съ ними, опредѣляя: тогда и впечатлѣнія убѣжденій и вразумленій терпѣливыхъ и кроткихъ будутъ дѣйствительнѣе“ [1]). „Чѣмъ кротчае, радушнѣе, терпѣливѣе будете бесѣдовать и съ ними (раскольниками) и съ истинными сынами св. Церкви, тѣмъ успѣшнѣе будете дѣйствовать на нихъ, располагая ихъ къ слушанію объясненій, вразумленій, наставленій вашихъ“ [2]). „Не кстати упомянулъ ты о

1) Хр. Чт. 1890 г., кн. 7—8, стр. 105. Письмо къ миссіонеру Мегорскому.

2) Хр. Чт. 1888 г., т. II, 194. Письмо Кажемскому свящ. В. Звѣроловлеву, отъ 2 іюля 1860 г.

единоперстіи коптовъ—неосторожно: ты указаніемъ на обычаи коптовъ выказалъ неуваженіе къ себѣ и къ раскольникамъ,—т. е. и къ трехперстію и двуперстію"...[1]) „Во всемъ соблюдайте скромность, мѣрность, разсчетливость, благоразуміе" [2]). „Въ комъ нѣтъ вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа, въ Его святое евангеліе, тотъ никакой книги не уважитъ, которая покажетъ ему обличеніе неправды его"[3]). Въ письмахъ къ миссіонеру Мегорскому владыка часто совѣтуетъ ему вести бесѣды преимущественно съ расколоучителями. Такимъ образомъ, продолжительность собесѣдованій, необходимая для основательнаго изученія предмета, любовь миссіонера къ заблуждающимся, устраняющая раздражительность собесѣдниковъ и сообщающая бесѣдамъ мягкій, миролюбивый характеръ, благоразуміе и осторожность, недопускающая поводовъ къ различнаго рода придиркамъ, а со стороны заблуждающагося собесѣдника—жажда познанія истины, возбуждаемая живою вѣрою во Христа и сравнительная развитость, спо-

1) Хр. Чт. 1890 г., I. 640. Пис. къ Мегорскому.

2) Ibid. кн. 7—8, стр. 111. Пис. Ему-же.

3) Хр. Чт. 1890 г., кн. 7—8, стр. 114. Письмо ему-же, отъ 15 дек. 1861 г.

собная понимать христіанское ученіе и взвѣшивать основанія, приводимыя въ доказательство его—вотъ непремѣнныя условія того, чтобы собесѣдованія сопровождались какими-либо полезными результатами. Какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, собесѣдованія приносятъ непосредственную пользу лишь болѣе или менѣе развитымъ раскольникамъ, которые одни собственно и могутъ бесѣдовать съ миссіонеромъ о предметахъ вѣры. Но это не значитъ, чтобы благополучный исходъ ихъ не отражался такъ или иначе и на массѣ раскольниковъ. Сравнительнымъ развитіемъ среди раскольниковъ обладаютъ обыкновенно расколоучители пользующіеся необыкновеннымъ вліяніемъ на всѣхъ заблуждающихся. Разувѣрить или, по крайней мѣрѣ, поколебать такого столпа въ его убѣжденіяхъ—почти тоже, что поколебать всѣхъ раскольниковъ данной мѣстности. На основаніи всего сказаннаго о собесѣдованіяхъ, я рѣшаюсь сдѣлать заключеніе, что преосв. Аркадій признавалъ ихъ значеніе потому, что считалъ расколъ заблужденіемъ, поддерживаемымъ расколоучителями, которые, въ силу своей сравнительной развитости, имѣли громадное вліяніе на невѣждъ-простецовъ. Вводя собесѣдованія, вла-

дыка примѣнялся съ одной стороны къ духовно-нравственному состоянію раскольни ковъ, а съ другой—проводилъ въ жизнь свою завѣтную идею—искорененіе раскола посредствомъ просвѣщенія.

Такъ самоотверженно трудился Аркадій, архіепископъ Олонецкій и Петрозаводскій, для блага своей паствы. Весь смыслъ своей жизни и дѣятельности онъ полагалъ въ томъ, чтобы сколько-нибудь поднять религіозно-нравственное состояніе Олонецкихъ жителей. И нужно сказать, что онъ многаго достигъ. Единовѣрческія церкви, церковно-приходскія школы начинали при его жизни приносить обильный плодъ: обращенія въ православіе и единовѣріе стали повторяться чаще и чаще, между тѣмъ, какъ совращенія въ расколъ сокращались. Архипастырь долженъ былъ сознавать, что все это произвела его практическая мудрость, умѣвшая все во-время подмѣтить, во время исправить. На сколько чутокъ былъ архіепископъ Аркадій ко всему, что имѣло хотя бы самое отдаленное отношеніе къ его любимой паствѣ, видно изъ слѣдующаго письма, имѣющагося у меня [1]). Письмо это гласитъ слѣ-

1) Письмо это, крайне неразборчиво написанное

дующее: „О. іерей и Благочинный, П. С—чь! [2]). Руководствуетесь ли вы сборникомъ документовъ, изъясняющихъ отношеніе латино-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности, охраняя свою паству и свой благочинническій округъ??

Осмотритесь, внимайте".

А. А. Олонецкій.

№ 893.
5 октября 1865 г.

Не знаю, какъ могла попасть латино-польская пропаганда въ Олонецкую губернію?! Какъ-бы то ни было, приведенное сейчасъ письмо имѣетъ весьма важное значеніе для характеристики незабвеннаго Олонецкаго архипастыря. Оно ясно свидѣтельствуетъ о тѣхъ глубокихъ думахъ о своей паствѣ, какими постоянно преисполнена была душа преосв. Аркадія; о той тѣснѣйшей нравственной связи, въ какой онъ находился съ Олончанами за все время своего святительства; оно доказываетъ, наконецъ,

---

рукою самаго пр. Аркадія, я получилъ отъ одного бывшаго Олонецкаго священника. Оно будетъ отдано въ ред. Хр. Чт.

2) Петръ Семеновичъ Старцевъ, священникъ ор. Лодейнаго-поля.

что мудрый владыка умѣлъ бороться не только съ наличнымъ врагомъ, но также энергично готовъ былъ встрѣтить съ вѣрнымъ оружіемъ въ рукахъ и всякаго новаго благоразумно предусмотрѣннаго имъ врага.

(*Перепечатано изъ № 101—1891 г. и №№ 2—3—1892 г. Олон. Губ. Вѣд.*)

Петрозаводскъ. Въ Губ. Тип. 1892.

Остатки старины въ гаданьяхъ Олонецкаго края.

Хранить преданья старины глубокой, держать завѣтъ отцовъ и дѣдовъ — вотъ что составляетъ одно изъ главныхъ, основныхъ правилъ семейной жизни сельскаго простолюдина. Вѣка и событія, измѣнявшія русскую жизнь и обновлявшія понятія людей, исполнявшихъ общественныя должности по городамъ, а также людей промышленныхъ, разъѣзжавшихъ по разнымъ сторонамъ, мало повліяли на бытъ и понятія людей сельскихъ, замкнувшихся въ кругу своей семьи. Вотъ отчего въ простыхъ разсказахъ поселянъ всегда слышатся воспоминанья о старой русской семейной жизни; вотъ отчего въ нашихъ сельскихъ пѣсняхъ такъ сладко поется о родинѣ и предкахъ; вотъ отчего въ нашихъ думахъ съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ передается о дѣлахъ дѣдовъ и прадѣдовъ; вотъ отчего гордо воспѣваются олицетворенные богатырскою отвагою побѣдные берега историческихъ рѣкъ: Дона, Дуная, Волхова, Волги; вотъ отчего, наконецъ, ревниво оберегаются и свято сохраняются даже тѣ порядки и обычаи, которые пришли къ намъ изъ чужой земли.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы разумѣемъ наши гаданья, большинство которыхъ подарила намъ сѣдая языческая древность. Мы постараемся указать на тѣ изъ гаданій нашего края, которыя заимствованы отъ временъ языческой старины и въ которыхъ почти не видно слѣдовъ самобытнаго русскаго творчества.

1) *Гаданіе въ зеркалѣ.*

Въ тайныхъ сказаніяхъ древнихъ грековъ сохранилось извѣстіе о такъ-называемой „катоптромантіи“ *) или гаданіи по зеркалу. Къ этому способу гаданія прибѣгали греки для опредѣленія исхода болѣзни.

Ѳессалійскіе чародѣи на зеркалѣ кровью писали отвѣты на предлагаемые имъ вопросы.

У насъ этотъ способъ гаданія практикуется въ слѣдующемъ видѣ.

Временемъ гаданья избирается глубокая святочная полуночь. На столѣ ставится большое зеркало, а маленькое гадательница беретъ въ руки и садится окруженная свѣчами противъ большаго зеркала. Гадательница думаетъ, что ея суженый, вызванный этимъ гаданіемъ, приходитъ въ гадательную комна-

*) Катапотрос—зеркало, мантеіа—предсказаніе.

ту и смотритъ въ зеркало чрезъ плечо своей суженой. Самымъ важнымъ моментомъ въ этомъ гаданіи считается произнесеніе словъ: „суженый, ряженой, покажись мнѣ въ зеркало". Если гаданіе удачно, то этотъ суженый, по увѣренію гадальщицъ, дѣйствительно является и дѣвица всегда имѣетъ возможность въ данномъ случаѣ разсмотрѣть всѣ черты лица, платья и другія примѣты своего суженаго.

2) *Гаданіе на воскъ.*

И этотъ способъ гаданія перешелъ къ намъ отъ грековъ. У нихъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *кероманті* (керос—воскъ и мантеіа—предсказаніе). Греческіе предсказатели къ этому способу гаданія прибѣгали въ особенно важныхъ случаяхъ и употребляли его для лицъ высшаго класса, произнося свои заключенія по формѣ отлившихся фигуръ.

У насъ гаданіе на воскѣ совершается слѣдующимъ образомъ. Растопленный воскъ, обыкновенно, вливаютъ въ стаканъ съ холодною водой. По образовавшимся восковымъ фигурамъ дѣлаются тѣ или другія заключенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего края существуютъ особенныя спеціалистки этого

гаданія. Въ длинные святочные вечера они переходятъ изъ дому въ домъ и предлагаютъ молодымъ дѣвушкамъ услуги своего ремесла.

3) *Гаданіе посредствомъ кольца.*

Гаданіе посредствомъ кольца, извѣстное у грековъ подъ именемъ *дактиломантіи* *), употреблялось преимущественно для военныхъ цѣлей: для узнанія силы врага и результатовъ войны. Производилось оно слѣдующимъ образомъ: обыкновенно приготовлялся круглый столъ, исписанный по краямъ буквами. Затѣмъ на нитку привѣшивалось кольцо и раскачивалось надъ приготовленнымъ столомъ. Буква, надъ которой останавливалось кольцо, записывалась на особый листокъ и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не получалось цѣлое слово, служившее отвѣтомъ на задуманный интересующій вопросъ.

Къ намъ этотъ способъ гаданія перешелъ въ измѣненномъ видѣ. Молодая дѣвица беретъ чайное блюдцо или тарелку, посыпаетъ его пепломъ, на который ставитъ стаканъ съ водою. Въ стаканъ опускаетъ свое кольцо и начинаетъ смотрѣть въ него съ полнымъ

*) Дактилос—палецъ, мантеіа—предсказаніе.

вниманіемъ. Увѣряютъ, что въ кольцѣ, послѣ долгаго и внимательнаго смотрѣнья, показывается „суженый".

4) *Гаданіе на псалтырѣ.*

Способъ гаданія на псалтырѣ перешелъ къ намъ съ запада. Шмидтъ, въ своей исторіи о германцахъ, упоминая о соборѣ епископа Бурхгарда, приводитъ вопросные пункты о гаданіи на псалтырѣ Отсюда ясно, что этотъ способъ гаданія не составляетъ изобрѣтенія русской жизни.

Какъ совершалось гаданье по этому способу на западѣ, намъ ничего не извѣстно. У насъ же оно совершается въ такомъ видѣ. По произволу они открываютъ псалтырь и читаютъ открывшіяся строки. Послѣ чтенія, начинается толкованіе. Если въ прочитанныхъ строкахъ содержатся слова: „радость, веселіе, добро" и т. п., то это считается за хорошій знакъ. Если же, наоборотъ, въ открывшихся строкахъ упоминается „о плачѣ, скорби, слезахъ, болѣзни, воздыханіяхъ" и т. п., то это принимается за дурной знакъ и предвѣщаетъ горе и бѣдствія.

5) *Птицегаданіе.*

Въ древнемъ мірѣ были извѣстны такъ

называемые *авгуры* — птицегадатели. Они предсказывали будущее по полету птицъ и по клеванію курами зеренъ, а также прислушивались къ крику птицъ. Крики ворона, вороны, пѣтуха и совы были предвѣстниками бѣдствій. Быстрый полетъ орла и коршуна считался хорошимъ предзнаменованіемъ. По клеванію зеренъ курами судили о результатахъ войны.

Этотъ способъ гаданія перешелъ къ намъ со многими измѣненіями. Въ святочный вечеръ одна изъ дѣвицъ собираетъ къ себѣ своихъ подругъ. Каждая изъ нихъ беретъ себѣ горсть крупы или овса и кладетъ его предъ собою. Это же дѣлаетъ и каждая изъ собравшихся дѣвицъ и при томъ такъ, что изъ положенной ими на полъ крупы образуется кругъ. Вслѣдъ засимъ изъ курятника приносятъ *пѣтуха* и помѣщаютъ его въ кругъ. Та дѣвица, крупу которой начинаетъ клевать принесенный пѣтухъ, должна считать себя счастливѣе прочихъ, она-де первая изъ собравшихся выйдетъ замужъ.

6) *Гаданіе на яицахъ.*

Этотъ родъ гаданія въ древнемъ мірѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ „*Ооскопіи*"

(Оон – яйцо, скопіо – смотрю). Къ „ооскопіи“ или гаданью на яицахъ прибѣгали древнія греческія женщины, чтобы узнать, какого пола младенецъ родится отъ нихъ. Производилось это гаданіе слѣдующимъ образомъ: беременная женщина вынимала изъ-подъ насѣдки яйцо, разбивала его и смотрѣла — какого пола зародышь, такого пола должно быть и будущее дитя.

У насъ этимъ гаданіемъ занимаются дѣвицы, для узнанія своей будущей судьбы. Гадаютъ такимъ образомъ. Берутъ стаканъ холодной воды и распускаютъ въ немъ яичный бѣлокъ. При этомъ внимательно слѣдятъ за образованіемъ отлившейся въ водѣ фигуры и по ней то и судятъ объ ожидающей ту или другую дѣвицу судьбѣ.

7) *Гаданіе на водѣ.*

Этотъ способъ гаданія былъ извѣстенъ во всемъ древнемъ мірѣ. Греческіе мантики дѣлали иногда свои предсказанія по движенію и цвѣту воды. И это у нихъ называлось „гидромантіей“ *). Въ чемъ состоялъ этотъ способъ гаданія, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній подъ руками. Въ нашемъ краѣ къ водогаданію прибѣгаютъ, по боль-

*) Идор – вода, мантеіа – предсказаніе.

шей части дѣвушки во время святокъ. Для этого избирается тихая лунная ночь. Собравшись вмѣстѣ, дѣвицы идутъ на прорубь озера или рѣки. Здѣсь онѣ усаживаются и внимательно смотрятъ въ воду. Дѣвица, которой суждено выйти въ слѣдующій годъ замужъ, увидитъ своего суженаго въ проруби.

Существуетъ еще и другой способъ гаданія на водѣ. Наливаютъ въ чашку воды и относятъ ее на морозъ. Сколько на образовавшемся льду образуется пузырьковъ, столько родится у дѣвицы, по выходѣ ея въ замужество, сынковъ, а сколько ямокъ,—столько дочекъ. Этотъ послѣдній способъ гаданія особенно распространенъ въ селѣ Пагаченицахъ.

А. П. Надежинъ.

(Перепеч. изъ № 95 Олон. Губ. Вѣд. 1889 г.)

Петрозаводскъ. Въ Губ. Типографіи. 1889

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

—

Присловья, примѣты, обычаи, заговоры и вѣрованія простаго народа въ Вытегорскомъ уѣздѣ.

(Воспоминанія изъ поѣздки на родину.)

Всякій, я думаю, испыталъ чувства особеннаго удовольствія при загородныхъ прогулкахъ въ весеннюю и лѣтнюю, благопріятную погоду; но несравненно пріятнѣе бываютъ поѣздки по такимъ мѣстамъ, какъ напримѣръ, живописное Заонежье, или—на богомолье въ одну изъ болѣе или менѣе уединенныхъ обителей нашего Олонецкаго края, или вообще, въ какую-либо новую—незнакомую мѣстность. Однако, нѣтъ, кажется, сильнѣе удовольствія, какъ поѣздка въ такое время на родину—въ деревню, въ дорогія, по воспоминаніямъ, мѣста,—туда, гдѣ когда-то проводилъ свое дѣтство; нѣтъ ничего пріятнѣе свиданія съ родными и знакомыми. Въ это время, отъ вліянія ли, иной природы, отъ новыхъ ли впечатлѣній

получаемыхъ въ поѣздкѣ,—или отъ другого чего,—дѣлаешься совершенно обновленнымъ, свѣжимъ человѣкомъ,—бываешь въ особенно пріятномъ расположеніи духа. Предметы, на которые прежде смотрѣлъ безучастно, теперь невольно заставляютъ пристальнѣе всматриваться въ нихъ; звуки, къ какимъ ранѣе не прислушивался и которые прежде пропускалъ мимо ушей, теперь привлекаютъ вниманіе и тоже заставляютъ вслушиваться. Не роскошная природа, не окружающія красоты заставляютъ испытывать такое наслажденіе,—нѣтъ, а угрюмая сѣверная природа, наши дикіе лѣса, деревни въ глуши, раскинутыя другъ отъ друга на десятки верстъ, видъ деревенскихъ избенокъ, къ которымъ привыкъ съ дѣтства,—вотъ что нравится и увлекаетъ!

Такія-то ощущенія испытывалъ я во время своей поѣздки (въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года) на родину, въ с. Е..., находящееся въ одномъ изъ глухихъ, отдаленныхъ уголковъ Вытегорскаго уѣзда.

—

Изъ гор. Петрозаводска путь мой лежалъ Онежскимъ озеромъ въ с. Намойные-пески, или, такъ называемую, Вознесенскую пристань,—этотъ важный пунктъ Маріинской

водной системы — и, затѣмъ, Онежскимъ каналомъ — въ г. Вытегру. Ни въ одномъ городѣ обширной Олонецкой губерніи не проявляется такой кипучей дѣятельности русскаго человѣка, въ теченіе навигаціи, какъ въ этихъ двухъ торговыхъ пунктахъ (Вознесеньѣ и Вытегрѣ), расположенныхъ при Маріинской системѣ. Каждогодно сотни и тысячи судовъ съ обильными дарами благословеннаго приволжья плывутъ въ Петербургъ,—нашу сѣверную столицу. Для любознательнаго наблюдателя народныхъ нравовъ здѣсь представляется обильный источникъ: сколько тутъ происходитъ занимательныхъ сценъ у судорабочихъ, пришлыхъ изъ другихъ мѣстностей нашей матушки-Руси! Сколько можно услышать самородныхъ, чисто русскихъ остротъ и поговорокъ!

Въ 7-ми верстахъ отъ г. Вытегры дорога съ почтоваго тракта круто поворачиваетъ на югъ и идетъ уже просѣлкомъ. Минуя деревни и поля В.....го погоста, она понемногу углубляется въ лѣсъ, который чѣмъ дальше, чѣмъ становится гуще: стѣнами стоитъ онъ по обѣ стороны извилистой дороги, которая такою глушью идетъ до самаго села Е... Иногда видишь сваленныя бурей громадныя деревья, упавшія подлѣ

дороги, которыя, кстати сказать, тутъ и гніютъ, не принося никакой пользы. Для объѣзда ихъ, обыкновенно, приходится сворачивать въ сторону и пробираться лѣсомъ, что не совсѣмъ пріятно: того и смотри, что сукомъ выхлеститъ глазъ, либо выброситъ изъ телѣги, когда колесо наѣдетъ на пень срубленнаго дерева; приходится—то подниматься въ гору, то опускаться въ оврагъ; попадаются бурливыя рѣчки, чрезъ которыя надо со страхомъ переѣзжать по перекинутымъ мостикамъ, едва, едва держащимся отъ ветхости, ежеминутно опасаясь провалиться въ воду. Занятый своими думами, тихо подвигался я впередъ, временами любуясь дикимъ величіемъ окружающей природы. Стали, наконецъ, показываться и признаки близкаго жилья: мельчалъ и рѣдѣлъ лѣсъ, чаще попадались распаханныя нивы, слышны уже были раздававшіяся въ лѣсу заунывныя пѣсни рабочаго люда; показались родныя поля, блеснуло вдали озеро, вокругъ котораго виднѣлись кое-гдѣ почернѣвшія избы мужичковъ. Вотъ, наконецъ, и близкая моему сердцу деревня и при ней сельская деревянная церковь, съ блиставшими на солнцѣ крестами.

Съ радостными чувствами вступилъ я въ

родную деревню. Она была почти пуста, такъ какъ время еще было не позднее и народъ былъ на работѣ. Къ вечеру она начала оживляться отъ возвращавшихся мало-помалу съ работы поселянъ и поселянокъ: съ рѣпой, ягодами и грибами въ кошеляхъ и кузовахъ.

—

Прекрасная погода, стоявшая почти въ продолженіе всего сентября мѣсяца, невольно манила меня на улицу и въ лѣсъ *), такъ что цѣлые *дни* недолгаго моего пребыванія на родинѣ (около 3 недѣль) проходили постоянно въ прогулкахъ по полямъ и знакомымъ мѣстамъ въ лѣсу, въ катаньѣ по озеру и охотѣ—съ ружьемъ и рыбной ловлѣ: сѣтями—самоловками, неводомъ и мутникомъ. *Вечера* же проводилъ я въ бесѣдѣ съ родными и сосѣдями, которые приходили покалякать кой о чемъ и поинтересоваться городскими новостями. Иногда и самъ пойдешь на „бисёду“ къ сосѣду-мужичку, куда обыкновенно собирались чуть не со всей деревни не только мужички, но и бабы съ грудными ребятами. Сколько

*) Примѣта, что „бабье лѣто“ (въ сентябрѣ) бываетъ всегда хорошее, въ прошломъ, 1891 г., вполнѣ оправдалась.

тутъ бывало розсказней! Слышалъ я, напр., разсказы про нечистую силу, про лѣшаго, водянаго и про людей, съ которыми случалось что-либо замѣчательнаго на охотѣ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ и т. под. Не мало пришлось слышать во время этихъ разсказовъ разныхъ прибаутокъ, узнать примѣтъ любопытныхъ, обычаевъ и народныхъ повѣрій! Кое-что изъ слышаннаго мнѣ удалось записать.

Желая, по возможности, принести посильную дань изученію быта нашего крестьянина, я счелъ не безъинтереснымъ подѣлиться съ читателями своими наблюденіями, помѣстивши ихъ на страницахъ мѣстнаго органа.

—

Присловья и поговорки.

Когда кто-либо изъ посторонних входитъ въ домъ, то привѣтствуетъ хозяевъ такъ: „целомъ здорово, вси крещёны!“ Ему отвѣчаютъ: „поди-тко-приходи“; а если не одинъ —„подьте—приходите!“ Если въ это время обѣдаютъ, или, вообще ѣдятъ, то прибавляютъ: „хлѣбъ да соль!“ „Хлѣба ись (ѣсть)“, отвѣчаютъ.

Если хозяйничаютъ, т. е. „стряпаютъ“ — пироги пекутъ, хлѣбы валяютъ и т. д., то входящій въ домъ говоритъ хозяйкѣ „спорынья въ квашню!“ (спорка—спориться).

Когда пекутъ блины, то входящіе въ домъ приговариваютъ различно, смотря по тому, кто печетъ блины: *старуха*—то говорятъ: „сарафанъ теби красной, мни-ка блинъ съ масломъ!“ *Молодая женщина*: „пецѣюшкѣ сынокъ да доцька, а мни два блиноцька!“ *Дѣвица*: „пецѣюшкѣ женишокъ, а мни-ка блинокъ!“ Отвѣтомъ всегда служитъ приглашеніе присѣсть къ блинамъ, т. е. покушать ихъ.

Когда уходятъ изъ дому, то хозяевамъ говорятъ: „къ намъ!“ „Выходимъ“ или „ваши гости“—отвѣчаютъ. О масляницѣ же всегда приглашаютъ къ себѣ въ гости словомъ „покататься“: „когды, сватъ, кататься-то къ намъ?“ (т. е. когда пріѣдешь къ намъ въ гости?)

При доеньи коровы проходящіе мимо говорятъ: „море подъ корову“ (чтобы больше молока давала корова). „Сто рублей въ мошню“ (кошелекъ), отвѣчаетъ доельщица.

Попутчику въ дорогѣ говорятъ: „Богъ по пути!“. Работаетъ кто—„Божья помощь!“

Когда женщина *ткетъ ставъ* *), то приходящій въ это время говоритъ ей: „што ткёшь, то хочется!“ (любимое занятіе у женщинъ). Иной скажетъ въ шутку (чаще всего—дѣвушкѣ): „што ткёшь, то рвётся“; шутника, разумѣется, выбранятъ за такое привѣтствіе, а иногда бываетъ, что и попросятъ подладить ставъ, если то сказала женщина и видятъ, что она понимаетъ въ этомъ дѣлѣ.

Когда въ баню приходятъ, то говорятъ находящимся тамъ: „пàру въ баню!“

Бѣлье жещина моетъ, говорятъ: „бѣленько!“—Лёнъ *мнутъ*, *броснутъ* **), треплютъ, чешутъ,—говорятъ: „шелкъ вамъ въ руки, а кýрева (кострика) въ поле!“ Прядутъ лёнъ:—„тоненько“, т. е., чтобы нитки тоньше прялись.

Въ головѣ ищутъ, говорятъ: „моръ нà вши!“ Только за такую работу искательницамъ вшей „спасибо“ никогда не говорятъ.

—

*) Т. е. ткетъ холстъ или что-либо другое.

**) См. Губ. Вѣд. за 1891 г. №№ 61 и 64.

Примѣты и обычаи.

По замѣчаніямъ старожиловъ, относительно предузнаванія *погоды*, можно придти къ тому заключенію, что, вообще, они дѣлятъ годъ на два времени: на теплое и холодное. Они говорятъ, напр., что „по зимѣ бываетъ лѣто“. Если зима была тихая и морозная, то и лѣто будетъ теплое и „красовитое“, съ сильными жарами, и наоборотъ, если зима съ сильными вьюгами—безъ морозовъ—и лѣто будетъ пасмурное, вѣтряное и дождливое. Замѣчается у нихъ также параллель между погодой мѣсяцевъ зимы и лѣта. Такъ, декабрьскіе морозы соотвѣтствуютъ теплу въ іюлѣ; февральскія вьюги предвѣщаютъ бурный, вѣтряный сентябрь и т. д. Вообще мѣсяцы: февраль—сентябрь, мартъ октябрь—худшіе въ отношеніи погоды изъ всѣхъ мѣсяцевъ года. По примѣтамъ ихъ, даже число дней въ году тихихъ и ясныхъ соотвѣтствуетъ числу дней пасмурныхъ и вѣтреныхъ. А нѣкоторые опытные старички такъ, по извѣстнымъ имъ однимъ примѣтамъ, угадываютъ, какой лучше хлѣбъ уродится на будущій годъ. Хотя, съ одной стороны, трудно повѣрить такимъ, повидимому, ни на чемъ не основаннымъ примѣтамъ, но, съ другой—онѣ иногда и сбы-

ваются, такъ что по-неволѣ приходится давать имъ вѣру и человѣку съ нѣкоторымъ образованіемъ. Удивительно-ли послѣ этого, что простой деревенскій людъ твердо убѣжденъ въ вѣрности примѣтъ и во всѣхъ почти своихъ поступкахъ руководствуется ими, ссылаясь на опытъ стариковъ: „старики", говорятъ", примѣчали,— старики говаривали". Въ частности существуютъ еще такіе примѣты о погодѣ.

Если въ великій четвергъ бываетъ морозъ (утренній заморозокъ), то впереди, т. е. весной, жди еще такихъ сорокъ морозовъ. Старики въ прежнее время, послѣ каждаго утренника, начиная съ великаго четверга, клали, для памяти*), камешокъ куда-нибудь въ укромное мѣстечко и по наложеннымъ камешкамъ, по окончаніи весны, считали — выполнилось ли сорокъ заморозковъ. Недостающее количество морозовъ до 40 непремѣнно, по ихъ убѣжденію, пополнится ранней осенью, т. е., по народному календарю,—въ началѣ августа (Ильинъ день считается осеннимъ праздникомъ).

Весенняя дорога, говорятъ, или не достоитъ недѣли до Благовѣщенья, или пере-

*) Такъ какъ грамотныхъ почти не было.

стоитъ недѣлю послѣ него,—это значитъ, что если весенняя дорога не спадетъ за недѣлю до Благовѣщенья, то она и послѣ Благовѣщенья выстоитъ недѣлю.

Раннее тепло весной—къ холодамъ; „раннему теплу весной не радуйся", говорятъ.

Гуси полетятъ осенью въ *теплу сторону*—„рянда" будетъ, т. е. слякоть и дождь; лебеди полетятъ,—„на крыльяхъ снѣгъ принесутъ", т. е. скоро установится зима.

Если громъ бываетъ въ сентябрѣ—поздній громъ, то осень будетъ продолжительная и теплая.

Тетерева весной долго не „гуърандаютъ", значитъ, еще холодъ будетъ.

Табакъ, соль отсырѣютъ: лѣтомъ—къ дождю, зимой—къ оттепели.

Собака катается и хватаетъ траву—къ ненастной погодѣ лѣтомъ, а зимой—къ теплу.

Если во время дождя лѣтомъ встаютъ на водѣ пузыри („бульбушки"—по мѣстному выраженію), то будетъ ещѣ больше дождя.

Ласточки купаются въ водѣ или летаютъ низко—къ дождю.

Если лѣтомъ сильно „пàритъ“—будетъ гроза большая.

Солнце сядетъ въ тучу или въ облако—на другой день будетъ дождь.

Дымъ изъ трубъ ложится къ землѣ въ тихую погоду—къ ненастной погодѣ, къ верху встаетъ—къ вёдру и ясной погодѣ.

Если въ рѣкѣ или озерѣ выступитъ зимой *наслузъ* *), то будетъ тепло.

Если уголь у горящей лучины зимой бываетъ длинный, долго не отламывается, то будетъ тепло долго.

Гагара кричитъ—„завòетъ“—къ дождю.

Если „сйверикъ“ (сѣверный вѣтеръ) дуетъ день, то обыкновенно продолжаетъ дуть или три дня, или шесть, или девять дней.

Старые люди почувствуютъ тяжесть въ тѣлѣ (заболѣютъ)—къ перемѣнной и непремѣнно худой погодѣ.

Если въ ночь на св. Каллиника (29 іюля) утренника не будетъ, т. е. не заморозитъ, то не будетъ его и на св. Луппа (23 августа) „Калина не закалитъ, и Лупа не залупитъ“.

—

*) Вода, выступившая поверхъ льда.

При *посѣвѣ* ржи существуютъ такого рода примѣты. Если поспѣла свѣжая рожь—„новь“, то въ то лѣто и сѣять паренину (паровыя поля) нужно непремѣнно новью; тогда, будто бы, урожай ея будетъ хорошъ, въ противномъ случаѣ, т. е. если новь не поспѣла, то предпочтеніе отдается „стари“ (прошлогодней ржи). Примѣчаютъ, что лучшая рожь родится тогда, когда она посѣяна на такъ называемой „середней“ недѣлѣ (между Петровымъ днемъ—21 іюня и Ильинымъ днемъ—29 іюля). Примѣчаютъ также по появленію муравьевъ (около Ильина дня), извѣстныхъ подъ названіемъ „сѣвныхъ“ (летучихъ), что посѣвъ въ это время даетъ тоже хорошій урожай, хотя и плоше, сравнительно съ посѣвомъ „средней“ недѣли.

Когда бросаютъ сѣмена въ распаханную землю, то слѣдятъ, какъ упадетъ зерно; если оно „пляшетъ“, какъ выражаются, т. е. отскакиваетъ отъ земли, то на той полосѣ будетъ хорошій урожай, а если зерно упадетъ „коломъ въ землю“, то тутъ уже или плоха будетъ рожь или овесъ, или и совсѣмъ ничего не выростетъ.

Пахать навозную землю—паренину по пятницамъ каждой недѣли вплоть до 9-й пятницы (Ильинской) считается грѣхомъ

(счетъ пятницъ ведется отъ вёшнаго Николы—9 мая). Лёсныя нивы пахать и въ пятницу—не грѣхъ.

Если весна сухая и вѣтреная, то нужно, говорятъ, тогда на сѣмена брать овёсъ сыромолотный, т. е. не сушеный на овинѣ; въ сырую же и дождливую весну—овинный, т. е. сушеный на овинѣ.

Весной, при первомъ уловѣ рыбы, примѣчаютъ у щуки „майку“ (печень—максу): если у майки толще тотъ конецъ, который къ головѣ, то къ хорошему урожаю яроваго хлѣба; напротивъ, если толще къ хвосту—къ худому урожаю.

Если лѣсъ о святкахъ обильно покрытъ снѣгомъ—„охитью“, то урожай хлѣбовъ будетъ хорошій, или, какъ говорятъ: „святки кўнны, и хлѣба кўнны“.

На ольхѣ шишекъ останется къ зимѣ много,—къ обильному урожаю гороха.

Если рябины уродится мало или совсѣмъ не уродится, то рожь будетъ примолотна, хотя бы видомъ уродилась и не особенно хороша (рѣдка); (въ минувшемъ году эта примѣта вполнѣ оправдалась).

Если зимой бываютъ большіе „сумёты" (сугробы) снѣгу—то къ урожаю хлѣбовъ.

—

Чтобы медвѣдь не ѣлъ овса въ лѣсныхъ нивахъ, существуютъ такія примѣты: а) сѣмена на нивѣ просыпаютъ сквозь бересто; для этого выбираютъ кусокъ, въ аршинъ или менѣе, сгнившей березы, снимаютъ оттуда сгнившую древесину, отчего образуется нѣчто въ родѣ цилиндра, сквозь который и пересыпаютъ сѣмена; б) когда распахиваютъ ниву подъ овесъ, то въ послѣднюю борозду бросаютъ вицу, которою понукаютъ лошадь во время паханья и стараются въ послѣдній разъ проѣхать такъ, чтобы землей отъ сохи зарыло брошенную вицу; в) пока не окончатъ посѣва нивы, до тѣхъ поръ сами не ѣдятъ и лошади не кормятъ; при этомъ не вспоминаютъ медвѣдя, не берутъ овса голыми руками, не поютъ пѣсенъ, не смѣются; женщину-родильницу до 40-го дня не пускаютъ на ниву.

Для того, чтобы не воровали на нивахъ рѣпы и гороху, берутъ отъ холста, которымъ былъ покрытъ покойникъ, нитку *) и про-

*) На покрышку покойнику холста никогда не рѣжутъ, а рвутъ, отъ этого нитка и тянется, пока ее не оборвутъ.

тягиваютъ ее вокругъ рѣпища или гороховища со словами: „береги NN (имя покойника, котораго покрывали тѣмъ холстомъ, отъ котораго взята нитка) рѣпку (или горохъ), а кто придетъ, покажись покойникомъ". Говорятъ, что если кто пройдетъ на ниву чрезъ эту нитку, тому не выйти оттуда.

—

При началѣ жатвы на полосу берутъ икону съ божницы и каравай (мякушку) хлѣба. На полосѣ, обыкновенно женщина, помолясь на икону и церковь, если она видна, а то въ ту сторону, гдѣ стоитъ церковь, отжинаетъ первую пясть-горсть ржи и кладетъ къ иконѣ, а второю отжатою пястью опоясываетъ себя, чтобы, какъ увѣряютъ, во всё время жатвы не болѣла поясница—спина; приэтомъ приговариваютъ такія слова: „Пришли (жать) на постать *) 50 жнецовъ:

„Востры серпы,
Не усталы хребты!
Полосынька устрашись,
Въ крайчикъ уберись,
На снопы поворотись!"

*) Часть полосы, которая прожинается до самаго края; полоса дѣлится на нѣсколько такихъ постатей.

Послѣ этого начинаютъ жать. Икону же и первую сжатую пясть ржи кладутъ на божницу и хранятъ до перваго молоченья хлѣба. На первомъ же овинѣ эту пясть сушатъ вмѣстѣ съ прочимъ хлѣбомъ и молотятъ.

По окончаніи жатвы бываютъ отжинки: *ржаная* - по окончаніи жатвы ржи и *овсяная*—овса и жита. На первой—пряжатъ ржаные пироги и приглашаютъ ихъ ѣсть, по возможности, всѣхъ участниковъ въ жатвѣ, на второй—мѣсятъ на маслѣ толокно и варятъ жигную кашу—саламàту.

—

Примѣтъ при *охотѣ* безчисленное множество и онѣ передаются, такъ сказать, по наслѣдству: отъ отца къ сыну или ближайшимъ родственникамъ; постороннему же, даже не охотнику, и плохой охотникъ не рѣшается сообщать ихъ, опасаясь, что его охота будетъ тогда неудачна. Привожу то, что̀ удалось мнѣ по этому предмету узнать.

Чтобы выбрать хорошаго для охоты щенка, кладутъ его, еще слѣпого, на круглый стулъ—отрубокъ отъ дерева; если щенокъ не упадетъ со стула, то его берутъ ростить, въ надеждѣ, что изъ него выйдетъ „смекалистая“ собака.

Чтобы пріучить къ себѣ купленную собаку,—этого необходимаго спутника при охотѣ, особенно на бѣлку,—берутъ кусокъ хлѣба, обводятъ три раза вокругъ своего тѣла и кормятъ собаку. Или—плюнуть нужно собакѣ три раза въ ротъ со словами: „слюна въ тебя, а ты въ меня".

Полѣсникъ всегда старается уйти на охоту рано утромъ и тайкомъ, а когда идутъ охотиться на рябчиковъ, то съ непокрытой головой—безъ шапки, и такъ полѣсуютъ цѣлый день, не смотря ни на какую погоду,—„тогда, говорятъ, лучше летятъ рябы на „пйстегу" (свистокъ).

Если въ Покровъ дуетъ теплый вѣтеръ, то въ ту осень удача въ охотѣ будетъ, и птицъ будетъ больше обыкновеннаго.

Хорошій охотникъ не дастъ своего ружья въ руки постороннему, хотя бы посмотрѣть: „спортится".

Примѣчаютъ, что одно и тоже ружье не можетъ „идти" и на бѣлку, и на ряба, и на утку и т. д., а что оно способно на одно что-либо: или бьётъ бѣлку, то ряба не бьетъ, или утку, такъ утку уже одну и больше никого и т. д. Поэтому у порядочнаго (запрàвскаго) охотника всегда есть цѣл-

серія ружей: то „бѣлочьихъ“, то утиныхъ“, то „рябовьихъ“, хотя и нерѣдко перевязанныхъ ремешками и веревочками.

Если дуло (стволъ) ружья вымазать теплой кровью сороки, то оно „пойдетъ“ лучше.

Иногда съ ружьемъ случится „прикосъ“, т. е. порча его. Спортятъ же его другіе охотники „наговоромъ“, изъ зависти. Звѣрь, раненый изъ такого ружья, никогда не падетъ (указывали при этомъ много случаевъ такой охоты). Чтобы исправить его, т. е. снять „прикосъ“, нужно ружье промыть въ первой же попавшейся свѣжей водѣ,—„и тогда, говорятъ, прикосъ, какъ рукой, сниметъ“.

Если случится охотнику заблудиться въ лѣсу, то онъ старается узнать страны свѣта по деревьямъ, а менно: кора у деревъ, особенно сосновыхъ, на сѣверъ всегда тоньше, а на югъ—толще; сучьевъ на сѣверной сторонѣ меньше и они короче, на южной—толще и длиннѣе. Узнаютъ (страны) также и по муравейникамъ: они устраиваются муравьями преимущественно около толстыхъ пней и деревъ и непремѣнно на южной сторонѣ ихъ—на полденъ.

—

Когда сошьютъ неводъ, окуриваютъ его ладономъ—„кадятъ“, чтобы, какъ говорятъ, вся порча отошла, а когда его шьютъ, то стараются не смѣяться, не браниться, не шутить и проч. По окончаніи шитья катятъ въ неводъ мякушку хлѣба и если она закатится въ него прямо, то, по примѣтамъ, неводъ сшитъ удачно.

Когда идутъ на рыбную ловлю, не берутъ съ собой рыбника (пирогъ съ рыбой), въ противномъ случаѣ, будто бы, будетъ худой уловъ рыбы.

Боятся также встрѣчи съ сивой лошадью, злымъ или завистливымъ человѣкомъ.

На лѣсныя озера удить рыбу всегда уходятъ тайкомъ.

Если ловятъ неводомъ въ лѣсныхъ озерахъ, то перваго улова, т. е. рыбы съ первой тони, никогда не ѣдятъ тамъ и не продаютъ никому, а везутъ ее домой; въ противномъ случаѣ, рыба не будетъ хорошо ловиться. Опасаются также шумѣть, смѣяться: „рыба-де живетъ въ лѣсу, въ тиши, такъ тихо и ловить набъ“ (нужно).

Въ Благовѣщеніе рыбаки стараются встать раньше всѣхъ въ домѣ, даже хозяекъ; въ тотъ годъ, будто бы, рыбная ловля для

нихъ будетъ удачна: „набъ рыбы не проспать“, говорятъ они“.

—

Въ крестьянскомъ быту, какъ извѣстно, корова пользуется особеннымъ вниманіемъ со стороны хозяекъ и вполнѣ справедливо, такъ какъ она есть *кормилица* семьи, а потому-то не мало бываетъ у хозяйки въ семьѣ заботы и безпокойства, когда съ этой кормилицей случится что-нибудь неладное: удой ли будетъ противъ прежняго малъ, заболитъ ли она чѣмъ, домой ли не придетъ во время и т. д. Неудивительно поэтому, что хозяйка, при всякомъ удобномъ случаѣ, не то со вниманіемъ, не то съ какимъ-то, какъ бы, благоговѣніемъ прислушивается ко всему, что касается скота,—будь то какое либо неизвѣстное ей леченье, заговоръ, обычай суевѣрный, примѣта какая и проч., и охотно, съ полной увѣренностью въ дѣйствительность, воспользуется даннымъ совѣтомъ, не провѣривъ правдивости и полезности его. Такъ, напр., чтобы скотъ возвращался всегда домой въ извѣстное время съ пастьбища *) и жилъ дружнѣе, хозяйки въ

*) Въ упоминаемой мѣстности пастуховъ не нанимаютъ, а скотъ ходитъ въ „осѣкахъ“ (выгонахъ), безъ всякаго присмотра.

великій четвергъ отсѣкаютъ у всѣхъ рогатыхъ животныхъ концы хвостовъ (шерсть) и кладутъ ее на дворѣ подъ потолокъ или за столбъ и хранятъ до тѣхъ поръ, пока скотъ осенью не запрется совсѣмъ во дворъ.

Въ Егорьевъ день (23 апрѣля) срѣзаютъ у скота понемногу шерсти на лбу, между рогами, мѣшаютъ эту шерсть съ мукой, пекутъ „колобъ“ (плоская лепешка) и, при выгонѣ скота на пастьбище въ первый разъ, даютъ каждой скотинѣ по кусочку; дѣлается это для того, чтобы скотъ жилъ на выгонѣ дружнѣе, т. е. зналъ своихъ и чтобы на дворѣ не бодался.

Въ великій четвергъ ходятъ съ подойникомъ на озеро или рѣку за водой и поятъ коровъ дойныхъ, чтобы онѣ давали въ тотъ годъ больше молока. Въ этотъ же день стараются смѣшать, хоть немного, свѣжаго масла, для того, чтобы въ теченіе года его накоплялось болѣе.

Если „громъ застанетъ скотъ на дворѣ“, т. е. если первый весенній громъ услышатъ тогда, когда скотъ не выпускался еще на пастьбище, то въ тотъ годъ у коровъ молока будетъ мало и, наоборотъ, если „громъ засталъ скотъ въ полѣ“ (когда онъ выпу-

щенъ), то удой будетъ хор шій: „въ какомъ молокѣ громъ засталь скотину весной, тако молоко будетъ и лѣтомъ“, говоритъ народная примѣта. Поэтому весной, хотя бы молодой травки еще и не было, стараются выпустить коровъ со двора въ поле - хоть погулять.

Когда купятъ корову, или же молодуха въ домъ приводитъ „придапую“, то часто случается, что корова долго не можетъ привыкнуть къ новому двору—„тоскуетъ“ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, старается уйти на прежнее мѣсто жительства. Въ такихъ случаяхъ существуетъ обычай: когда купленную уже корову нужно вести къ новому хозяину, то у нея изъ-подъ копытъ берутъ земли или навозу—„слѣдъ“ и бросаютъ его потомъ въ свой дворъ, предъ впускомъ коровы туда. Во дворъ корову въ первый разъ ведутъ по шубѣ, постланной предъ воротами двора вверхъ шерстью; затѣмъ, той же шубой проводятъ по хребту коровы отъ головы къ хвосту и потомъ уже загоняютъ во дворъ. Во дворѣ отстригаютъ у новой коровы немного шерсти и берегутъ ее до тѣхъ поръ, пока корова не обживется въ новомъ мѣстѣ. Если же корова и затѣмъ уходитъ къ прежнимъ хозяевамъ, то

шерсть эту хозяйка бросаетъ въ печку, когда она топится, со словами: „какъ шерсть въ печкѣ горитъ, такъ пусть сердце у коровы горитъ по мнѣ".

Для той же цѣли коровѣ даютъ кусокъ хлѣба, вывалянный въ сажѣ у „челистника" (лицевая сторона у отверстія печки, закоптѣвшая отъ дыма), предварительно оббѣжавъ три раза вокругъ столба, поддерживающаго балку во дворѣ.

Или—нѣкоторыя хозяйки по хребту коровы, начавъ съ головы, проводятъ: кто рыболовной сѣтью, кто своимъ поясомъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ приговариваютъ: „какъ этотъ поясъ не отходитъ отъ моего тѣла, такъ и ты не отходи отъ моего двора".

Когда корову ведутъ домой, то въ первомъ же попавшемся ручьѣ или рѣчкѣ брызгаютъ на нее водой, говоря: „куда вода, туда и тоска", т. е. чтобы она забыла прежній дворъ.

Обычай „моленья" коровъ. Когда корова отелится, то въ первый день доятъ (два удоя) не въ подойникъ и не въ другую какую нибудь посудину, а прямо въ „навозъ", какъ выражаются. Слѣдующіе десять разъ, въ продолженіе пяти дней, доятъ р[illegible] пога-

ную посудину и поятъ этимъ молокомъ теленка. На 7-й день утромъ отелившуюся корову и теленка моютъ теплой водой, въ которую кладутъ серебряный крестъ, или такое же кольцо. По окончаніи мытья, доятъ—13-й разъ—(чистый удой) и изъ этого молока приготовляютъ въ тотъ день всю стряпню: *калитки* — тонкій сканецъ, на который наливается молочная ячменная или пшенная жидкая каша, сканецъ этотъ съ краевъ завертывается—„защипывается“, *колобы* — толстый сканецъ, на который налагается густая каша, тоже пшенная или ячменная, но края только не защипываются, *блины* и, наконецъ, варятъ житную, молочную кашу. Приготовивъ упомянутыя кушанья, старшая изъ женщинъ въ домѣ, обыкновенно старушка, зажигаетъ восковую свѣчу предъ иконой, кадитъ *) ладаномъ всѣ иконы, весь домъ и стряпню и затѣмъ молится Богу („моленье“) по лѣствкѣ; „вымолиться“ нужно непремѣнно двѣ полныхъ лѣствки, т. е. положить 200 поклоновъ (полная лѣствка—100 поклоновъ), чрезъ

*) Кадильницы въ употребленіи такъ называемыя „старовѣрскія“—съ ручкой; водятся почти въ каждомъ домѣ. Упоминаемое с. Е... единовѣрческаго прихода.

каждыя 10 малыхъ-поясныхъ одинъ земной; изъ нихъ одну лѣстовку за себя и домашнихъ, другую за корову. Особыхъ молитвъ при „моленьѣ“ не назначено, а читаютъ всякія, только обязательно предъ молитвой и послѣ ея полагается „начало“ *), состоящее изъ нѣсколькихъ молитвъ съ земными поклонами. По окончаніи „моленья“ предъ иконой, большуха беретъ первый блинъ, намазанный кашей и несетъ коровѣ, второй же блинъ, тоже съ кашей, даютъ непремѣнно дѣвушкѣ (своей нѣтъ—то чужой), для того, чтобы корова приносила теличку, а не быка. Наконецъ, вся семья садится обѣдать и ѣстъ преимущественно стряпню, приготовленную изъ свѣжаго молока отелившейся коровы. Этотъ день считается какъ бы семейнымъ праздникомъ.

Суевѣрія и заговоры.

Извѣстно, что нашъ простой, деревенскій людъ особенно преданъ суевѣрнымъ обычаямъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ и имѣющимъ начало въ глубокой древности. Да и не мудрено: людъ этотъ еще съ самыхъ

*) У единовѣрцевъ моленіе (даже въ церквахъ) начинается и оканчивается „началомъ“.

дѣтскихъ лѣтъ, какъ говорится, еще съ пеленокъ, постоянно слышитъ объ этихъ обычаяхъ: то отъ бабушки, то отъ дѣдушки, отъ отца, матери,—онъ, такъ сказать, вскормленъ этими разсказами. Потому-то онъ такъ и любитъ ихъ, что ни за что не хочетъ разстаться съ своими обычаями и даже грѣхомъ считаетъ разсказать что либо любопытствующему.

Просвѣтительное дѣйствіе народной школы, разумѣется, оказало не мало вліянія, если не на уничтоженіе этихъ вѣрованій въ молодомъ поколѣніи, то, по крайней мѣрѣ, поселило сомнѣніе въ нихъ; конечно, такое дѣйствіе замѣтно тамъ, гдѣ школа существуетъ издавна. Въ упоминаемой же мѣстности до послѣдняго времени (Пол. о церк.-прих. шк. 1884 г.) школа почти не существовала, (впрочемъ и самый приходъ-то открытъ въ недавнее время—годовъ 20—25), слѣдовательно, и вліянія на искорененіе этихъ обычаевъ она не успѣла оказать. Понятно поэтому, что у здѣшняго жителя вѣра въ суевѣрные обычаи сохранилась въ полной силѣ. Съ другой стороны, кажется, деревенскаго жителя заставляетъ нужда прибѣгать къ тому или другому суевѣрному обычаю. Возьмемъ, для примѣра, болѣзни

простаго народа. Заболѣлъ человѣкъ, нужно помочь ему немедленно; къ кому обратиться? Къ доктору или фельдшеру, при всемъ, можетъ быть, желаніи заболѣвшаго, обратиться нѣтъ возможности, такъ какъ *по близости нѣтъ ни доктора, ни фельдшера, ни лекарства.* Мѣстныя условія нашего Олонецкаго края таковы, что до мѣстопребыванія фельдшера, напр. нужно *прогуляться* верстъ 20—30, а то и всѣ 50; затѣмъ застанешь ли его дома, а то придется ждать его дня 2—3; наконецъ, имѣетъ ли онъ возможность, при 2—3 тысячномъ населеніи его участка и дальнихъ разъѣздахъ*), идти или ѣхать къ тебѣ на домъ сряду, когда у него, быть можетъ, есть больные, болѣе нуждающіеся въ его помощи и ждущіе его давно. Поневолѣ приходится тогда мужичку обратиться или къ своему какому либо средству, или, скорѣе всего,—къ знахарю. Слѣдуетъ ли осуждать и винить мужичка за это? Думаю,—нѣтъ. Правъ онъ въ такомъ

*) Въ Коштугской волости (къ которой принадлежитъ с. Е.), въ одну сторону, напр. проѣздъ до дальнихъ деревень 45 в. и то прямымъ зимнимъ путемъ (д. Низовецъ), въ другую—35 (д. Лема) и въ третью—до крайняго пункта участка около 50 в. (д. Пахомова).

случаѣ, во-первыхъ, потому, что дѣлаетъ это по простотѣ своей и легковѣрію; во вторыхъ, его заставляетъ нужда обращаться къ знахарю и пробовать все, что онъ предлагаетъ и въ третьихъ —вѣра въ искусство знахаря,—вѣра, которая часто находитъ себѣ основаніе: помогаетъ больному. Да не правъ ли въ такомъ случаѣ и такой доморощенный докторъ-знахарь, если онъ безъ обмана помогаетъ страждущему и притомъ средствомъ, давно имъ испытаннымъ. Конечно, такихъ, можно сказать, добросовѣстныхъ знахарей найдется не много,—большая же часть только носятъ названіе знахарей-лекарей, заботясь больше не о помощи, а о томъ, чтобы за свои услуги скорѣе получить напр. кадушечку масла, или холста на рубашку, или цѣлковикъ.

Перехожу теперь къ перечисленію извѣстныхъ мнѣ болѣзней простаго народа и способу леченія ихъ мѣстными докторами-знахарями.

Болѣзнь „Утюнъ“.

Болѣзнь „утюнъ“—сильная боль въ спинѣ, происходящая по большей части отъ подъёма тяжести не по силамъ. Человѣкъ, при такой боли, не можетъ ни стоять пря-

мо, ни ходить и находится въ сгорбленномъ состояніи. Леченье этой болѣзни, извѣстное подъ названіемъ „рубить утюнъ“, производится слѣдующимъ образомъ. „Рубятъ“ обыкновенно два брата—старшій и младшій, (въ крайнемъ случаѣ могутъ ихъ замѣнить и посторонніе, преимущественно родственники). Для этого больной ложится на порогъ избы, головою въ сѣни, на спину его кладутъ гуликъ (истрепанный—безъ листьевъ вѣникъ). Младшій братъ легонько ударяетъ тупымъ топоромъ по гулику, а старшій спрашиваетъ: „что рубишь?“—„Утюнъ рублю“, отвѣчаетъ младшій. „Руби его отнынѣ и до вѣку, аминь“, говоритъ старшій братъ. Такъ дѣлаютъ до трехъ разъ. Послѣ третьяго раза гуликъ бросаютъ на улицу на „испашку“ (назадъ себя слѣва—на отмашъ).

Подобнаго же рода болѣзнь—колотье въ бокахъ—извѣстна подъ названіемъ: „Усовы колетъ“ (ревматическая, кажется, болѣзнь), лечатъ ее другимъ способомъ, чѣмъ вышеприведенный, мнѣ, впрочемъ, неизвѣстнымъ.

Родимецъ.

Подъ этой болѣзнью въ деревняхъ извѣст-

на дѣтская болѣзнь—параличъ или падучая болѣзнь, иначе называемая—„свой“ (свой прошелъ) въ зрѣломъ возрастѣ *). Въ этомъ случаѣ всегда прибѣгаютъ за помощью къ опытной бабкѣ, которая спрыскиваетъ, или обливаетъ больного водой, предварительно пошептавъ что-то надъ ней. Кромѣ того, поятъ и спрыскиваютъ такой водой, которой мыли иконы; зачерпываютъ также „створами“ (складни—мѣдные образа, состоящіе изъ двухъ половинъ) воду въ рѣкѣ противъ теченія и поятъ и моютъ больного. Но всѣ эти спрыскиванья и нашептыванья не приносятъ никакой пользы (самый бо̀льшій процентъ смертности дѣтей, какъ это видно изъ церковныхъ метрикъ, происходитъ отъ родимца). Какъ крайнее средство отъ родимца употребляютъ большой церковный покровецъ, именуемый „воздухомъ“ **), которымъ покрываютъ лицо мла-

*) У лошадей называется „чересъ“. Когда лошадь начнетъ „кататъ“ (мѣстн. выраженіе), говорятъ, у ней „чересъ“. Для этого призывается опытный человѣкъ-знахарь, который (лично мнѣ удалось видѣть) трегъ по брюху лошадь вязовой (черемховой) дугой, приговаривая: „тру я дугой вязовой отъ **ногтя** (?) и отъ череса. Аминь.“.

**) Дается онъ, разумѣется, съ разрѣшенія священника.

денца на часъ—на два. „Лучше этого средствія нѣтъ отъ этой болѣсти“, говорила мнѣ старушка.

„*Крылья ломать*“.

Сильная боль въ плечахъ, происходящая, какъ говорятъ, отъ застоя крови, называется „крылья“, которыя лечатъ—„ломаютъ“. Больной ложится на лавку на брюхо, и опытная старуха сначала ощупываетъ спину между плечами и если находитъ желвакй, (густо застоявшаяся кровь), то начинаетъ ихъ ломать, т. е. сильно нажимаетъ это мѣсто руками, такъ что отъ каждаго нажима непремѣнно „рочкòнетъ“ (хрупнетъ) въ спинѣ, и прижимаетъ до тѣхъ поръ, пока не прекратится подъ руками это „рочканье“. Боль—„крылья“ появляется періодически и въ каждый разъ прибѣгаютъ къ этому, единственному въ крестьянствѣ, средству—(массажъ).

„*Пупъ палъ.*“

Боль въ животѣ и срединѣ спины,—„пупъ палъ“,—происходитъ, какъ и утюнъ, отъ поднятія непосильной тяжести. Узнать, что дѣйствительно „пупъ палъ“ (т. е. пуповина сошла съ обыкновеннаго мѣста), можетъ

только опытная женщина-правильщица и если только она найдетъ эту болѣзнь, то приступаетъ къ ея леченію. Страдающій этою болью ложится на лавку, животомъ внизъ, протягиваетъ руки вдоль тѣла, подъ пуповину же его подкладываютъ небольшой горшокъ. Правильщица натираетъ брюхо мыломъ и трётъ его руками до тѣхъ поръ, пока не ощупаетъ, гдѣ находится пуповина. Найдя его (пупъ), она захватываетъ, на сколько можетъ, обѣими руками кожу противъ пуповины и сильно стягиваетъ (въ это время больной чувствуетъ особенно сильную боль), и если въ это время хрупнетъ, то значитъ „пупъ поднятъ", т. е. поставленъ на своемъ мѣстѣ. Больной сряду же послѣ этого чувствуетъ облегченіе.

Чирей—(вередъ) лечатъ по большей части посредствомъ прикладыванія медовой лепешки. А то обращаются иногда и къ знахарю, чтобы онъ уничтожилъ вередъ сразу,—засушилъ бы его. Знахарь беретъ столовый ножъ, находитъ въ стѣнѣ, въ сосновомъ деревѣ, сукъ, обводитъ его рукой кругомъ три раза, а потомъ прижимаетъ крестообразно остріемъ ножа; послѣ каждаго раза тоже продѣлывается и съ вередомъ, при чемъ знахарь приговариваетъ въ это

время слова, что-то въ родѣ такихъ: „чтобы чирей засохъ, какъ сукъ этого дерева“.

Чесотку лечатъ—у дѣтей—пашутъ (метутъ) баню и соромъ (порошьемъ) обтираютъ тѣло больного ребенка; затѣмъ этотъ соръ сжигаютъ въ банѣ же; „съ этимъ порошьемъ, говорятъ, и чесотка сгоритъ“. Взрослые чесоточные купаются въ рѣкѣ или озерѣ въ великій четвергъ; думаютъ что въ водѣ чесотка смоется.

Чтобы *остановить кровь* отъ порѣза или ушиба, нужно у того, кто порѣзалъ какой-либо членъ, наскоблить съ пяты ножной грязи или поту и все это прикладывать къ ранѣ. Кровь, говорятъ, скоро остановится и рана скорѣе заживетъ.

Кровь пускаютъ у себя по большей части люди пожилые и много работавшіе, когда они почувствуютъ, по ихъ словамъ, большую „тяжесть“ въ тѣлѣ. Кровопусканіемъ занимаются опытныя женщины, которыхъ иногда достаютъ верстъ за 20—30. Производится оно всегда въ жарко натопленной банѣ; орудіемъ кровопусканія служатъ простые рожки (отъ телушки) и ножички. Производится оно періодически—чрезъ годъ и т. д. О вредѣ кровопусканія, особенно у людей пожилыхъ, и говорить нечего.

Отъ болѣзней тѣлесныхъ различаютъ болѣзни такъ называемыя *сердечныя* или *душевныя*. Болѣзни эти происходятъ или отъ воздѣйствія, главнымъ образомъ, злыхъ людей, напр. отъ нехорошаго завистливаго взгляда—„призору очесъ“, или отъ себя самого,—отъ своей „думы“ о худомъ.

Призоръ очесъ дѣйствуетъ большею частію на дѣтей. Заболѣлъ ребенокъ чѣмъ-либо, плачетъ, безпокоится,—говорятъ: „его опризорили“, не справляясь о другихъ причинахъ его болѣзни. Немедленно обращаются за помощью къ бабкѣ-ворожеѣ. Эта, посмотрѣвъ на ребенка, начинаетъ вправду увѣрять, что боль пришла отъ *глазу*: „я, молъ, вѣрно ужъ знаю,—мнѣ не въ первой вылечивать съ глазу“. Пойдутъ тутъ у родныхъ догадки: кто при этомъ былъ въ домѣ у заболѣвшаго и давно ли, не смотрѣлъ ли на ребенка, не хвалилъ ли его и т. под. А тѣмъ временемъ бабка-ворожея дѣлаетъ свое дѣло: наливаетъ воду въ чашку, благословясь, смотритъ на нее и начинаетъ нашептывать: „Стану я благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоятъ горы турецкія; по тымъ горамъ турецкіимъ ходитъ прекрасная

дѣвица—Сама Пресвятая Богородица. Носитъ Она въ рукахъ золотую чашу, святую воду, ломаетъ съ бѣлой берёзыньки шелковой вѣничекъ, обмакиваетъ въ златую чашу, святую воду, спахиваетъ, смахиваетъ съ раба Божія NN притчи-*призоры*, лихіе оговоры, аминь". Затѣмъ, бабка этой нашептанной водой спрыскиваетъ ребенка или и прямо „окатитъ" (обольетъ); послѣ того кладетъ его въ зыбку (колыбель) и начинаетъ сильно качать. Отъ воды-ли, неожиданно для ребенка вылитой на него, отъ сильнаго-ли качанья,—только ребенокъ, случается, становится спокойнѣе. Бабка, конечно, очень довольна,—помогла, значитъ! Спрыскиваютъ также ребенка изъ рта въ дверяхъ изъ той чашки, изъ которой пили гости. Дѣлаютъ еще и такъ: перетягиваютъ у ребенка правую ногу съ лѣвой рукой и, наоборотъ, лѣвую ногу съ правой рукой такъ, чтобы пальцы рукъ и ногъ соприкасались, и читаютъ въ это время: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь".

Отъ „*думы*" случается что-нибудь непремѣнно со взрослымъ человѣкомъ, (ребенокъ не можетъ еще сознательно думать). Сходилъ человѣкъ въ чужую баню, услышалъ разговоръ или разсказъ про худую „болѣсть",

увидѣлъ, наконецъ, и самъ наружную боль у кого либо,—и случилось вдругъ самому заболѣть, говорятъ: „подумалъ“, или—„боль пришла отъ думы“. Многознайка же какая нибудь, посмотрѣвъ на больного, подтверждаетъ предположенія касательно причины болѣзни, и пойдутъ опять разнаго рода нашептыванья и поплевыванья...

—

Заговоръ присущитъ къ себѣ человѣка.

„Стану я благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, заячьей тропою, мышьей норою, за тридевять земель, въ тридесятое царство. Въ за-тридевяти земляхъ, въ тридесятомъ царствѣ тридесять колотовщиковъ, тридесять молотовщиковъ и тридесять дульщиковъ (дуло—стволъ ружья) жгутъ, колютъ *тиръ* (?) булатное желѣзо на жаровнѣ—огнѣ, на горячемъ угольѣ. „Ай же, вы, тридесять колотовщиковъ, тридесять молотовщиковъ и тридесять дульщиковъ! Не жгите, не калите тиръ-булатное желѣзо на жаровнѣ-огнѣ, на горячемъ угольѣ, а разожгите, раскалите у раба Божія (или рабы Божіей) NN *хоти да плоти*, чтобы онъ рабъ Божій (такой-то), или раба Божія (такая-то)—не могъ (не могла) безъ рабы Бо-

жіей (раба Божьяго) NN ни жити, ни быти, ни яствамъ (и) ни отъѣсться, ни питьямъ (и) отпиться, ни въ парной баенки отпариться, ни колдуномъ, ни колдуньей откалдоваться на вѣкъ свой безъ отрыжки".

Заговоръ этотъ нужно прочитать трижды и послѣ каждаго раза плюнуть на наговариваемый предметъ (что-нибудь съѣстное) черезъ лѣвое плечо, потомъ скормить той особѣ, которую хочетъ къ себѣ присушить, т. е. заставить поневолѣ полюбить.

Заговоръ — спустить „сухоту" по вѣтру.

„Стану я благословясь, пойду перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ віютъ двѣнадцать вѣтровъ, тринадцатый вѣхорь (вихрь). Спрошу я у двѣнадцати вѣтровъ, у тринадцатаго вехоря: „куды віете, куды путь держите?" Отвѣчаютъ двѣнадцать вѣтровъ, тринадцатый вехорь: „идемъ мы въ малуруссійскую землю — рѣкъ и болотъ подсушать, тёмные лѣсы (а) погублять". Скажу я двѣнадцати вѣтрамъ, тринадцатому вехорю: „не ходите въ малуруссійскую землю рѣкъ и болотъ подсушать, тёмныхъ лѣсовъ погублять, а подьте, снесите рабу Божію (рабѣ Божіей) NN въ

сердце—*тоску*, въ плоть—*сухоту*, въ суставы—*юность*: чтобъ онъ (она) сушился (ась) и крутился (ась), не могъ бы (ла) ни водой отмыться, ни мольбой отмолиться, ни крестомъ откреститься. Аминь".

Подобно предыдущему, заговоръ этотъ, какъ видно изъ содержанія, имѣетъ цѣлію тоже заставить любить противъ желанія. „Спустить сухоту", значить, сдѣлать такъ, чтобы избранный предметъ „сохъ" по тебѣ, сильно любилъ. По „вѣтру же спустить"— подмѣтить такой вѣтеръ, который дуетъ въ ту сторону, гдѣ живетъ интересующая тебя особа, и чтобы она была на открытомъ воздухѣ, и, ставъ лицомъ въ ту сторону (по вѣтру), говорить вышеприведенныя слова. Слова эти, снесенныя вѣтромъ, коль скоро попадутъ на того, кого приговариваютъ, то онъ волей—не волей непремѣнно долженъ залюбить.

Заговоръ отъ теченія крови при порѣзѣ.

„Стань рабъ Божій (такой то) благословясь и т. д... въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжитъ кровяная рѣка; въ той рѣкѣ купается Сама Пресвятая Богородица по поясъ. Она держитъ въ рукахъ ниточку шелковую, иголочку золоченую, шьётъ, за-

шиваетъ всѣ жилки и суставы у раба Божія NN".

Послѣ того, какъ сказанъ заговоръ, нужно погрызть остріе топора, косы, ножа, смотря потому, чѣмъ порѣзано, и плюнуть на кровь въ ранѣ. Такъ дѣлается трижды. Заговоръ этотъ не дѣйствуетъ на того, кто старше знатока заговора.

Вообще, заговоровъ на разные случаи какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, существуетъ множество.

Обратившись къ одной старушкѣ, для провѣрки приведенныхъ заговоровъ, я поинтересовался узнать, на сколько сильна вѣра у нихъ въ дѣйствія заговоровъ: „Эти заговòры, рожѐный (ласкат. слово), не настоящи" (второстепенны), говоритъ она, „и хоть и вѣрятъ (вѣрятъ) имъ, да ужъ не такъ, какъ настоящимъ (главнымъ—имѣющимъ несомнѣнную силу); „этихъ-то мало кому разболтаютъ" (разскажутъ). Не разсказываютъ же ихъ потому, будто бы, что тогда они (заговоры) не будутъ дѣйствовать—имѣть силы на заговариваемаго. Къ сожалѣнію, этихъ—*настоящихъ*-то заговоровъ мнѣ не удалось узнать,—никто не „разболталъ" ихъ, не смотря на мое стара-

ніе записать: кто отговаривался разсказывать ихъ грѣхомъ, кто незнаніемъ, а иные и прямо говорили, что это—одно „бабье вранье—пустыя басни, дакъ пòшто и говорить людямъ нà смѣхъ!“

Вѣрованія.

Вѣрованіе въ нечистую силу—духовъ, домовыхъ, лѣшихъ и водяныхъ въ упоминаемой мѣстности держится еще во всей силѣ. Домовые извѣстны подъ разными названіями: дворовыхъ, баенниковъ и овинниковъ. Живутъ они въ жилыхъ домахъ—это домовые, въ скотныхъ дворахъ—дворовые, въ баняхъ—баенники, въ овинахъ (ригахъ)—овинники.

Домовые бываютъ двухъ родовъ: добрые*) и злые. Если домовой, напр. не полюбитъ того мѣста, гдѣ построенъ новый домъ, то мужикъ, какъ ни старайся работать, никогда не будетъ богатъ, а—всегда бѣденъ: „не по нраву попало, видно, мѣсто хозяину дома—домовому“. Мало того, онъ непосредственно вредитъ и людямъ: душитъ по ночамъ (приливъ крови), наваливается на

*) Одинъ изъ добрыхъ духовъ извѣстенъ подъ именемъ „Праведнаго“, который вездѣ и при всякомъ случаѣ старается помочь человѣку.

верхъ, гонитъ долой съ постели и проч. Или, напр., если скотъ не любимъ дворовымъ, то какъ его ни корми, никакъ не откормишь: всё онъ бываетъ тощій и худой. Напротивъ, лошадь, любимая дворовымъ, всегда бываетъ выхолена (хотя бы и при худомъ кормѣ) съ заплетенной на гривѣ косой и, какъ ни работай на ней, никогда съ тѣла не спадетъ; нелюбимая же всегда худа тѣломъ, съ перепутанной кое-какъ гривой, данный ей кормъ спрятанъ подъ ясли и т. д. Также дворовые относятся и къ прочему скоту: то любятъ, напримѣръ, черныхъ коровъ, а не бѣлыхъ, овецъ такой шерсти, а не другой, —„не по двору, говорятъ, шерсть у коровы, лошади или овцы".

О баенникахъ говорятъ, что они, какъ и люди, тоже парятся и особенно любятъ такъ называемый „седьмой жаръ" (седьмая очередь идти въ баню), такъ что людямъ никогда не слѣдуетъ ходить въ баню въ эту очередь или этотъ жаръ. Вотъ что разсказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ деревни С. про баенника, который парился въ банѣ въ седьмой жаръ. „Промѣшкалъ на работѣ какъ-то я разъ и не попалъ „въ байну" съ другими вмѣстѣ, а сходить набъ (нужно) передъ праздникомъ. Бабы мнѣ и говорятъ:

ужъ теперь—въ сёмый (седьмой) жаръ,—куда ты пойдешь? Не послушалъ—пошелъ. Подошедши къ банѣ, слышу кто-то парится тамъ,—спрашиваю: кто, крещеный, въ байны? Отвѣту нѣтъ, а слышно,—впередъ парится. Я зашелъ въ байну,—никого нѣтъ людей, а вижу,—сидитъ черная кошка на полкѣ. Я-было гнать ее сталъ, но никакъ не могъ выгнать: ушла подъ полокъ и тамъ осталась. Такъ и вышелъ, не попарившись". Баенникъ-то и парился, по словамъ мужичка, а ему показался кошкой.

Лѣшій -лѣсовикъ живетъ постоянно въ лѣсу. По увѣренію многихъ, будто бы, видѣвшихъ его, онъ роста огромнаго, лохматый и имѣетъ видъ человѣка. Часто онъ по ночамъ кричитъ, поетъ, хохочетъ, хлопаетъ въ ладоши, словомъ—пугаетъ людей. Если человѣкъ въ лѣсу заблудился, не можетъ попасть на дорогу, то увѣряютъ, что онъ ступилъ на тёплый, свѣжій слѣдъ лѣшаго. Чтобы выйти на дорогу, непремѣнно нужно раздѣть съ себя все платье и, раздѣваясь, кидать его въ сторону на испашку и перетряхивать въ тоже время. А затѣмъ, можно сразу же и одѣвать, только уже брать благословясь всякое *платно* (отдѣльно каждая вещь—понитокъ, сарафанъ

и т. д.) и правой рукой. Тутъ, какъ будто, сразу у тебя, говорятъ, глаза откроются: и мѣста покажутся знакомыя и дорога тутъ подъ бокомъ—въ сторонѣ, тогда какъ раньше совсѣмъ другое казалось! Существуетъ также повѣрье, что если родители проклянутъ дѣтей, хотя и не съ намѣреніемъ, особенно маленькихъ, то лѣшій непремѣнно, долго-ли, коротко-ли, а возьметъ ихъ къ себѣ. Къ несчастію, случится, напр., ребенку и даже взрослому заблудиться въ лѣсу—вотъ и говорятъ „лѣшій взялъ“. Въ нашей мѣстности такіе случаи бываютъ и очень часто. Лѣсъ и довольно большой очень близко отъ „жила“—деревень. Въ лѣтнее время, напр., дѣти, оставшись одни дома нянъками меньшихъ своихъ братишекъ и сестрёнокъ, часто уходятъ въ ближайшій лѣсъ за ягодами, рѣпой, горохомъ и проч., или на озеро купаться. Случается, что одинъ отдѣлился отъ артели, ушелъ подальше и беретъ себѣ ягодки, не думая о своихъ спутникахъ (а въ деревняхъ еще есть обыкновеніе, что если одинъ попалъ на ягоды, то старается скрыть ихъ отъ другихъ—беретъ одинъ и на зовъ товарищей не откликается). Спутники же, между тѣмъ, понемногу потянулись домой и не замѣтили,

что съ ними нѣтъ ихъ товарища, а если и замѣтили, то „поукались“ (аукались) и, не слыша отвѣта, рѣшили—придетъ, молъ, и одинъ... А тотъ, между тѣмъ, одинъ не знаетъ, какъ выйти, кричитъ,—голоса не слышно, время уже подошло къ вечеру, вотъ и остался въ лѣсу. Смотришь—у родителей поиски, а „сусѣдки“ и рады случаю посудить да порядить: „проклѣнутъ“, говорятъ, „лѣшій взялъ, много и *„лѣшихалась“* (посылала къ черту-лѣшему). Бываетъ часто и такъ, что родители сами пошлютъ дѣвочку или мальчика лѣтъ 7—12 въ лѣсъ за коровами, телятами или овцами, если они вовремя (къ вечеру) не пришли домой; ребенокъ ищетъ долго, найти не можетъ; между тѣмъ стемнѣло, смотришь и заблудился. И всему виной опять лѣшій.

Водяной живетъ въ рѣкахъ, озерахъ и т. подобныхъ водныхъ пространствахъ; несчастные случаи на водѣ приписываютъ дѣйствію водяного. Если человѣкъ потонетъ по своей-ли неосторожности, отъ бури-ли, говорятъ: „это дѣло водяного“ и, будто-бы, утопшій дѣлается добычею его. Любимымъ мѣстопребываніемъ водяного служатъ мельницы и запруды у нихъ. Есть повѣрье, что если озлинъ, построившій мельницу, не „убла-

готворитъ“ чѣмъ-нибудь водяного, то ни за что не поставить плотины при мельницѣ: какъ ни крѣпи ее, вода все куда то будетъ уходить мимо русла, или сорветъ плотину. У рыбаковъ есть обычай, при ловлѣ рыбы, бросать въ озеро табаку, чтобы лучше ловилась рыба, „водяной, говорятъ, крѣпко любитъ табачекъ!“

Въ нѣкоторыхъ озерахъ существуютъ спеціально однѣ водяними-дѣвки. Такъ, жители означенной мѣстности утверждаютъ, что въ озерѣ Ежезерѣ (при погостѣ) обитаетъ водяной, а въ Речезерѣ (въ 1½ верстахъ отъ Ежезера) — водяниха (чертовка). Вѣрованіе въ существованіе водянихи-дѣвки въ послѣднемъ основано на слѣдующей, не лишенной интереса, легендѣ—о захватѣ у чертовки коровъ. Легенда эта сообщена мнѣ однимъ крестьяниномъ деревни Пашковой, лежащей при этомъ озерѣ, П. А. П., который слышалъ ее отъ своего отца. Передаю ее, приблизительно, словами разказчика, не придерживаясь строго мѣстнаго акцента.

„Давнымъ давно, назадъ тому лѣтъ полтораста, а можетъ и больше“, началъ свой разсказъ мужичекъ, „на самомъ берегу озера Речезера (Пашковскаго, по мѣстному названію) жилъ старичекъ, по имени *Сава*

Паздеря. Крестьянствомъ ли онъ занимался, охотой ли, или другимъ какимъ промысломъ, Богъ его вѣдаетъ, но только у него была собака и притомъ очень смекательна. Житье его было привольное, никто ему не мѣшалъ, такъ какъ, должно быть, жителей тогда было очень мало (да и теперь то кой-гдѣ разбросаны маленькія деревушки). Разъ старику что-то не заспалось. Онъ всталъ, сѣлъ къ окну, взглянулъ на озеро и видитъ, что не далеко отъ берега, на камню сидитъ дѣвка и расчесываетъ длинныя косы. Старикъ Сава сразу смекнулъ, что это водяниха-*чертовка*, а на лужайкѣ, на бережку пасутся три сытыя чертовкины коровы: она тутъ пасла ихъ. Вздумалось старику увести коровъ отъ чертовки (дѣло было ночью, да пѣнія пѣтуховъ). Когда коровы подошли поближе къ избушкѣ, а чортовка повернулась спиной къ берегу, старикъ, схвативъ съ божницы образъ Егорья Чудотворца, подбѣжалъ къ коровамъ со стороны озера на „*перелучь*“ (т. е. чтобы пересѣчь дорогу коровамъ, когда онѣ побѣжали бы въ озеро) и успѣлъ-таки оббѣжать ихъ *). Чертовка скоренько нырнула въ воду, и коровы побѣжали было вслѣдъ, но имъ уйти не удалось,

*) Т. е. сдѣлать кругъ.

такъ какъ они оказались въ благословлённомъ кругу. Коровъ старикъ загналъ въ дворишко, заперъ ворота благословясь, икону положилъ на прежнее мѣсто (божницу) и самъ легъ на печь, позабывъ въ суетахъ перекрестить и запереть благословясь дверь въ избу. Ночью слышитъ, кто-то добивается во дворъ; догадался, что чертовка пришла за коровами; но зайти туда не могла, такъ какъ ворота на дворъ были заперты благословясь и перекрещены. Тогда чертовка пошла въ избу и начала шарить по избѣ, искать старика (въ избу-то она зашла потому, что дверь была заперта не благословясь). Наконецъ, она нашла его на печи и потащила вонъ оттуда; старикъ упирается, нейдетъ, а она тащитъ. Они стали барахтаться въ избѣ. Старикъ схватилъ чертовку за косы, обвилъ ихъ кругъ рукъ и, что есть мочи (силы), уперся въ дверные косяки, чтобы чертовка не могла вытащить его изъ избы; та, между тѣмъ, тянула его вонъ, чтобы за уводъ коровъ стащить самого въ озеро. Долго они такъ барахтались. Старикъ ослабъ и началъ ужъ сдаваться (гдѣ же старику справляться съ чертовкой?). Тогда онъ сталъ кликать на помощь свою любимую собаку, которая, на грѣхъ, куда-то

на этотъ разъ убѣжала. Собака услышала голосъ хозяина, прибѣжала и давай рвать чертовку за поджилки. Тѣмъ временемъ и пѣтухъ запѣлъ первый разъ *). Чертовка вырвалась кой-какъ отъ старика и побѣжала въ озеро, а собака все вслѣдъ бѣжитъ да рветъ ее. Косы же чертовкины остались въ рукахъ у старика, который повѣсилъ ихъ на большую елку, на память грядущимъ родамъ. Старику же за это (т. е., что вырвалъ косы у чертовки и тѣмъ сдѣлалъ ее безвредною для людей), будто бы, начальство назначило „пензіонъ“ (пенсію) до смерти“.

Вотъ въ краткихъ словахъ легенда, достовѣрность которой подтверждена многими крестьянами. Коровы эти, говорятъ, остались у старика и отъ нихъ пошла хорошая порода красивыхъ молочныхъ коровъ. Говорятъ также, что послѣ этого происшествія не было случая, чтобы кто-нибудь потонулъ въ этомъ озерѣ; приписываютъ это безсилію чертовки безъ косъ. „Вотъ, какъ отроститъ косы, такъ и начнѣ упять шалить“, т. е. топить людей, говорилъ разсказчикъ. Мѣсто,

*) Извѣстно, что нечистая сила, по убѣжденію простого народа, можетъ дѣйствовать только до пѣнія пѣтуховъ.

гдѣ жилъ Сава Паздеря, извѣстно и по сіе время, подъ именемъ „Паздерина-наволока", т. е. пожни, луга. Странное названіе этой пожни и послужило автору причиной узнать описанную легенду. Слѣды бывшаго когда-то здѣсь жилья видны и теперь. Этотъ же крестьянинъ показывалъ мнѣ недалеко отъ бывшей избушки остатки упавшей и сгнившей елки, на которой, будто бы, были повѣшены чертовкины косы.

—

Слѣдовало бы здѣсь сказать еще нѣсколько словъ о свадебныхъ и похоронныхъ обычаяхъ, но такъ какъ, кромѣ этихъ обычаевъ, автору удалось слышать и записать и свадебныя—пѣсни и причитанья, а равно часть похоронныхъ заплачекъ, то—все это имѣетъ быть помѣщено на страницахъ мѣстнаго же органа отдѣльнымъ очеркомъ.

К. Ф.....овъ.

(Перепечатано изъ №№ 35—40 Олон. Губ. Вѣд 1892 г.)

Петрозаводскъ. Въ Губ. Типографіи. 1892.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

—

Слова и выраженія, употребляемыя жителями Коштугской волости въ разговорной рѣчи.

—

Въ Коштугской волости, Вытегорскаго уѣзда (въ составъ ея входятъ 4 сельскихъ общества: Коштугское, Ундозерское, Ежезерское и Куштозерское), говорятъ, вообще, русскимъ языкомъ, болѣе или менѣе правильнымъ; но въ тоже время тамъ въ большомъ употребленіи и свое нарѣчіе—мѣстное, по своимъ словамъ, очень мало похожее на русскій языкъ. Нарѣчіе это составилось отчасти изъ словъ общеупотребительныхъ, но только измѣненныхъ (Модестъ—„Медòсъ“, ладонь—„долòнь“), отчасти и вовсе искаженныхъ (франтиться—фуфыриться), преимущественно же—изъ словъ мѣстнаго происхожденія и понятныхъ, пожалуй, только жителямъ ея (ёрконýть, рàзаги, кý-

лача). Эти послѣднія слова, не говоря уже про литературное ихъ употребленіе, и въ обыденной, разговорной рѣчи мало-мальски образованнаго человѣка не встрѣчаются, а употребительны только у простолюдиновъ (Коштугской волости), большая часть которыхъ и пользуется этими „доморощенными" словами; а на чисто русскомъ языкѣ говоритъ небольшое количество жителей ея,— это только „образованные", кой гдѣ бывавшіе, кое-что видавшіе. Впрочемъ, и эти слова, мало по-малу, уступаютъ мѣсто словамъ общеупотребительнымъ: прежняя своеобразная рѣчь замѣтно измѣняется въ пользу русскаго языка и хотя еще нерѣдко встрѣчаются въ разговорѣ (преимущественно женщинъ) слова и выраженія мѣстнаго происхожденія, но, вообще, складъ рѣчи уже болѣе русскій, чѣмъ „Коштугскій". Особенно замѣтно это вліяніе на рѣчи жителей Коштугскаго, Ундозерскаго и Ежезерскаго обществъ. Причиною этого, надо полагать, служитъ сообщеніе жителей этихъ обществъ съ обитателями другихъ мѣстностей Имперіи, чему способствуютъ отхожіе промыслы и близость Маріинской системы.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ Куштозер-

скомъ обществѣ. Куштозеры живутъ въ самомъ глухомъ и отдаленномъ краю Коштугской волости, мало сообщаясь, или, лучше сказать, совсѣмъ разобщившись съ жителями пригородныхъ селеній и Маріинской системы. Живя въ такихъ условіяхъ быта, да еще при хорошо развитомъ хлѣбопашествѣ (преимущественно въ видѣ подсѣчной системы), они почти не отлучаются въ другія мѣстности, а живутъ себѣ особнякомъ, копаясь въ лѣсу и, какъ говорится, „пнямъ молясь Богу“. Такія условія быта куштозеровъ значительно повліяли и на самую ихъ рѣчь: рѣчь куштозеровъ груба и рѣзка (хотя самъ народъ простой и радушный), чему, кажется, способствуетъ изобиліе употребляемыхъ тамъ словъ и выраженій мѣстнаго происхожденія.

Не мало, можетъ быть, повліяло на рѣзкость и грубость рѣчи куштозеровъ и то обстоятельство, что многія слова были заимствованы ими изъ Чудскаго нарѣчія. (На немъ, быть можетъ, говорили прежде и всѣ обитатели Куштозерскаго общества. Такъ можно думать потому, что въ деревнѣ Келасово и теперь еще почти всѣ, особенно женщины, говорятъ по чудски). Это очень

легко могло случиться, такъ какъ по сосѣдству съ Куштозеромъ расположены селенія: Сяргозеро (Оштинской волости) и Пѝндала (Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губерніи), гдѣ всѣ говорятъ по чудски. А извѣстно, что чудское нарѣчіе не отличается нѣжностію и мягкостію; поэтому легко понять, что куштозеры, позаимствовавшись словами чудскаго нарѣчія, ни мало не прибавили пріятности своему нарѣчію, а развѣ еще болѣе придали ему рѣзкости и грубости. Даже и теперь, когда въ другихъ обществахъ Коштугской волости жители ихъ все болѣе и болѣе растворяютъ свою рѣчь словами русскими, куштозеры все еще „идутъ по родителямъ“, придерживаясь старины.

—

Проведя въ средѣ обитателей Коштугской волости свое дѣтство, а потомъ по обязанности службы (сельскаго учителя) болѣе 8 лѣтъ, я имѣлъ возможность близко познакомиться съ бытомъ *) и рѣчью ихъ. Приводя здѣсь слова и выраженія жителей этой мѣстности, я не рѣшаюсь высказать

*) См. ст. „Коштугскій приходъ“, Олон. Губ. Вѣд. 1890 г., №№ 59—65.

ничего опредѣленнаго относительно происхожденія и состава ихъ (словъ), а предоставляю высказать о томъ мнѣніе болѣе компетентнымъ лицамъ (если только помѣщаемыя ниже слова, мало кому понятныя, заслуживаютъ вниманія). Для удобства, слова эти (употребляемыя иногда въ разныхъ значеніяхъ) я расположилъ въ алфавитномъ порядкѣ, а для лучшаго пониманія смысла слова—пояснялъ его соотвѣтствующей фразой.

—

А *):

Ажлонýть—проглотить быстро; „не успѣлъ бросить уды, щука и ажлонýла".

Ажнò—между тѣмъ, даже.

Азямъ—рваное-худое платье; „ну и азямъ у тебя натянутъ, лучше нѣту?"

Аймиштаться - а) вздрагивать (до судорогъ) отъ сильнаго и долгаго плача; „ишь робёнокъ какъ плакалъ, тожно àймиш-

*) Многія изъ приведенныхъ словъ автору приходилось слышать и въ сосѣднихъ волостяхъ: Кондушской и Вытегорской (Вытег. уѣзда) и Оштинской (Лодейнопол. уѣзда).

тается". б) подавиться—„àймиштался бы, ты, да и околѣлъ".

Арàва—толпа, множество; „экая арàва народищу набралась!"

Арандать—ворчать постоянно; „у меня свѣкровушка дня не може прожить, чтобы не поàрандать".

Аргонýть—возразить; „аргонй же ищо хоть разъ, такъ я-те дамъ!"

Аредъ—а) трудящійся человѣкъ; „такой-то àредъ есть, што ночей не спитъ: всё робòтае". б) дьяволъ (бранное слово); „ахъ, ты, àредъ эдакой!"

Б.

Бàбка—5 сноповъ.

Бажѐнный, Бàженька—бережёный, дорогой; „ну, ужъ и бàженька ты,—всё бы на рукахъ сидѣлъ!"

Баломýтный—непутный, пустой; „парень-то не баломýтный есь,—хорошей".

Бàрандать—смотри „àрандать".

Барахлò—мусоръ, дрянь; „уберите-ко, робята, барахлйшко съ сараю!"

Бахйлы—большущіе сапоги, не по но-

гамъ; „ну, братъ, ты мни и бахѝлы стачàлъ, хоть самъ полѣзай!“

Бàцнуть—ударить; „я те какъ бàцну въ шею, дакъ замолчишь“.

Бàять—говорить; „не бàй, дѣва, слышала я ужъ эту окàзію“.

Бачàга—лужа воды; „упять, видно, въ бацяги былъ?“

Бòбка—игрушка, преимущественно—гармонія.

Божàтка—крестная мать.

Бòлузни—мозоли; „эки на рукахъ набилъ бòлузни!“

Бродѐцъ—рыболовная снасть (при ловлѣ ею бродятъ по мелкимъ берегамъ).

Броснýха—а) порицательное (ругательное) слово; я-те-броснýхѣ дамъ трёпку!“.

Броснýть—очищать лёнъ отъ костицы (кострики).

Брякнуть—Бячкнуть—а) свалиться; „пришолъ съ роботы, да и брякнулъ сразу спать“. б) сказать что-нибудь не вопадъ; „ну, и брякнулъ же ты словцо, ужъ и помàлкивалъ бы!“ (молчалъ бы).

Бýево—кладбище; „это завтра потреска-

ютъ упять на бу̀еви—на Ундозери *).

Бу̀й—дощечка, привязанная на веревкѣ, для указанія, какъ далеко находится неводъ отъ лодки и на какой глубинѣ.

Бу̀ка—воображаемое страшилище, которымъ стращаютъ дѣтей; „не покйнешь плакать, дакъ бу̀ка придё и съѣсъ“.

Бу̀ляндать—говорить безъ толку: „што ты такое бу̀ляндаешь?“

Бу̀къ—бочка, въ которой очищаютъ грязное платье, въ щелокѣ, посредствомъ нагрѣванія камней.

Бу̀чить—а) очищать отъ грязи и б) бить, колотить сильно; „и до того-то ёго бучили (въ дракѣ), што не могъ, миляга, встать“.

Бундырь—а) нарывъ, болячко; „глянь-ко, какой бундырь скочилъ на руки!“ б) куполъ (на церкви); „какъ же станутъ бундырь-то красить?“

Бу̀нгать—а) болтать воду при ловлѣ неводомъ (то̀рбать); „бунгонй, бунгонй, ребята, хорошенько,—рыба есть“; б) звонить въ

*) Въ Ундозерскомъ приходѣ есть обычай угощать 1 августа (престольный праздникъ) родственниковъ, приходящихъ изъ другихъ приходовъ, на кладбищѣ, сряду послѣ обѣдни (на могилахъ родныхъ).

большой колоколъ; „къ обѣдни забýнгали рано сегодни“.

Бурандýнъ—шарообразный звонокъ, привязываемый лошадямъ на шею.

„Бухтúну сказать“ (выраженіе)—соврать, сказать напраслину; „ну, братъ, ты и бухтúну каку сказалъ!“

В.

Варакòса—врунъ; „слухайте, вы, этого варакòсу!“

Валàндаться—имѣть общеніе, связываться съ кѣмъ; „охота теби валàндаться съ нимъ?“

Взбутетѣнить—отколотить, бить; „за што тя, братъ, вчера взбутетѣнили?“

Вúселица цыть—(выраж.)—„поди прочь!“ (собака).

Вúхры—волосы; „подбери вúхры ты хоть малѐнё!“ (немного).

Вкýрить—побѣжать скоро; „экъ, вкурилъ!“

„Взабыдýщую спать“—крѣпко, непробудно спать.

Возàбуль—правда, вѣрно; „дакъ, ты, это возабуль говоришь?“

Ворзыхàть—хлѣбать скоро, торопливо;

„ворзыхàйте скуряе,—дый (да и) ступайте на работу!“

Выргазъ—взрослый, но лѣнивый парень; „выргазъ какой, а слоняется безъ дѣла“.

Вычикýрдывать—выдѣлывать губами трели, высвистывать; „не покинь-ко, ты, вычикýрдывать-то?“

Вѣстимо—ясно; „вѣстимо дѣло“.

Вяжандать, вячкать—говорить, болтать; „вяжандай тутъ пустого-то!“

Въ-тà-поры—въ то время, тогда.

Г.

Габýкъ—ястребъ.

Гàведь—множество насѣкомыхъ(комаровъ); сегодни гàведи какъ было въ лѣсу, такъ „нельзя работать!“

Гайнò—ротъ; „што гайнò-то открылъ?“

Гàляндать (галь)—смѣяться; „полноте, дѣвки, гàляндать!“ „Ужъ и было гали!“

Глюдь-глюдко—скользко; „кони не кованы, а такъ ѣхать глюдко“.

Гоношúть—постоянно заниматься чѣмъ нибудь; „этотъ ужъ не сидитъ такъ,—всё што-ни гоношúтъ“.

Гырандать—громко хохотать; „покиньте гырандать!“

Гольтепà—дрянь, худой народъ; „сегодни на сходки одна гольтепà была“

Грàбить—грести, убирать сѣно.

Грàять - браниться; „упять заграàяла?“ (Ворòны грàютъ—каркаютъ).

„Гỳляндаетъ“—голубь воркуетъ.

Гỳняндать (гуня)—тихо идти; „гỳняндай скуряе!“

„Гỳньгаетъ“—сова кричитъ.

„Гỳрандаетъ“—гремитъ вдали тихо.

Гỳркать—передавать кому нибудь по секрету; „не гỳркай никому“.

Д.

Дивья, дювья—просто, хорошо; „дивья теби жить, какъ всего вдоволь!“

Докỳль, докуля—пока, до тѣхъ поръ; „не пойду въ гости, докỳль сама тёща не позовѐ“

Долòнь—ладонь; „долòни зачесались“.

Дòсюль, дòсюлешный—давно, давнишній; „досюлешный народъ ядреняе былъ“.

Долыня—высокій ростомъ, но тонкій человѣкъ; „такая безтолковая долыня,—ницего не понимае“.

Дяльнѝцы—вязаныя изъ шерсти рукавички; „надѣжь дяльнѝци,—холодно!“

Дýнуть—а) затушить; „дунь свицю (свѣчку); б) ударить—„дунь только!“ (ударь только).

Е.

Егозà—безпокойный, бойкій человѣкъ; „ну, и дѣвка у тя егозà!“ (бойка).

Едрёный—крѣпкій, здоровый; „экая едрёна лѝвщица (дѣвица), любо смотрить!“ (Едрёная рѣпа—сочистая, твердая, особенно послѣ дождя.)

Елòзить—не сидѣть спокойно, вертѣться сидя; „полно елòзить-то, сиди смирняе!“ (Тоже—гòлзать).

Ёрыхать—ударять, стегать лошадь погонялкой; „ёрыхàй хорошенько“ (лошадь).

Евòнный—его.

Ёра—вертлявый человѣкъ.

Ерепѐниться—выхваляться, задориться „полно-ко ерепѐниться-то!“ (ершиться).

Еретѝкъ—дьяволъ; „ахъ, ты, еретѝкъ эдакой!“ (бранное слово).

Ерконýть—тоже, что „бацнуть“.

Ерзать—вертѣться, сидя на мѣстѣ; „да будетъ теби ёрзать-то!“

Ерпесѝть — спѣшить; „не ерпесѝ, успиешь.

Ерскать, ёрыхàть — скоблить, чистить; „лаптёмъ, дѣвушки, хорошенько выёрыхайте стѣны и потолокъ“ (при мытьѣ).

Ж.

Жàботать — кричать; жàба — ротъ (смотри гайнò); „полно вамъ жàботать то!“

Жàлгнуть — тоже что „ёрконýть, бàцнуть“.

Жгàло — языкъ у гадюки.

Жѝхорь — жилецъ; „видно этотъ не жѝхорь на свити буде“ (умретъ).

Жомýля — ударъ; „дамъ жомýлю, такъ усядешься“.

Жýкнуть — говорить, не смотря на запрещеніе; „жýкни же ище“ (тоже „пѝкнуть“).

Журавѝна — ягода клюква (журавли любятъ ѣсть).

Жупѣть — ворчать про себя — тихо, издавать звуки; „не сидится молча, упять и зажупѝла“.

Жарàтокъ — мѣсто на шесткѣ у печи, куда сгребаютъ горячіе угли.

З.

Зàгодя — обдуманно, съ намѣреніемъ; „ужъ зàгодя это сдѣлано, не спроста“.

Зазно̀ба—любушка; „эй, глянь-ко, зазно̀ба-то твоя идётъ!“

За̀спа—крупа ячменная.

Загò̀ска—кукушка.

За̀пекель—загаръ отъ солнечнаго жара.

Закобянить—заморозить; „славно закобянило!“

Засяряндать—засѣменить, быть въ неловкомъ положеніи.

Зарò̀дникъ—огороженное мѣсто, гдѣ устроены прясла для сушенья овса и ячменя; отсюда—зарò̀дить—поднимать въ прясло снопы.

Здýть—а) съѣсть; „всю рыбу-то здýли,—головки не оставили!“ б) стащить, украсть; „здулъ кто-то погонялку съ саней“.

Здынýть—поднять, здымъ—подъёмъ (мѣсто, гдѣ при ловлѣ неводами и мутниками рыбы, стоятъ лодки).

Зорò̀дъ—стогъ сѣна.

Здѝклить—выдумать, сочинить; „эку напраслину вѣдь здѝклили“.

Зень—полъ, земля; „сядь-ко на зень“.

Зобà̀ть—ѣсть ягоды; „зоблѝте, гости, ягоды-то!“

Затамжѝть—утаить, скрыть; „видно, просьбу мою затамжѝлъ старостишка“.

Зыкнуть—а) громко крикнуть: „славно зыкнулъ сегодни дьяконъ „многу лѣту“ (многая лѣта); б) быстро выпить (водки); (отъ земли парнишка не видно, а рюмку мигомъ зыкнулъ“.

Зой—эхо, отголосокъ; „экой зой по лѣсу-то пойде, какъ рыкнешь“ (крикнешь).

Зыбель, зыбка—качель; зыбàться—качаться.

И.

Игрище—сборище гуляющихъ (въ праздники) молодыхъ парней и дѣвицъ; оно сопровождается танцами (хороводъ).

Идти на тѝпушкахъ—идти босикомъ тихо (на цѝпочкахъ).

Изòтчина—отчество; „какъ тя по изòтчины-то велицять?“ (звать).

Исповòльки—постепенно, по немногу; „а исповòльки сдѣлаемъ, не сумлюйсе“ (не сомнѣвайся).

Истихòнный—точно такой; „истихòнный батюшко по рожи (лицу) вышелъ“.

К.

Кàландать—издавать звукъ, звонить; „ча-

шечки закàландали, видно, самоварчикъ на столи".

Кàверза—ябедникъ, назойливый, надоѣдливый человѣкъ; „отстань, ты, отъ его—кàверзы, прочь".

Кавзàкъ—худой, тупой ножъ; „захватите въ лѣсъ какой-ни кавзàчонко".

Канендàтъ—кандидатъ, помощникъ; „кого выбрали канендàтомъ старшины?"

Канючить—выпрашивать; „лучше и не канючь,—не дамъ".

Кàрзать—обрубать сучья у дерева; „пойти, развѣ, покàрзать фой" (хвои).

Карашкй—поношенные башмаки; „гди-то мои каршаки?"

Калбатйна—толстая,большая, мозглая чýрка, (калбатиной часто называютъ лѣнивaго человѣка).

Кàчкера—дымъ и непріятный запахъ отъ сожженія худаго вещества; „вишь кàчкеры-то колько напустили!"

Карбàшъ—большой окунь; „эхъ, какой карбàшъ завалилъ!" (попалъ въ сѣть).

Кезýля—брюхо; „кезýлю-то набилъ (поѣлъ), такъ и пошелъ упять гулять!"

Кехкàчъ—неповоротливый; отсюда—кèх-

тать—лѣниться; „посылала, да не кѣхтае идти“.

Кивцà—мотокъ нитокъ, навитыхъ на свернутое въ трубку береcто (полагается кивцà въ челнокъ при тканьѣ холста).

Кѝляндать—издавать тонкій звукъ; „напередъ покѝляндаютъ въ маленьки (колокола), а потомъ и въ большой „бунгòнутъ“ (ударятъ).

Кѝчкать—дразнить (кичь-кичь); „кѝчкни же ищо разъ!“

Кислопряженцы—круглые пирожки, пряженые въ маслѣ на сковородѣ.

Клюжій—порядочный, довольно хорошій (см. „рàжій“).

Клàдать — очищать жеребца, легчить; „клàданъ ли, кумъ, жеребецъ у тебя?“

Клѣть—кладовая.

Кòка—а) клювъ; „у клювика (кулика) кòка-то долгая“ (длинная); б) легкій ударъ; „покинь шалить, не-то дамъ кòку въ голòву“ (отсюда—кòкать, кòкнуть—ударить).

Кокàчъ—ржаной пирогъ—съ толокномъ или пшеномъ внутри, печется на сковородѣ въ маслѣ.

Корячиться—вертѣться, свиваться отъ боли.

Кòрба – густой, высокій ельникъ; „въ таку кòрбищу зашелъ, што и свѣту не видать“.

Кобяниться—мёрзнуть, ёжиться; „ты чего кобянишься-то?“

Кòрандаетъ—лягушка квачетъ.

Кòсынька—(ласкательное слово)— милая, дорогая.

Кòска—доска, въ которую попадаютъ палкой при игрѣ въ „кòски“; „е (есть) люди у кòски“ (есть люди у кòски).

Котыни—волосы; „возьми-ко его за котыни, да отдери!“

Кужель—свёртокъ льна, который привязывается къ прялкѣ.

Кýрева—мятель; отсюда – „кýритъ“ – идетъ дождь и снѣгъ.

Кýрва—шельма; „эка курва, упять куды-то убѣжала!“

Кýбандать—почесать, поскоблить; „покýбандай-ко, кумушка, въ головы,—нѣтъ-ли кого тамъ?“

Кýрникъ—рыбной пирогъ (рыбникъ).

Кýнибаться—дѣлать скорѣе, шевелиться; „кýнибайтесь тамъ скуряе, идти набъ“(надо).

Кýксить—плакать; „што ты кýксишь?“

Кȕверетью—кувыркомъ; „побѣжала, да подъ гору кȕверстью полетѣла“.

Кудѐля—лёнъ; „ужель, сватья, кудѐлю чистила?“.

Кȕлача—подснѣжная, засохшая, прошлогодняя трава; „весной корȍвушки и кȕлачей докȍрмятся“.

Кȕчкать, кȕкать—бормотать, тихо говорить; „лежи, да не кȕчкай, а то бȕка съѣсъ“ (съѣстъ)

Кярза—челюсти; „подойди сюды, такъ я-те кярзу всю выворочу“ (въ дракѣ).

Кярба—срубленное, не толстое деревцо (около 4 верш. толщины въ корнѣ), у котораго сучья срубаютъ на столько, чтобы можно было ступить ногой; кярба служитъ, вмѣсто лѣстницы, для вставанья на скирду (особенно въ лѣсу).

Л.

Лȁйда—средина озера, довольно большое пространство воды; „какъ выѣхали на лȁйду, такъ думали конецъ намъ, такъ начало качать“.

Лȁлаки—дёсна; „видно, отъ зуба у мня лȁлаки-то опухли“ (кижлаки—тоже).

Ла̀стеги—дрань изъ сосны, употребляемая для сидѣнья на дровняхъ.

Лѐгандать—а) ярко горѣть; „экъ, огонёкъ то какъ славно залѐгандалъ!“; б) трястись, колыхаться—„тѣло-то лѐгандаетъ“ (у полной женщины).

Лемешѝть—бѣжать; „куды полемешѝлъ?“

Левкону̀ть—промелькнуть; „только я и видѣлъ, какъ платье левкону̀ло“.

Лебезѝть—угождать, ухаживать; „ты лебезѝ предъ старшиной, а я не стану“.

Лепа̀къ—лоскутокъ, особенно рваный у одежды.

Лѣшиха̀ться—посылать къ чорту (лѣшему).

Лу̀хта—мелкое мѣсто въ озерѣ, покрытое травой.

Лѐмбой—чортъ: „ахъ, лѐмбой тя побери“.

Ло̀бандать—кричать, говорить громко; „о чемъ, робята, ло̀бандаете?“

Лодыга—большая ножная ступня; „ну, и лодыга у тя!“

Лу̀нка—ямка.

Лявзять—говорить вяло; „началъ лявзять дый конца не дождешь“.

Лямить—идти до устали, „лямила, лямила, тожно устала“.

„Лядъ тя побери“ (выраженіе) чортъ тебя возьми!“ „Шый къ лядамъ“—убирайся къ чертямъ!“.

„Лясы точить“ (выраженіе)—шутить, говорить пустяки; „полно-те лясы-то точить!“

М.

Мàлтать—понимать; „мàлтаешь-ли што?“

Матёрый—толстый, здоровый; „эка, матерýщая женщина!

Матернякъ—боръ, дремучій лѣсъ,

Мараковàть—толковать, понимать; „маракýе ли колько, парень, грамоты?“.

„Мàритъ“—сильно грѣетъ; „передъ дождемъ,видно, эдакъ мàритъ“.

Мòня—безтолковый; „эхъ, ты, моня!“

Модѝть—тлѣть; „полѣно-то сыро, такъ модіе, а не горитъ“.

Межѐнь—средина лѣта, страда, самое рабочее время у крестьянъ.

Мостѝна—корзина изъ лучины.

Молонья—молнія: „молонья-то свище!“

Мотовѝло—инструментъ, на подобіе креста, посредствомъ котораго выматываютъ нитки съ веретна.

Миляга—бѣдный, жалкій.

Менёкъ — налимъ.

Молькй — мелкая, сушеная рыба (сущикъ).

Мòторъ — крючокъ деревянный, на которомъ привѣшивается котёлокъ для варки пищи въ лѣсу.

Мòтоско — утомительно. скучно. „Што рано идешь, кумъ?“ — „А мòтоско сидѣть стало“.

Мйтусить — мѣтить, прицѣливаться; „ну, братъ, долго мйтусишь?“

Мёжандать — надоѣдать разговоромъ.

Мỳзолить - сосать; „у мня робёнокъ такъ мỳзолитъ хлѣбъ мочёный“.

Мỳлега — мутная, грязная вода; „какая мỳдега стала въ рѣки-то!“

Мỳгандать — лѣниво работать, читать; „замỳгандалъ, такъ буде на нидйлю“ (недѣлю).

Мяряндать — а) ревѣть, кричать; „видно, на овси мидвидь ночесь мяряндалъ“. „Замяряндала, какъ мидвйдица“ (сильно заплакала).

Мялица — а) снарядъ, посредствомъ котораго очищаютъ лёнъ отъ кострики (мнутъ) б) плакса; „не покинь-ко, мялица, мялить?“ (плакать).

Мюряндать — мычать; „корова мюряндае“.

Н.

Напара̀ндаться—нарядиться, одѣться въ хорошее платье; „экъ, напара̀ндались (дѣвицы) къ празднику!“

Нато́диль—нарочно, вопреки: „а вотъ нато̀диль-же сдѣлаю по своему!“

Натѝна—листья отъ рѣпы.

Наяривать—бойко играть на гармоникѣ.

Нѐкаться—отказываться; „не нѐкайся, ступай!“

Нявгать—мяукать (кошка).

Нярега—грязь, которая попадаетъ въ сѣти, при ловлѣ рыбы; „няреги попало, а не рыбы“.

Нюгача—безтолковый; „ахъ ты, нюгача!“ (отсюда—„нюгандать“—не понимать).

„На-вѐрхъ-сыть“—сверхъ ѣды, послѣ ѣды; „поѣште-тко киселька на-вѐрхъ сыть!“

О.

Обиняка̀ми—не прямо, косвенно: „ты, братъ, обиняками то не говори!“

Обалду́й—дуракъ, глупецъ.

Обазу́литься—быть смѣлымъ, освоиться; „вишь, тихо̀ня (тихій)-то нашъ какъ обазу́лился теперь“.

Оболындѣть – одурачиться: „оболындѣлъ ты, видно, сегодни!“ (булындыши—глаза).

Одо̀нье—тоже, что „зародникъ“.

Оммѣнъ (бранное слово)—дуракъ; „ахъ, ты, оммѣнъ эдакой!“

Онамѣдь—раньше, давно; „вѣдь я-те онамѣдь говорилъ объ этомъ?“.

Онӯчи – обвёртки вокругъ ногъ.

Овсяникъ—хлѣбъ изъ ржаной и овсяной муки (преимущественно овсяной).

Опехтяй—толстый, неповоротливый; „ишь вѣдь какой опехтяй, еле шевелится!“ (Одрань—тоже).

Опрӯжить – опрокинуть.

Опрѝчь—кромѣ.

Опопо̀нить—ударить погонялкой; „опопо̀нь-ко хорошенько, дакъ пойдѐ!“ (лошадь)

Опиха̀ть – очищать отъ оси жито (толкутъ въ ступѣ).

Отлынивать—лѣниться, отстать въ работѣ отъ другихъ; „ты што отлыниваешь? дѣлай хорошѐнё!“

Отпѣкиваться—отказываться.

Осто̀жьё—подстилка изъ досокъ или палокъ, на нее налагаютъ снопы (скирды).

Охарàшиваться — любоваться нарядомъ; „экъ, передъ зеркаломъ-то охорàшивается!“

Ошѐстокъ—шестокъ у русской печи.

Охлеять – поправиться, выздоровѣть; „думали смерётушка пришла, а то ёнъ (онъ) охлеялъ“.

II.

Пàжа—гноевидная матерія, которая образуется на глазахъ у дѣтей послѣ сна (отсюда—„пàжаникъ“—гнояникъ).

Пàмха—изъянъ, конецъ; „нѣтъ теби и пàмхи-то?“ („помшиться“—кончиться).

Пасгонýть—рвануть, вырвать; „пасгонй-ко его хорошенё за волосьё!“

Пàужинать—закусывать предъ ужиномъ; „не худо-бы и попàужинать?“

Пàхтаньё—жидкость, оставшаяся послѣ взбитья масла.

Пѐстунья—нянька-дѣвочка.

Пйстега—свистокъ изъ гусинаго пера для приманки рябовъ.

Порàто – очень.

Пѐреузь—проливъ; „поставь сить-ту (сѣть) въ пѐреузь,—лучше рыба попадѐ!“

Пйжандать—а) не загорѣться, горѣть не

ясно; дровишка мòзглы, дакъ пйжандаютъ только"; б) тихо плакать; „упять запйжандалъ (ребёнокъ),—не спится".

Пйрдать—неумѣло рубить—рѣзать; „экъ, дерево-то хто-то выпирдалъ!"

Пйхка—мелкая еловая чаща.

Плýтово—берестяная или деревянная плашечка; привязывается къ верхней тетивѣ (веревкѣ) невода отъ 4—6 на каждую сажень.

Поддѣвка—одежда на подобіе длиннаго сюртука (почти вышла изъ употребленія).

Пёнжетать—ворчать, быть недовольнымъ; „хоть малѐнё (немного) попеняешь, такъ и худо—запёнжетае".

Пѐжить—съ усиліемъ, съ трудомъ тянуть, тащить, идти до устали; „до того-то я пѐжилъ, што какъ сѣлъ, дакъ весь затряссе".

Понàсѣдки—умышленно, по злости.

Покрута—нарядная одежда, — приданое для невѣсты.

Подòлъ—нижній конецъ въ полосѣ; „по подолу рожь хороша".

Поскàлъ—поскакалъ (побѣжалъ) очень быстро.

Посядни—нѣсколько времени назадъ,—раньше; „посядни дѣло было".

Полудѐнникъ—южный вѣтеръ.

Пòрочи—сырая зола (пепелъ), оставшаяся послѣ бученья (смотри „букъ“, „бу̀чить“)

Порнòй—дюжій, сильный (пòрной парень).

Посыкну̀ть — круто повернуть веретно, отчего оно долго крутится на полу, а пряха въ это время вытягиваетъ нитку.

Посконова̀ть—рвать за волосы; „я какъ начну̀ тя посконова̀ть, такъ только гляди!“

Полòхало—пугало (на подобіе человѣка, съ распростертыми руками),—ставятъ пугало на лѣсныхъ нивахъ для устрашенія медвѣдей.

Прѝторомко—прѝторно; „ѣшь, сватъ“!—„не могу, сватья, прѝторомко!“

Припòнъ—квадратное полотно (изъ толстаго холста), имѣющее около 5—7 арш. въ длину и ширину; оно постилается на на землѣ, а на него бросаютъ снопы со скирдъ, такъ что выпавшія сѣмена остаются на припòнѣ.

Прòстень—довольно толстый комокъ пряжи на веретнѣ; „я вечёръ-таки два прòсня напряла“.

Прытко—бойко, скоро.

„Прятать палъ“ (выраженіе)—убирать на

сожженной нивѣ лѣсъ (обгорѣлый), чтобы сѣять рожь; „прятанъ-ли палъ у тя, сусѣдъ?“

Пурдега—зимняя вьюга.

Пузырить—много пить; „полно пузырить-то!“

Пый—иди; пудёмъ—пойдёмъ. „Пыйте самы, а мы не пудёмъ“.

Пяляница—плакса; „упять натянула губу, пяляница!“

Пясть—горсть; „нѣтъ-ли пясточки соли до завтрія?

Р.

Рàзаги—подсѣка изъ тонкаго и рѣдкаго лѣса, заросшая травой и не сожжённая года 2—3; жгутъ рàзаги только въ самое жаркое лѣто (тогда, вмѣстѣ съ высохшей травой, сгораетъ и лѣсъ).

Рàжій—хорошій, красивый, дѣловой; „не рàжій парнишко!“

Райдѝна—ивовое дерево.

Рàчить—жалѣть; „молодуха така скупа попала, што не рàчитъ сдержать маслѝнки“ (масла капли).

„Рёхкаетъ“—свинья хрюкаетъ.

√ Рѝбандать—бѣжать тихо; „куды упять порѝбандалъ“?

√ Рипа̀къ—лохмо̀тьё, рваныя лоскутья „вырви „рыпакѝ-то,—вишь виснутъ!“

„Ро̀бандаетъ“—кипитъ каша.

Розсо̀ха—колъ, съ обрубленными на половину сучками въ верхушкѣ; около его полагаютъ ржаные снопы (суслòнъ, бабка, семерѝкъ); въ такомъ видѣ снопы лучше просыхаютъ и не падаютъ отъ сильнаго вѣтра.

„Разматрёнило“—разнѣжило, „экъ, тя разматрёнило на солнышкѣ-то!“

Рипа̀къ, рипаковѝтый—корявый (отъ оспы); „вишь рипако̀въ-то колько на лицѝ (лицѣ),—будто боронилъ хто!“ (кто).

Рѫ̀мега—шелуха, оставшаяся послѣ молотьбы ржи и овса; она употребляется въ пареномъ видѣ, въ кормъ рогатому скоту.

Рыкъ—крикъ, рычать—кричать; „экой рыкъ подняли!“

√ Рянда—слякоть (осенняя), непогодь; „Господи, кака рянда пошла!“

√ Рячконѫ̀ть, ряжандать—трещать, хрустѣть; „видно мидвидь въ корбы ряжандалъ“ („громъ рячконѫ̀лъ“—сильно загремѣло.)

С.

Селентѝть— ухаживать, увиваться, съ цѣлію выпросить, или выманить что нибудь; „ишь упять какъ селентѝтъ крукъ (около) его“

Сòлощъ—неразборчивый въ ѣдѣ; „ну, этотъ гось (гость) сòлощъ йсь“ (ѣсть).

Спòрко—хорошо, бойко, съ успѣхомъ; „въ артели дакъ и дѣло-то спòрко идетъ“ („Спòрится“—успѣшно работается).

Сѝрузку—немножко; „сыпни, кумушка, до завтрія сѝрузку муки“.

Свѝчинька (ласкательное слово)—милый, дорогой; „свѝчинька, ты, мой ребёночекъ!“

Сглюзнѝться—поскользнуться; „сглюзнѝлась было, да чуть не пала“.

Себрà—община, общее дѣло; „въ себры ниву рубилъ, аль на себя?“ („Себрянное“ поле).

Сёмать—медлить; „не сёмайте, робята, косѝте скуряе!“

„Сѝбандаетъ“ (выраженіе)—идетъ мелкій дождь!

Скиляга—надоѣдливый проситель,—скиляжить—надоѣдать; „это ты и поскиляжишь, кажется?“

Слѝгоза—ребёнокъ, не умѣющій еще ходить (ползающій); „ну, ты слѝгоза,—не сидится въ избы-то? (нужно ему открывать дверь).

Слоняться—скитаться, безъ дѣла быть; „што ты, эдакой мужикъ, слоняешься цѣлы дни безъ дѣла?“

Снѹйки—двѣ жёрдочки плоскія, длиною около сажени, полагаются крестомъ на треножку, на подобіе вилъ, которыми мечутъ сѣно, высотою не болѣе одного аршина; на нихъ навиваютъ пряжу съ мотушекъ на лубокъ („снуютъ пряжу“).

Сполòхаться—испугаться; „ой, какъ мы сполòхались вечёръ, думали мидвидь“ (медвѣдь).

Стебенѝть—а) просить неотвязчиво, требовать; „ну и человѣкъ,—какъ присталъ, такъ цѣлый день и стебенѝть!“ б) приказывать; „ему стебенѝ, хоть нѣтъ, быдто и не понимае!“

Стòкъ—скирда хлѣба.

Сулѝть—обѣщать; „сулилъ, сулилъ, а самъ и обманулъ“.

Сумѝться—кончить, перестать; „сумѝтесь, вы, йсь-то!“ (ѣсть)

Ссузарàнку — рано утромъ; „а ночуй, сватъ, да ссузарàнку и пойдешь по холодку.“

Суслòнъ — 10 сноповъ, уложенныхъ вокругъ россòхи.

Счунять — стыдить, увѣщевать; „ты бы, кумъ, посчунялъ парня-то,—мòже тебя и послухалъ бы!“

„Сѣчь сýки“ — рубить лѣсъ подъ ниву (подсѣки).

Сызнòва — опять, снова.

Сýруску — немного,—мало.

Т.

Тѐнькаться - отказываться; „садись, садись (обѣдать), - не тѐнькайсе!“

Тѝпа — легкій ударъ (тѝпнуть — легко ударить).

„Тилѝску дать“ (выраженіе)—вырвать за волосы; „не покинешь шалить, такъ мотри (смотри)—тилѝску дамъ“.

Тѝпсотать—идти тихо; „тѝпсотай скуряе!“

Тòрокь—вихрь; „экой тòрокъ сходился!“

Тонь—такъ, складно; „тонь ловко подошло платье на миня.“

Трýнь—рѝбуша, рвань; „одёжонка-та у его такъ трýнь-трýнью!“

„Тӯмбалку дать“ (выраженіе)—ударить въ голову сверху; „дай-ко ему хорошу тӯмбалку!“

Турѝть,—а) гнать; „хозяинъ приде такъ живо вытуритъ всѣхъ“; б) бѣжать; „живо турѝ, а то отецъ забранитъ, што не сходилъ“.

Тюкать—рубить, рѣзать; „полно тюкать окошко-то!“

Тюквица—верёвочка, которая привязывается къ рогамъ коровы, когда ее ведутъ.

Тюснуть—на ѐтмашъ, круто ударить; „выдь (выйди), ты, отъ его, а то тюсне теби въ рожу“.

Тярега—ремешѐкъ, (изъ ивовой коры) которымъ привязываютъ кѐсу къ ручкѣ (косьёвицу).

Тяпӯшка—толокно, смѣшанное съ водой (жидкая каша).

Тяпшà—грязь, „не ходи въ тяпшӯ-ту!“

У.

Ушнѝца—бревно съ дырьями (15—20), въ которыя продѣваютъ жерди (прясла, гдѣ сушатъ яровой хлѣбъ).

Уйма—толпа, артель; „эка ӯйма народищу привалила!“

Уландать—вòять; „ночесь, видно, ужъ волки ỳландали въ поли!“

Упѐтаться—умàяться, устать; „ишь, какъ упѐтался, тожнò (что) ноги не служатъ“.

Упряжка—время (отъ 3—5 часовъ), проведенное въ работѣ; „у миня, слава Богу, на одну упряжку осталось работы!“

„Усòвы кòлетъ“ (выраженіе)—боль, въ бокахъ колетъ.

Утерàльникъ—полотенце.

Ухожа—выгонъ, поле для скота; „у васъ, братъ, добрà ỳхожа,—ну, у насъ-то не рàжа“ (не хороша).

Ф.

Фàля—безтолковый человѣкъ (дуракъ); „эхъ, ты, фàля,—этого не толкуешь сдѣлать!“

Фѐртъ—бахвалъ, хвастунъ; (человѣкъ, принимающій позу буквы „Ф“); „ишь, какимъ фѐртомъ показывае себя!“

Фоя—хвоя; „фòйки-бы сходить набъ (нужно) посйчь“.

Фỳзандать—сердиться, насупиться; „ты што упять фỳзандаешь?“

Фỳрнуть—быстро побѣжать; „полно фỳрнулъ скоро, а то высѣкъ бы ужъ“ (вйцей).

Фуфыриться—франтиться; „экъ, дѣвки на йгрище какъ нафуфырились!“

Фырскать—громко засмѣяться; „мы такъ и фырскнули вси!“

Фўрайдать—летать; „этта (здѣсь) опять рябы начали фўрайдать,—примѝтить (замѣтить) набъ къ осени“.

X.

Хайлò—глупецъ, полоротый, ротозѣй; „эй, ты, хайлò пустое!“

Хàять—хулить, бранить; „людюшки, не бàйте-тко, кого люблю,—не хàйте-тко!“

Хàмкать—зѣвать; „што-то хàмкается,—надо спать идти“.

Хàпнуть—схватить.

Халява—невнимательный, неразсудительный человѣкъ; „ну, ужъ, ты, настоящая халява!“

Харахòриться—хвастать, храбриться; „ты, братъ, много-то не харахòрься!“

Хлобыснуть—упасть; „шёлъ, шёлъ, да какъ хлобыснулъ нà зень!“

Хлябать—разсохнуться; „колесо-то, видно, розхлябалось“,

Хòрандать—храпѣть во время сна; „не успѣлъ лечь, ужъ и хóрандае“.

Хрòбандать—летѣть, издавать звукъ при полётѣ, напр. большой птицы; „экъ, мошникй захрòбандали!“

„Хрòбандаетъ“ (выраженіе)—идетъ сильный дождь (сильно стучитъ въ крышу или землю).

Хрàпнуть—схватить, поймать; „чуть было я не хрàпнулъ за хвосъ“ (птицу).

Хряснуть—а) сломаться; „эко вѣдь деревище хряснуло,—видно отъ молвіи!“ б) киснуть; „квашня худо хрясне“ (киснетъ).

Ч.

Чàвкать—тихо, медленно ѣсть; „чàвкайте скуряе, да ступайте на работу“.

Чёлпàнъ—хлѣбъ, спеченный изъ смѣси бѣлой и ржаной муки.

„Челòмъ здорòво“—здравствуйте! „Челòмъ здорòво, вси крещёны!“

Чертыхаться—браниться (посылая къ чорту); „цего вы чертыхàетесь, безстыжіи?“

Чечýля (цецюля)—большой кусокъ хлѣба; „инь вѣдь какý цецюлю взялъ,—гди-те съись?“ (съѣсть).

Чйландать—звонить въ маленькій колокольчикъ; „покинь чйландать-то, уши вси прозвонйлъ!“

Чйхкать—болѣть; „у меня, кумушка, дакъ всё то муженёкъ чихкае“.

Чòрандать—журчать; „ручейки зачòрандали везди“.

Чкàть—быстро побѣжать; „я какъ прикрикнулъ на него, такъ почкàлъ во вси ноги.“

Чудйлко — маскированный; „чудйлки идутъ.“

Чўрка—сгнившее дерево (большой конецъ дерева); „мозглая, просырѣвшая чўрка“.

Чурбàнъ—отрубокъ (около аршина) отъ дерева; „куды, робята, укатйли чурбàнъ-то?“

Чустякъ—болячко; „руки-то у тя вси въ чустякàхъ,—помàзалъ-бы чимъ ни“.

Чупрынъ—стоячіе волосы; „возьми-ко его за чупрынъ, да отдери хорошенько!“

Чўхкать—лежать смирно, не издавая звука; „лежи, лежи, не чўхкай!“

Ш.

Шàгайдать — шевелиться въ темнотѣ; „глянь-ко, хто тамъ шàгайдае?“

„Шаль, а не кȕпля“—очень дешевая покупка.

Шибнȕть—бросить.

Шȉжликъ—ящерица.

„Шлȉпку дать“—ударить по щекѣ; „(шлипа̀чить); „теби, говорятъ, у праздника шлȉпокъ надавали?“

Шлёнготать—ходить не спѣша, покачиваясь; „куды, кумушка, шлёнготала въ эдакой грязи?“

Шлякибать—хлебать, хватать пищу скоро; „садитесь за столъ, да шлякибайте скуряе“.

Шмо̀ть—рваное платье; „уберите, шмо̀тьишко-то куды ни,—гости идуть!“.

Шȕгандать—шептаться; „што, вы, тамъ шȕгандаете?“

Шкѐвничать—ябедничать.

Шо̀йдало—высокій ростомъ; „эко вѣдь шо̀йдало!“

Шȕга — снѣгъ вмѣстѣ со льдомъ, который образуется въ рѣкѣ осенью отъ за̀морозковъ; „шȕгу понесло, дакъ скоро стане (застынетъ) рѣка“.

Шуга̀й—старинное женское платье, на

подобіе кофточки, со складками назади (теперь изъ употребленія выходитъ).

Шу̀хоба—сборище худыхъ людей: „шу̀хоба набралась одна, да гоститай (угощай) ихъ!“ (Шу̀шера—тоже.)

Шорпакѝ—сучки у вилъ (не болѣе четырехъ).

Щ.

Щипѝца—чахлый человѣкъ; „щипѝца на видъ, а самъ сильной“.

Щунять—увѣщевать, выговоръ дать; „пощунялъ-бы, сватъ, парня, може не сталъ-бы драться“.

Щелова̀ниться—намываться, мыться долго и чисто; „ну, и нащелова̀нилась, быдто невѣста къ вѣнцю (у)“.

Ю.

Юкнуть — ударить, стукнуть; „юкни-ко хорошенько курикомъ“.

Юрандать—гремѣть; „на̀чало юрандать, дакъ дастъ Богъ и дождика!“

Юръ—го̀рка, самое видное мѣсто; „я-то стоялъ на самомъ юру̀, дакъ выглядѣлъ всё“.

Я.

Ямега—шёвъ въ рыболовныхъ сѣтяхъ „упять по ямеги пролеха (прорѣха) сдѣлалась".

Ятковать—твердить нѣсколько разъ объ одномъ и томъ-же, — часто напоминать; „кольки (сколько) разъ ужъ ятковалъ теби, штобы сходилъ на ниву".

К. Ф. Ф.

(Перепеч. изъ №№ 61—67 Олон. Губ. Вѣд. 1891 г.

Петрозаводскъ. Въ Губ. Тип. 1891.

ЖИВОТНЫЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Статья М. Д. Георгіевскаго).

Для многихъ, изъ живущихъ въ Олонецкой губерніи, вѣроятно, не безъинтересно знать четвероногихъ обитателей своего края; поэтому, пользуясь трудами знаменитаго естествоиспытателя Брема и основываясь на изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ, мы въ настоящей статьѣ поговоримъ о млекопитающихъ, населяющихъ наши лѣса. Животныхъ, водящихся въ нашихъ лѣсахъ, насчитывается болѣе двадцати наименованій.

Первое мѣсто, по силѣ, занимаетъ между нашими четвероногими *Медвѣдь* (Ursus arctos) бурый или обыкновенный. Въ молодости „мишка“ предпочитаетъ животной пищѣ растительную, поэтому истребляетъ всходы полей, траву, древесныя почки, плоды, ягоды, лишаи, разрываетъ муравейники, добираясь до куколокъ муравьевъ и, вѣроятно, до самыхъ хозяевъ. Но, познакомившись со вкусомъ мяса на какомъ-либо животномъ,

медвѣдь дѣлается хищникомъ и начинаетъ преслѣдовать: коровъ, лошадей и другихъ животныхъ.

Зимой, какъ извѣстно, медвѣдь лежитъ въ берлогѣ и питается на счетъ запаса жира, собраннаго лѣтомъ. Въ январѣ медвѣдица рождаетъ, по большей части, двухъ медвѣжатъ и ухаживаетъ съ любовію за ними. Настоящимъ медвѣдемъ медвѣженокъ дѣлается въ 6 лѣтъ и можетъ прожить около 45 лѣтъ.

Кромѣ способовъ охоты, практикующихся въ Олонецкой губерніи, есть нѣсколько иныхъ. Такъ, напримѣръ, въ южной Россіи и Сибири надъ приманкою строятъ изъ бревенъ, лежащихъ одно на другомъ, почти зданіе. Это зданіе падаетъ на медвѣдя и давитъ его, когда онъ подойдетъ къ приманкѣ. Ловятъ „мишку“ и въ яму, въ которой вбитъ острый обожженный колъ. Обыкновенно яму прикрываютъ дерномъ, а не далеко отъ ямы устраиваютъ пугало на веревкѣ. Медвѣдь ступаетъ на веревку ногой, раздается трескъ. Испугавшись, медвѣдь бѣжитъ, падаетъ въ яму и натыкается на колъ. Ловятъ еще такимъ способомъ: на дорожку, по которой медвѣдь ходитъ, кладутъ

доску въ два фута шириною. Доска обильно покрыта вбитыми гвоздями. Недалеко устраиваютъ такое же пугало, какъ при ловлѣ въ яму. При раздавшемся трескѣ, медвѣдь бросается и попадаетъ лапами на гвозди. Освободивъ одну лапу, онъ натыкается другою, падаетъ на спину и остается такъ, пока его не убьютъ. Иной еще способъ заключается въ слѣдующемъ: къ тяжелой колодѣ привязываютъ веревку, на другомъ концѣ которой—петля. Ловушка ставится на дорогѣ, на крутомъ берегу. Когда медвѣдь попадетъ головой въ петлю, онъ замѣчаетъ, что его тянетъ колода, препятствуетъ идти. Не догадываясь освободить голову, онъ въ злобѣ бросается на колоду и бросаетъ ее съ крутизны. Но колода тащитъ и его. Онъ падаетъ. Если не убьется, то обыкновенно поднимаетъ колоду на берегъ, опять бросаетъ и, сопровождая ее, наконецъ убивается до смерти.

Медвѣдь нерѣдко попадаетъ и въ такую ловушку: къ кривымъ деревьямъ привязываютъ петлю, въ которой—падаль. Взобравшись на дерево и стараясь достать добычу, медвѣдь попадаетъ самъ въ петлю, изъ которой освободиться не можетъ.

На Уралѣ пчеловоды ловятъ медвѣдя такъ: къ дереву у улья подвѣшиваютъ въ наклонномъ положеніи доску, какъ чашку вѣсовъ. Предъ отверстіемъ улья проходитъ другая веревка, привязанная однимъ концомъ къ доскѣ. Медвѣдь старается перекусить эту веревку, когда заберется на доску. Но, достигнувъ этого, попадаетъ въ бѣду: доска начинаетъ качаться. Выйти нельзя. Если онъ бросится на землю, то подъ качелью вбиты колья, гдѣ ждетъ его смерть.

Наконецъ, ловятъ медвѣдя еще такъ: къ логовищу его носятъ полѣнья и одно за другимъ суютъ медвѣдю; онъ ихъ подбираетъ и набереть ихъ столько, что ему негдѣ повернуться. Тогда его колютъ копьями.

Охота на медвѣдя должна быть признана выгодною; шкура его цѣнится отъ 10 до 25 р.; жиръ медвѣдя дорогъ.

Барсукъ (Meles taxus). У барсука толстое, неуклюжее, съ толстой шеей тѣло; голова длинная; морда напоминаетъ рыло свиньи, глаза и уши маленькія; короткій пушистый хвостъ; подошвы голыя. Шерсть на спинѣ бѣло-сѣрая, съ примѣсью чернаго. На бо-

кахъ и хвостѣ шерсть съ рыжеватымъ оттѣнкомъ; нижняя часть и ноги чернобурыя. Голова бѣловатаго цвѣта, но по обѣимъ ея сторонамъ идетъ матовая черная полоса, дѣлающаяся кверху шире, она идетъ и по глазамъ и по ушамъ и теряется на затылкѣ. Длиною барсукъ бываетъ до 3½ фут.

Таковъ недовѣрчивый, угрюмый барсукъ, любящій уединеніе, но любящій и пожить, ничего не дѣлая, пріятно. Барсукъ живетъ въ чистыхъ опрятныхъ норахъ, сдѣланныхъ на солнечной сторонѣ лѣсистыхъ холмовъ. Нора имѣетъ нѣсколько выходовъ. Въ лучшемъ мѣстѣ норы барсукъ устраиваетъ себѣ постель изъ мха. Цѣлые дни лежитъ барсукъ въ норѣ; за то ночью онъ выходитъ на добычу, ищетъ березовыхъ кореньевъ, насѣкомыхъ, улитокъ, дождевыхъ червей, морковь, рѣпу, птичьи яйца, соты пчелъ, ось, шмелей, и даже гадюкъ. Зиму барсукъ проводитъ въ спячкѣ. Въ февралѣ или мартѣ самка производитъ на свѣтъ до 5 слѣпыхъ дѣтенышей, которые много играютъ другъ съ другомъ въ дни своей молодости.

Барсуковъ выкапываютъ изъ норъ, выгоняютъ, при помощи ловкаго такса, и стрѣляютъ. Охота на барсука выгодна: мясо его

съѣдобно, шкура употребляется на обивку сундуковъ, изъ шерсти дѣлаютъ щетки и кисти, жиръ употребляется, какъ лѣкарство.

Россомаха (Sulo borealis). Имѣетъ длину до 3 ф. Глаза у россомахи маленькіе, надъ ними торчатъ пять жестскихъ щетинъ; усы большіе; шерсть на мордѣ тонкая, короткая, на ногахъ—густая, на туловищѣ—длинная, косматая. Верхушка головы и спина темно-бураго цвѣта, съ сѣрыми волосами; нижняя часть тѣла и ноги черныя, морда буро-черная. Между глазомъ и ухомъ—свѣтло-сѣрое пятно, и сѣрая полоса тянется отъ плечъ по бокамъ. Россомаха бродитъ ночью и днемъ, но преимущественно ночью. Она неуклюжа, однако влѣзаетъ на низенькія деревья, гдѣ поджидаетъ добычу. При приближеніи животнаго къ этому дереву, россомаха вскакиваетъ ему на спину, перегрызаетъ артеріи и ждетъ, пока животное не истечетъ кровью. Главную пищу россомахи составляютъ: мыши, олени, лоси, лошади, коровы. Россомаха ненавистна охотникамъ. Чуть охотникъ не убралъ своей добычи, россомаха воспользуется ею. Она и изъ ловушекъ уноситъ приманку, добычу. Мелкихъ животныхъ россомаха съѣдаетъ, крупныхъ

прячетъ для будущей трапезы. Отъ человѣка россомаха, обыкновенно, бѣжитъ, но при невозможности бѣгства, она свирѣпѣетъ и можетъ отлично защищаться. Рожденіе россомахою дѣтенышей бываетъ въ маѣ. Обыкновенно, на свѣтъ Божій являются въ это время 2—3 россомахи, гдѣ либо въ непроходимой чащѣ лѣса. Мѣхъ россомахи цѣненъ.

Лѣсная куница (Mustela matres), съ темно-бурою шерстью на верхней части тѣла и хвостѣ, очень красивое животное. Горло и нижняя часть шеи окрашены въ яркій желтый цвѣтъ; морда чалая, лобъ и щеки свѣтло-бурыя. Мѣхъ куницы мягкій, блестящій. Зимой цвѣтъ шерсти темнѣе. Куница живетъ охотнѣе въ густыхъ и темныхъ лѣсахъ. Она очень искусно лазитъ по деревьямъ, живетъ въ гнѣздахъ птицъ. На охоту куница выходитъ ночью. Ловитъ она мышей и всѣхъмлекопитающихъ, которыхъ можетъодолѣть; а также птицъ и лакомится ихъ яйцами. Куница проворна, хитра, смѣла, осторожна. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля самка рождаетъ до 4 дѣтенышей въ дуплѣ; съ ними она охотно и долго возится, пріучая ихъ охотиться. Мѣхъ куницы очень дорого цѣнится и потому на куницу охо-

титься выгодно. Стрѣляютъ ее по свѣжему снѣгу, отыскивая по слѣдамъ. Случайно находятъ куницъ на вѣткахъ. Если нѣтъ съ собой ружья, можно, не далеко отъ куницы, поставивъ палку съ повѣшеннымъ на ней платкомъ или сюртукомъ, сходить за ружьемъ. Куница, заинтересованная новымъ предметомъ, забываетъ объ опасности и бѣгствѣ. При охотѣ на куницъ необходима хорошая собака. Въ капканъ куница легко попадаетъ, если онъ хорошо спрятанъ. Для приманки кладется кусокъ хлѣба, поджаренный съ лукомъ и медомъ на свѣжемъ маслѣ и посыпанный камфорой. Кромѣ капкана куницу ловятъ еще въ длинный ящикъ съ опускной дверью. По срединѣ ящика кладутъ дощечку съ приманкой, или, еще лучше, ставятъ на днѣ ящика частую проволочную клѣтку, гдѣ сидитъ живой мышенокъ. Куница идетъ въ ящикъ. При прикосновеніи ея къ приманкѣ, дверь захлопывается...

Ласка (Mustela vulgaris)—маленькое животное, до 6¼ дюйм. длиною. Толщина этого животнаго отъ головы до хвоста почти одинакова. Мѣхъ верхней части тѣла, ногъ, хвоста—рыжевато-бурый; края верхней губы, нижняя часть тѣла и внутренняя поверхность

ногъ—бѣлаго цвѣта. Иногда по животу разсыпаны бурыя точки. Глаза ласки маленькіе, веселые. Зубы большіе, впереди глазъ торчатъ длинныя щетины. Ласка живетъ въ дуплахъ, въ кучахъ камней, въ норахъ, въ старыхъ строеніяхъ, амбарахъ, чердакахъ. Ласка выходитъ на добычу днемъ, но ея время—ночь. Ласка чрезвычайно дерзкое и смѣлое животное. Она нападаетъ на сильныхъ большихъ звѣрей и не мало труда слѣдуетъ употребить, чтобы отцѣпить ее отъ жертвы. Она никогда не пугается, а смѣло идетъ на встрѣчу животному и вступаетъ съ нимъ въ бой. Даже въ когтяхъ хищной птицы, поднявшейся съ нею на воздухъ, ласка не теряется Она старается перекусить артерію и часто птица мертвая падаетъ на землю. Ласка врагъ млекопитающихъ и птицъ,—она истребляетъ мышей, кротовъ, зайцевъ, кроликовъ, куръ, голубей, жаворонковъ, расхищаетъ содержимое гнѣздъ; не брезгаетъ ящерицей, ужами, ѣстъ лягушекъ и своихъ сестеръ, рыбъ, насѣкомыхъ. Мелкихъ ласка схватываетъ за затылокъ, крупнымъ вцѣпляется въ горло. Она путешествуетъ всюду: за кротомъ—въ землю, за рыбой—въ воду. Въ іюнѣ или маѣ самка производитъ на свѣтъ до 7 штукъ слѣпыхъ

ласокъ, приготовивъ имъ постель изъ соломы, сѣна, и долго кормитъ ихъ грудью. Ласка, за великую пользу, приносимую ею человѣку, должна пользоваться съ его стороны защитою.

Горностай (Mustela erminea) очень похожъ на ласку, только онъ по-длиннѣе. Зимою горностай бѣлаго цвѣта. Его отличительнымъ признакомъ служитъ черный цвѣтъ конца хвоста. Эта особенность рѣзко отличаетъ горностая отъ ласки. Горностай находитъ себѣ пріютъ вездѣ: въ дуплахъ, норахъ, дырахъ въ стѣнѣ, кучахъ камней, постройкахъ. Горностай днемъ спитъ, но въ сумерки идетъ совершать свои подвиги съ мужествомъ и неудержимою жадностью къ убійству. Горностай на столько безумно отваженъ, что бросается на потревожившаго его человѣка и старается вцѣпиться ему въ шею. Горностай истребляетъ мышей, кроликовъ, голубей, куръ, таскаетъ изъ гнѣздъ ласточекъ, лакомится змѣями, зайцами, особенно любитъ водяную крысу, за которою очень искусно плаваетъ. Горностая часто ловятъ въ ловушки, поставленныя для крысъ.

Норка (Mustela lutreola) имѣетъ до 19-ти

дюймовъ въ длину; широкую плоскую морду, плавательную перепонку, соединяющую пальцы болѣе чѣмъ на половину и прикрытую короткими волосами. У норки жесткая, блестящая бураго цвѣта шерсть; на спинѣ и особенно на затылкѣ и задней части тѣла гораздо темнѣе. Губы и подбородокъ бѣлыя. Норка бѣгаетъ плохо, по деревьямъ не лазитъ, но превосходно плаваетъ. Норка живетъ на болотистыхъ берегахъ рѣкъ и озеръ, устраивая себѣ логовище въ корняхъ ольхи, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, не далеко отъ воды, въ которую бросается при опасности. Норка питается рыбами, лягушками, раками, улитками, но не прочь полакомиться лѣсною и домашнею птицею. Мѣхъ норки очень цѣнится и потому ее ловятъ въ разныя ловушки, стрѣляютъ. Норка производитъ на свѣтъ въ концѣ апрѣля до 6 дѣтенышей.

Волкъ (Canis lupus). Волкъ, кажется, извѣстенъ всѣмъ отъ малаго до великаго. На Свири, напримѣръ, обиліе волковъ. Въ зимніе вечера можно слушать ихъ концерты и не рѣдкость встрѣтить вечеркомъ при проѣздѣ лѣсомъ двухъ-трехъ голодныхъ, жалобно воющихъ волковъ. Волкъ любитъ ѣсть крупную дичь и домашнихъ животныхъ;

ѣстъ оленя и мышь, гуся и маленькую птичку, лягушекъ, жуковъ, любитъ падаль. Во время голода волкъ не брезгуетъ и мхомъ и почками деревьевъ. Но, если онъ однажды испробуетъ человѣческаго мяса, то предпочитаетъ эту пищу всякой другой и неутомимо, нахально старается изъ деревни достать ребенка. Волчица рождаетъ въ темномъ лѣсу, подъ корнями, въ норѣ, до 6—7 слѣпыхъ волчатъ, и кормитъ ихъ недѣль шесть молокомъ. Она ревниво оберегаетъ дѣтей даже отъ волка, потому что онъ не прочь полакомиться и ихъ мясомъ. Волки живутъ лѣтъ 15. Волкъ очень вреденъ и поэтому всякая охота на него позволительна—порохъ, отрава. Отравляютъ волковъ обыкновенно такъ: содравъ съ овцы шкуру, дѣлаютъ въ мясѣ надрѣзы и въ эти надрѣзы посыпаютъ немного стрихнина. Затѣмъ натягиваютъ на овцу шкуру и бросаютъ въ лѣсу. Волкъ, испробовавъ овцы, издыхаетъ. Кромѣ того, волковъ ловятъ въ ямы, футовъ въ 10 глубины, крышу которыхъ составляютъ тонкія прутья, прикрытыя мхомъ. На срединѣ крыши ставятъ приманку. Огораживается яма заборомъ, вышиною фута въ 3, чтобы препятствовать волку изслѣдовать приманку и чтобы предо-

стеречь человѣка. Иногда охотники на лыжахъ отыскиваютъ волка и, нагнавъ его, убиваютъ. По рыхлому снѣгу онъ бѣжать не можетъ—вязнетъ.

Лисица (Canis vulpes) тоже извѣстное животное. Она живетъ въ норахъ, въ ущельяхъ, или между корнями деревьевъ. У лисы нора съ нѣсколькими помѣщеніями, т. е. у ней есть главная нора и, въ связи съ ней, еще нѣсколько другихъ. Къ гнѣзду—главному мѣсту въ норѣ—ведетъ одинъ только ходъ, между тѣмъ какъ изъ корридоровъ на свѣтъ Божій есть нѣсколько выходовъ, которыми лиса пользуется въ минуты опасности. Лиса охотится днемъ и ночью. Между прочимъ, лиса питается кузнечиками, майскими жуками, дождевыми червями; ѣстъ сливы, груши, рыбу, насѣкомыхъ, но особенно любитъ мышей. Въ апрѣлѣ или маѣ лиса рождаетъ до девяти слѣпыхъ дѣтенышей. Родители заботятся о питаніи дѣтей, носятъ имъ мышей, птицъ, жуковъ; учатъ ловить животныхъ. Осенью дѣтеныши отдѣляются отъ родителей и начинаютъ жить самостоятельно. Лиса живетъ до 15 лѣтъ. Лисицъ ловятъ въ капканы; стрѣляютъ, когда она останавливается, слыша

голосъ охотника, подражающаго писку мыши.

Песецъ (Canis lagopus). Отличительные признаки песца: длина фута 2, короткія лапы, тупое крѣпкое рыло, короткія круглыя уши, толстая съ густою шерстью кожа. Лѣтомъ песецъ—песочнаго цвѣта, зимой—бѣлаго. Вообще, песцы бываютъ разные: бѣлые, голубоватые и т. д. Песецъ не имѣетъ норы, онъ прячется, гдѣ придется; ѣстъ все, но особенно любитъ мышей. Изъ птицъ онъ любитъ бѣлыхъ куропатокъ, береговыхъ птицъ. Песецъ очень назойливъ, дерзокъ до глупости. Иногда изъ любопытства, онъ очень близко подходитъ къ человѣку. Если видитъ онъ въ рукѣ у человѣка мясо, то подходитъ къ ногамъ человѣка, хотя бы въ другой рукѣ человѣкъ держалъ оружіе. Въ концѣ іюня самка рождаетъ до 12 дѣтенышей. Песцовъ истребляютъ ради мѣха, который не дорогъ. Лучшій мѣхъ—съ темноголубымъ оттѣнкомъ.

Рысь (Felis lynx) бываетъ длиною до 4-хъ фут., хвостъ—до 8 дюйм., высота—до 2-хъ фут.; вѣситъ болѣе 50 фунтовъ. Туловище рыси сильное, сжатое съ боковъ, конечности и хвостъ сильные, особенно сильны

бедра. Уши у рыси длинныя, оканчиваются пучкомъ черныхъ волосъ, почти въ 2 дюйма длиною. На верхней губѣ усы. Туловище покрыто густою шерстью, удлиняющеюся на мордѣ, отчего образуется борода, концы которой висятъ по сторонамъ морды. Мѣхъ на верхней части тѣла красновато-бурый, съ бѣловатымъ; на головѣ, шеѣ, спинѣ, бокахъ—рыже-бурый, съ черными волосами. Хвостъ покрытъ волосами, широкій черный конецъ его занимаетъ половину длины. Лѣтомъ шерсть рыси бываетъ короче, рыжеватая, зимой—длинная, сѣро бѣловатая. Рысь живетъ въ густыхъ, темныхъ лѣсахъ, по горамъ, въ чащѣ, травѣ, въ норахъ барсука, лисы. Она влѣзаетъ на деревья и бросается на проходящихъ животныхъ. Рысь и слышитъ и видитъ хорошо. Рысь приноситъ много вреда животнымъ оленямъ, лосямъ, барсукамъ; ѣстъ рябчиковъ, глухарей, бѣлокъ, мышей. Рысь, охотясь на крупныхъ животныхъ (оленя), бросается и схватываетъ зубами за затылокъ, глубоко запускаетъ свои когти и старается перекусить шейныя артеріи. Рысь тѣмъ вреднѣе, что она давитъ, въ силу своей кровожадности, столько животныхъ, сколько можетъ.

Рысь размножается не сильно, самка рож-

даетъ до трехъ дѣтенышей. Рысь рѣдка и охота на нее опасна. Несмертельный выстрѣлъ ее раздражаетъ, она бросается охотнику на грудь, глубоко вонзаетъ когти, кусаетъ Собакъ она не боится. Мѣхъ рыси дорогъ.

Кротъ (Talpa europea). Кротъ, съ его вальковатымъ тѣломъ, хоботобразнымъ носомъ съ лапами для копанія, извѣстенъ. Мѣхъ крота мягкій, бархатистый. Его стихія—земля, въ которой онъ постоянно роется, дѣлая горизонтальные ходы подъ поверхностью земли. Всего искуснѣе устроено его гнѣздо-комната. На разстояніи отъ гнѣзда въ 6—10 д. идетъ круговая галлерея на одинаковой высотѣ съ гнѣздомъ, другая галлерея, поменьше, лежитъ выше. Изъ гнѣзда три входа въ меньшую галлерею и много другихъ ходовъ, соединяющихъ галлереи. Постель въ спальнѣ крота устлана мягкими листьями, а стѣны спальни утоптаны. Мѣста охоты крота лежатъ обыкновенно далеко отъ спальни. Кротъ выходитъ на добычу три раза въ день - утромъ, въ полдень и вечеромъ. Рытье для крота легко. Лапами онъ держится за опредѣленное мѣсто, а рыломъ разрываетъ землю и потомъ отгребаетъ ее назадъ. Когда позади образуется большая

куча, онъ выбрасываетъ землю на поверхность. Уши кротъ можетъ произвольно закрывать, поэтому земля не попадаетъ. Главная пища крота состоитъ изъ дождевыхъ червей и личинокъ насѣкомыхъ, улитокъ. Кротъ ищетъ, гдѣ добыча и потому опускается то ниже, то выше. Встрѣча въ коридорахъ съ какимъ бы то ни было животнымъ, хотя бы со своимъ братомъ-кротомъ, оканчивается смертью встрѣчнаго или хозяина. Кротъ охотится круглый годъ; зимою глубже въ землѣ. Самка рождаетъ до пяти, съ сухой бобъ величиною, слѣпыхъ дѣтенышей. Дѣтеныши крота быстро ростутъ. Кротъ безспорно полезенъ; деревьевъ онъ не портитъ. Но чтобы защитить, напримѣръ, отъ посѣщеній крота садъ, для этого слѣдуетъ натолочь черепковъ стекла, колючекъ и пр. и закопать ихъ на 2 фута въ глубь кругомъ всего мѣста, которое желаешь защитить. Это кольцо удерживаетъ всякаго крота. Начиная рыть, онъ обыкновенно колетъ морду и издыхаетъ.

Ежъ (Erinaceus europaeus). Отличительный признакъ ежа—иглы, покрывающія все туловище. На животѣ, передней части шеи, на головѣ—щетинистые, но мягкіе волоса.

Ежъ устраиваетъ себѣ жилище подъ плетнемъ, въ кустѣ, въ кучѣ хвороста, въ норкѣ. Гнѣздо ежа состоитъ изъ листьевъ, соломы, сѣна. Его жилище имѣетъ два выхода—на полдень и на сѣверъ. При опасности, ежъ свертывается и получается колючій шаръ. Не остается никакого признака, по которому можно было бы признать животное. Предъ глазами лежитъ шаръ съ однимъ только углубленіемъ. Углубленіе это ведетъ къ животу, въ немъ спрятаны голова и ноги ежа. Взять въ руки шаръ нельзя, онъ очень колючъ. Но слѣдуетъ только повернуть шаръ углубленіемъ внизъ, гладить тихонько щетины спереди назадъ, и онѣ приходятъ въ порядокъ. Тогда можно безопасно взять ежа въ руки. Чтобы видѣть, какъ развертывается ежъ, нужно колючій шаръ положить на столъ и ждать, или пускать въ углубленіе табачный дымъ. Ежъ весь день спитъ, а въ сумерки выходитъ на охоту—ловить кузнечиковъ, сверчковъ, таракановъ, майскихъ и навозныхъ жуковъ, насѣкомыхъ, червей, мышей, гадюкъ. Ежъ очень полезенъ. Самка рождаетъ до 8 слѣпѣхъ дѣтенышей въ гнѣздѣ, въ кучѣ хвороста или на хлѣбномъ полѣ. Зиму ежъ проводитъ въ глубокой спячкѣ. Живетъ онъ

до 10 лѣтъ. Врагъ ежа—лиса. И свертываніе въ клубокъ ежу не помогаетъ. Лиса тихо толкаетъ колючій шаръ къ водѣ и, наконецъ, сбрасываетъ въ воду. Ежъ развертывается и она схватываетъ его за морду.

Бѣлка (Sciurus vulgaris)—обитательница хвойныхъ лѣсовъ. Свое жилище она устраиваетъ, большею частью, въ вороньихъ гнѣздахъ, въ дуплахъ деревьевъ. Впрочемъ, она имѣетъ не одно, а нѣсколько гнѣздъ. Бѣлка питается плодами, сѣмянами, почками, вѣтками, ягодами, зернами, грибами, яйцами птицъ и птицами. Главную пищу бѣлки составляютъ еловыя и сосновыя сѣмена, и молодые побѣги. Бѣлка дѣлаетъ запасъ сѣмянъ. Помѣщеніе для запасовъ устроивается обыкновенно въ расщелинахъ, дуплахъ, норахъ. Бѣлка дважды въ годъ—въ апрѣлѣ и іюнѣ—рождаетъ до 15 дѣтенышей, которыя остаются слѣпыми впродолженіе девяти дней. Бѣлка очень чистоплотна.

Летучая бѣлка (Pteromys volans)—меньше обыкновеннной бѣлки. Мѣхъ летяги густой, мягкій, лѣтомъ на спинѣ—суроватый, на летательной перепонкѣ и наружной сторонѣ ногъ—коричнево-сѣрый, на животѣ—бѣлый,

на хвостѣ—буро-сѣрый, снизу—свѣтло-рыжій. Зимою шерсть свѣтлѣе. Летательная перепонка состоитъ изъ плотной кожи, прикрѣпленной къ переднимъ и заднимъ конечностямъ и къ обѣимъ сторонамъ туловища. Летяга любитъ большіе лѣса смѣшанные и березовые. Днемъ она спитъ въ дуплѣ, свернувшись въ клубокъ. Въ сумерки летучая бѣлка отправляется за добычей. Пища ея - почки, сережки и отпрыски березы, только нужда заставляетъ ее питаться побѣгами елей и сосны. Въ холода летяга спитъ, но не постоянно, она часто пробуждается. Мѣстомъ сна служитъ для ней гнѣздо какой-либо птицы или свое, устроенное въ дуплѣ и устланное мхомъ, гнѣздо. Лѣтомъ летяга производитъ на свѣтъ 3 дѣтенышей, которыхъ долго кормитъ грудью. Мѣхъ летяги плохъ, потому что ея шкура очень мягка и тонка.

Сѣрая крыса (Mos decumanus). Верхняя половина тѣла и хвостъ сѣрой крысы—буровато-сѣрыя, а нижняя часть—свѣтлосѣрая. Средина спины темнѣе боковъ, цвѣтъ которыхъ желтовато-сѣрый. Сѣрая крыса живетъ въ нижнихъ этажахъ зданій, сырыхъ подвалахъ, отхожихъ мѣстахъ, грунтовыхъ са-

раяхъ, словомъ во всевозможныхъ уголкахъ человѣческихъ жилищъ. Крысы могутъ прогрызать стѣны. Пищей для крысъ служитъ все, что ѣстъ человѣкъ. Кромѣ того, онѣ грызутъ кожи, рогъ, древесную кору. Крыса рождаетъ по 6—7 дѣтенышей, но иногда ихъ съѣдаетъ. Крысы, какъ всѣмъ извѣстно, чрезвычайно вредны и ихъ слѣдуетъ истреблять.

Водяна крыса (Arvicola amphibius). Эта имѣетъ до 9 дюйм. длины. Мѣхъ ея сѣробурый или буро-черный, на животѣ свѣтлый или сѣрый. Хвостъ короткій. Водяная крыса живетъ въ норахъ; по водѣ плаваетъ превосходно. Пища водяной крысы—насѣкомыя, лягушки, рыбы, яйца птицъ. Водяная крыса рождаетъ ежегодно въ четыре раза до 20 дѣтенышей.

Родственники крысъ—тоже вредныя животныя, грызущія, что попадетъ, мыши:

Домашняя мышь (Mus musculus).

Лѣсная мышь (Mus silvaticus).

Полевая мышь (Mus agrarius).

Эти названія можно назвать относительными, потому что и лѣсная мышь живетъ иногда въ амбарахъ и на полѣ, и полевая

иногда живетъ въ лѣсу. Безспорно то, что всѣ мыши вредны и особенно ненавистны тѣмъ, что грызутъ все, портятъ. Мыши могутъ плавать и по водѣ. Размножаются быстро.

Сѣверный олень (Cervus tarandus). Олень питается травами, мхомъ, лишаями съ камней. На сѣверѣ на оленяхъ ѣздятъ. Олень можетъ бѣжать по глубокому снѣгу и не вязнетъ, такъ какъ его копыта имѣютъ способность очень расширяться.

Лось (Cervus alces)—огромное животное длиною 8 фут., вышиною у загривка въ 6 фут., вѣсомъ до 400 фунт. Лось живетъ въ уединенныхъ мѣстахъ, особенно гдѣ ростетъ ива, береза, осина. Благодаря своимъ разсѣченнымъ, соединеннымъ между собою перепонкою, копытамъ, лось можетъ ходить по всевозможнымъ болотамъ. Лось питается побѣгами и листьями ивъ, березъ, ольхъ, рябинъ, сосенъ и этимъ приноситъ огромный вредъ. Мясо лося съѣдобно.

Выдра рѣчная (Lutra vulgaris). Выдра—животное,—родная стихія котораго вода, гдѣ она очень искусно плаваетъ, охотясь за рыбами, раками, водяными крысами.

Выдра живетъ въ подземныхъ ходахъ, выходъ изъ которыхъ обыкновенно подъ водою. Отъ выхода тянется кверху ходъ, оканчивающійся просторнымъ, сухимъ, устланнымъ травою логовищемъ. Второй коридоръ ведетъ изъ логовища къ поверхности берега. Спасеніе для рыбы, за которою охотится выдра, возможно въ тѣ секунды, когда выдра принуждена бываетъ подняться на поверхность, чтобы дышать. Въ маѣ самка рождаетъ до 4 дѣтенышей въ норѣ, подъ корнями прибрежныхъ деревьевъ. Выдра безспорно вредна. Но убиваютъ ее болѣе для прочнаго, теплаго блестящаго мѣха, который довольно цѣненъ. Цвѣтъ мѣха выдры на спинѣ блестящій темно-бурый, на брюхѣ свѣтлѣе, подъ шеей и съ боковъ головы еще свѣтлѣе. По срединѣ верхней губы находятся пятнышки бѣловатаго цвѣта. Выдра длиной бываетъ до 3 ф., вышина у зашейка до 1 фута. Выдра охотится по большей части ночами, особенно въ лунныя ночи.

Заяцъ-русакъ (Lepus timidus). Заяцъ болѣе ночное животное, хотя и въ солнечные дни рыскаетъ по полямъ. Заяцъ неохотно покидаетъ мѣсто, гдѣ родится. Его пищу составляетъ капуста, рѣпа, озимь; въ минуты

голода—кора молодыхъ деревьевъ. Зимой заяцъ роетъ въ снѣгу ямку и ложится такъ, что едва замѣтна его спина. Къ своему логовищу заяцъ никогда нейдетъ прямо, а дѣлаетъ нѣсколько круговъ и затѣмъ громадный прыжокъ. Зайчиха въ годъ рождаетъ четыре раза до 10 зайчатъ, съ которыми обращается небрежно.

Заяцъ-бѣлякъ (Lepus variabilis) бодрѣе и смѣлѣе русака. Голова и носъ его короче чѣмъ у русака, уши меньше, заднія ноги длиннѣе, подошвы гуще покрыты волосами. Пищу его составляетъ клеверъ, мать и мачиха, тысячелистникъ, карликовыя березы. Бѣлякъ тоже 4 раза въ годъ рождаетъ дѣтенышей—въ апрѣлѣ или маѣ, іюлѣ или августѣ—до 15 штукъ, и, спустя недѣлю послѣ рожденія, бросаетъ ихъ на всегда. Зимою зайцы бѣлаго цвѣта. Зайцы плохо видятъ, но хорошо слышатъ.

Карельская Финская База
Академии Наук СССР
БИБЛІОТЕКА

Перепеч. изъ №№ 81, 82 и 83 Олон. Губ. Вѣд. 1889 г.

Петрозаводскъ. Въ Губ. Типографіи. 1889.